

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (6) / 2025

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 4 (6) / 2025**

**Донецк
2025**

Главный редактор	С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Заместитель главного редактора	Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Кундзхи</i>)
Ответственный редактор	В.П. Горбачев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Редакционная коллегия:	В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (<i>Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск</i>), Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донецкий государственный университет</i>), В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (<i>Костромской государственный университет</i>), И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (<i>Курский государственный университет</i>), Е.Г. Ляхов, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</i>), Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, профессор (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>), Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), И.В. Панова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), В.П. Сальников, доктор юридических наук, профессор (<i>Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ</i>), Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (<i>Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург</i>), А.Г. Хабибулин, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова</i>), Р.В. Чикулаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Пермский государственный национальный исследовательский университет</i>), А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва</i>), А.В. Войтов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Кундзхи</i>), В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474)
Основатель и издатель	Министерство юстиции Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк. Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 08.12.2025 г. № 4 Язык публикации: русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес издателя:	119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
Адрес редакции:	283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 4 (6). – Донецк: ДГУЮ, 2025. – 143 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2025

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 4 (6) / 2025**

**Donetsk
2025**

UDK 34

Editor-in-chief	S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Deputy editors-in-chief	N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>)
Executive editor	V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Editorial board:	V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Yugra State University, Khanty-Mansiysk</i>), N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donetsk State University</i>), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kostroma State University</i>), I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kursk State University</i>), E.G. Lyakhov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot</i>), Yu.V. Mishalchenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>St. Petersburg State University</i>), T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), I.V. Panova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), V.P. Salnikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Zhukov Military Academy of the Russian National Guard</i>), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg</i>), A.G. Khabibulin, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow State University named after M.V. Lomonosov</i>), R.V. Chikulaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Perm State National Research University</i>), A.I. Chuchayev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>), A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), Yu.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>), V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>)
The journal is registered	Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474).
Founder and Publisher	Ministry of Justice of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice The Minute № 4 dated 08.12.2025. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
Publisher's address:	119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office:	283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 4 (6). – Donetsk: DSUJ, 2025. – 143 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Donbass State University of Justice», 2025

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Университетская хроника.....	7
Научные материалы.....	15
Бордюгов Л.Г.	
Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности – новое направление исследований в судебно-экспертных учреждениях Минюста России.....	15
Гапотченко Г.Н.	
Основание и процессуальный порядок прекращения уголовного дела вследствие акта об амнистии.....	23
Гладких И.В.	
Формирование коммуникативной компетентности будущих юристов.....	31
Гребеньков Г.В., Мазина Н.Е.	
Право как предмет философского анализа: гносеологические и методологические основания исследования.....	41
Гром Е.А., Козачёк Е.С.	
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: историческая ретроспектива и современные проблемы квалификации.....	56
Дьяченко Г.С.	
Разведывательный альянс «Five Eyes»: история, структура и современная роль	65
Коваленко Э.Д., Булавкин А.А.	
Понятие и признаки соучастия в преступлении в уголовном праве.....	76
Мироненко С.Ю.	
Военные преступления НАТО в Косово.....	88
Охременко С.И., Заремба П.А.	
Цифровая трансформация и формирование новых профессиональных компетенций молодых специалистов в области юриспруденции в контексте развития «цифрового государства».....	97
Сиренко Б.Н., Стрельцова Н.Л.	
Правовое положение органов местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению.....	107
Штокалова А.А., Цопа О.А., Абдурахимова М.Г.	
Права военнослужащих в международном праве.....	118
Шульга В.В., Гром Е.А.	
Влияние вторичной занятости на учебную деятельность студентов-юристов....	126
История правовой науки.....	139

CONTENTS

Bordyugov, L.G.

Forensic expertise of labor protection and safety technology – a new area of research in forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation..... 15

Gapotchenko, G.N.

Basis and procedural regulations for the dismissal of a criminal case as a result of an amnesty act..... 23

Gladkikh, I.V.

Formation of communicative competence of future lawyers..... 31

Grebenkov, G.V., Mazina, N.E.

Law as a subject of philosophical analysis: epistemological and methodological foundations of the study..... 41

Grom, E.A., Kozachok, E.S.

A knowledge-based false report of an act of terrorism: historical retrospective and current qualification issues..... 56

Dyachenko, G.S.

The five eyes intelligence alliance: history, structure, and modern role..... 65

Kovalenko, E.D., Bulavkin, A.A.

The concept and signs of complicity in a crime in criminal law..... 76

Mironenko, S.Yu.

NATO war crimes in Kosovo..... 88

Ohremenko, S.I., Zaremba, P.A.

Digital transformation and the formation of new professional competencies of young professionals in the field of law in the context of the development of the «digital state»..... 97

Sirenko B.N., Strelcova, N.L.

The legal status of local self-government bodies as the level of public authority closest to the population..... 107

Shtokalova, A.A., Tsopa, O.A., Abdurakhimova, M.G.

Military personnel's rights in international law..... 118

Shulga, V.V., Grom, E.A.

The impact of secondary employment on legal students' educational activities..... 126

Университетская хроника

XX Всероссийский молодежный форум «Моя законотворческая инициатива» проходил в Москве с 3 по 5 октября 2025 года – важное мероприятие для молодых правоведов, которое собрало перспективных участников из всех уголков России.

На форуме было представлено множество законотворческих инициатив, которые оценивались компетентным жюри. Члены жюри, среди которых – уважаемые эксперты в области права и представители государственных органов, предоставили участникам возможность не только представить свои проекты, но и получить ценные рекомендации для их совершенствования.

Цель форума – поддержка инновационных подходов к законотворчеству и создание площадки для общения молодых юристов с ведущими экспертами, что способствует развитию правовой культуры и законодательных инициатив в России.

Донбасский государственный университет юстиции гордится своими представителями, которые не только продемонстрировали выдающийся уровень подготовки, но и подтвердили статус университета как ведущего образовательного учреждения в области юриспруденции. В очный этап прошла Иванна Сергеевна Лупандина, студентка 3 курса под научным руководством старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права Валерия Валерьевича Загороднего, а также обучающиеся группы 321 ЮБГП Никита Андреевич Кашпер и Ростислав Викторович Рагулин под научным руководством доцента кафедры административно-правовых и финансово-правовых дисциплин, к.ю.н., доцента Ракши Натальи Станиславовны.

Результатом участия в форуме стала победа в секции «Оборона и безопасность». И.С. Лупандина награждена дипломом победителя и именным знаком отличия «Депутатский резерв».

В.В. Загородний как научный руководитель удостоен дипломом «За победу в XX Всероссийском конкурсе молодежи образовательных и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива» и получил именной знак отличия «Депутатский резерв».

Студенты Н.А. Кашпер и Р.В. Рагулин, которые в этой же секции представили экспертной комиссии исследование на тему: «Усовершенствование основных направлений правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», награждены дипломом 1-й степени за успехи в XX Всероссийском конкурсе молодёжи образовательных и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива». Научный руководитель Н.С. Ракша –

дипломом «За подготовку призера Всероссийского конкурса молодежи образовательных учреждений и научных организаций».

Основные положения и выводы представленного студентами на конкурс научного исследования опубликованы в Сборнике тезисов конкурсных работ, включенных в программу Всероссийского форума. Сборник направлен в профильные комитеты и комиссии Совета Федерации и Государственной Думы, федеральные министерства и ведомства, в ведении которых находятся образовательные и научные организации, субъектам права законодательной инициативы для информации и использования в работе по подготовке законодательных актов.

IV Семинар-совещание с руководителями образовательных и научных организаций ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, инициированный Министерством науки и высшего образования РФ, 16-17 октября 2025 года прошёл в Ростове-на-Дону на площадке ДГТУ.

В мероприятии приняли участие представители Минобрнауки России, региональных министерств, ведущих вузов и научных организаций. В их числе и делегация Донбасского государственного университета юстиции в составе проректора по экономике и административно-хозяйственной деятельности, председателя Исполнительного комитета РО АЮР в ДНР Дениса Васильевича Лобова и проректора по научной работе ДГУЮ Минюста России Сергея Юрьевича Мироненко.

Первый день мероприятия был посвящён ключевым вопросам интеграции и развития научно-образовательной сферы присоединённых субъектов Российской Федерации. На трех пленарных заседаниях обсуждался широкий спектр тем: ход и направления развития научно-образовательного пространства новых регионов, особенности и нововведения в организации работы научных и образовательных организаций на этих территориях, реализация молодежной и социальной политики.

Второй день семинара-сессии прошёл не менее продуктивно. Была организована рабочая сессия, посвященная реализации государственной политики на территории воссоединившихся субъектов Российской Федерации. Также состоялся круглый стол, на заседании которого обсуждалось развитие строительного образования в этих регионах.

Кроме того, прошли рабочие сессии по темам «Молодёжная политика как элемент воспитания» и «Обеспечение комплексной безопасности образовательных и научных организаций ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей». В качестве модераторов и спикеров выступили представители Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации,

Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства просвещения РФ, а также руководители министерств, правительств и образовательных организаций ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей.

Благодарим за участие в Семинаре-совещании наших проректоров и вклад в развитие и становление единого научно-образовательного пространства страны.

III Международный форум молодых дипломатов «Меркурий-2025» состоялся с 28 по 31 октября в Мариуполе – масштабное общественно-политическое событие, объединившее более 300 участников из 20 регионов России и более 20 зарубежных стран.

Активное участие в мероприятии приняли и студенты Донбасского государственного университета юстиции. Главной темой форума стала «Дипломатия Победы».

Организаторами выступили Представительство МИД России в Донецке и Центр молодёжной дипломатии «Легатус». Форум открыла руководитель Представительства МИД России в Донецке Наталья Михайлова.

Свои приветствия участникам форума направили Глава ДНР Денис Пушилин, официальный представитель МИД России Мария Захарова, председатель комитета Совета Федерации по международным делам Григорий Карасин, а также другие ведущие российские политики и дипломаты.

В рамках форума состоялись:

- Панельная дискуссия «Преступления киевского режима: наказание неизбежно» с участием Посла по особым поручениям МИД России Родиона Мирошника, руководителя Представительства МИД России в Луганске

Владислава Дейнего и экспертов МГИМО.

- Работа тематических секций «Дипломатия памяти» и «Дипломатия – язык мира», где выступили сенатор Наталья Никонорова, руководитель Россотрудничества Евгений Примаков, представители МИД, ведущих вузов страны и иностранные гости – включая делегатов из Сербии и США.

Особое внимание было уделено патриотической программе. Участники возложили цветы к мемориалам «Саур-Могила», «Детям – жертвам войны в Донбассе» и на «Аллее Героев». Также были проведены историческая реконструкция «Матча Смерти», состоявшегося 31 октября 1941 года в Мариуполе, и интерактивная игра «Донбасская модель ООН», позволившая участникам применить навыки дипломатического диалога на практике.

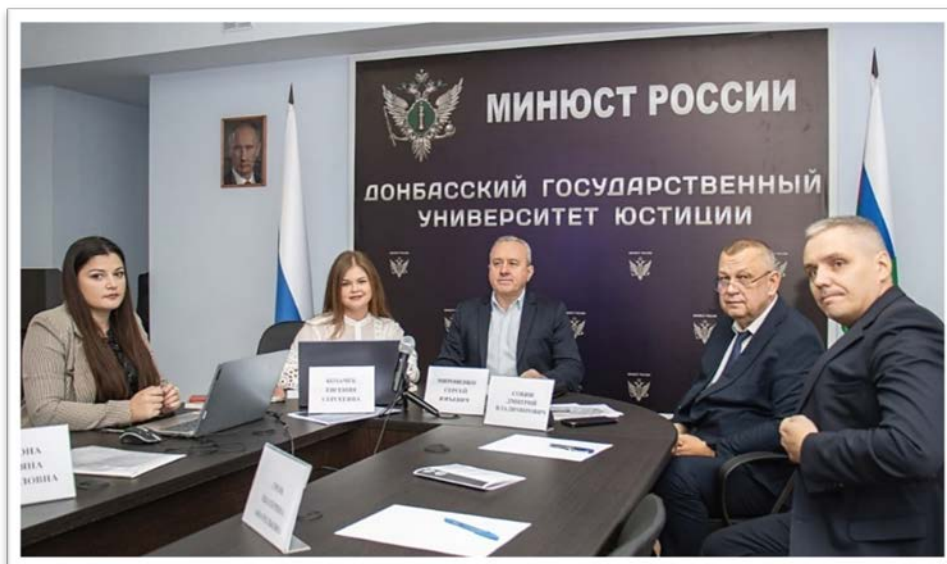

По итогам форума была принята Петиция к мировому сообществу с призывом остановить террор киевского режима против мирных жителей России и повлиять на украинское руководство, чьи действия угрожают глобальной безопасности. *«Мы не можем молчать, когда на наших глазах разрушаются основы международной безопасности. Наша цель – не допустить глобальную катастрофу и остановить спонсируемый Западом террор»*, – подчеркнули участники Форума.

Студенты ДГУЮ Минюста России активно включились в работу всех направлений форума, продемонстрировав высокий уровень подготовки. Участие в «Меркурии-2025» стало важным этапом их профессионального и гражданского становления.

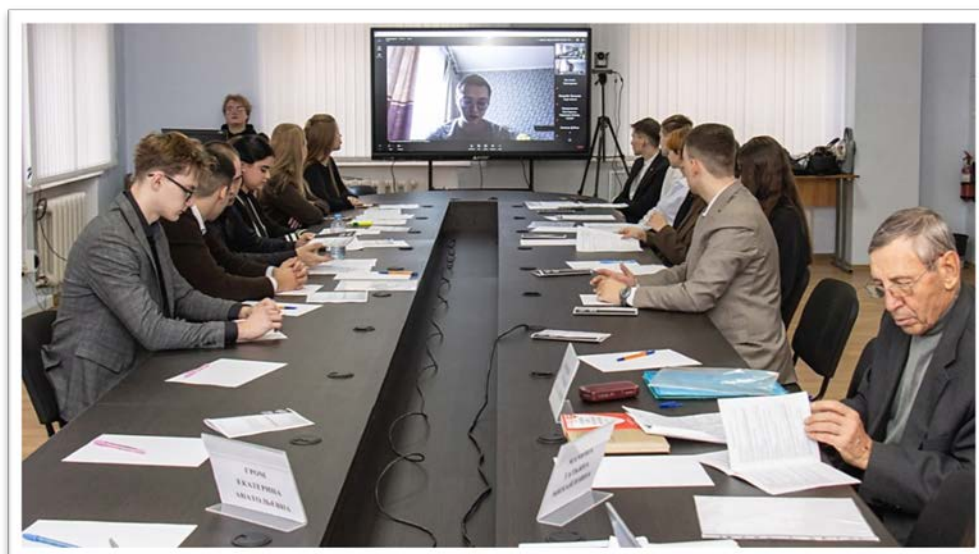
III Всероссийский научный студенческий круглый стол «Современные тенденции развития уголовно-правовых наук» в стенах ДГУЮ был проведен 31 октября 2025 года кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Донбасского государственного университета юстиции.

Со вступительным словом к участникам круглого стола обратились: Мироненко Сергей Юрьевич – проректор по научной работе, к.ю.н., доцент; Собин Дмитрий Владимирович – заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права ДГУЮ Минюста России, к.ю.н.

Всего для участия в круглом столе было направлено 80 заявок. На заседании очно и в дистанционном формате выступили 28 докладчиков – представителей различных ВУЗов Российской Федерации из числа магистрантов, студентов и курсантов.

В рамках работы круглого стола обсуждались проблемы, связанные с квалификацией деяний в сфере экологии, экономики, военной и гражданской службы, направленные против личности, общественной безопасности, здоровья населения и другие. Безусловный интерес со стороны молодых исследователей

вызвали преступления, совершаемые в цифровой среде и с использованием цифровых технологий, в связи с чем авторы делились своими наработками по вопросам криминализации дипфейков, кибербуллинга, stalking, кибергroomинга и т. д. Отмечено внимание со стороны студентов к вопросам противодействия терроризму, экстремизму и коррупционным проявлениям. Значительная часть докладов посвящена исследованию личности преступников, в том числе несовершеннолетних.

В обсуждении актуальных уголовно-правовых проблем круглого стола приняли активное участие обучающиеся Донбасского государственного университета юстиции (г. Донецк); Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (г. Москва); Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь); Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск); Московского государственного лингвистического университета (г. Москва); Новосибирского национального исследовательского государственного университета (г. Новосибирск); Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург); Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Иркутск) и его Ростовским (г. Ростов-на-Дону), Центральным (г. Воронеж) и Восточно-Сибирским (г. Иркутск) филиалами.

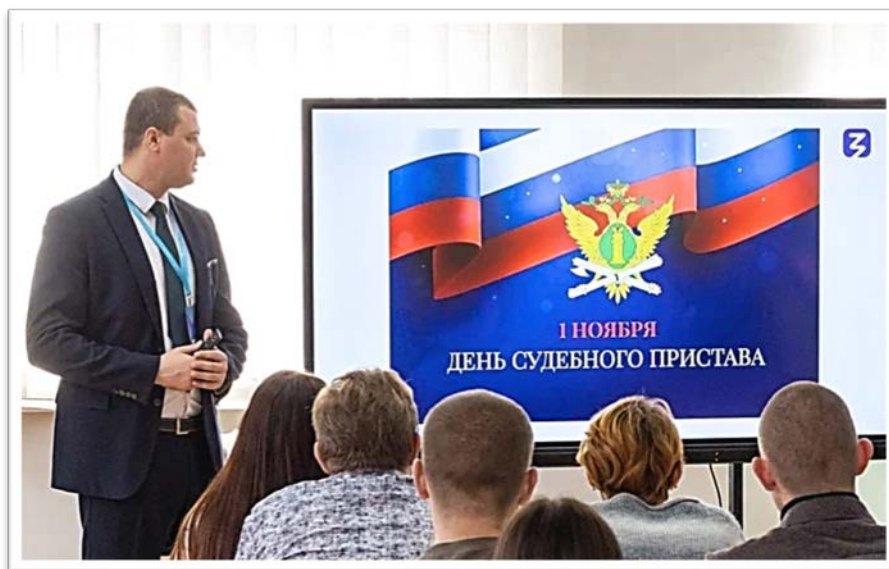
Состоявшийся исследовательско-информационный обмен участников проблемами и достижениями, перспективами развития уголовно-правовых наук в полном объеме отвечает целям и задачам, поставленным перед научным мероприятием. По результатам работы III Всероссийского научного студенческого круглого стола «Современные тенденции развития уголовно-правовых наук» всем докладчикам вручены сертификаты, запланирован выпуск сборника материалов.

160 лет со дня основания института судебных приставов в России

По инициативе Общественного совета при Главном управлении Федеральной службы судебных приставов по Донецкой Народной Республике для обучающихся 3 курса института правосудия и организации службы судебных приставов ДГУЮ Минюста России состоялась лекция, приуроченная к 160-летию со дня основания института судебных приставов 1 ноября 2025 года.

С приветственным словом к будущим юристам обратилась Председатель Общественного совета Людмила Сапрыкина, отметив неocenимую важность глубокого понимания истории института для формирования профессионального мировоззрения и ответственности будущих юристов, а также для осознания роли службы в обеспечении законности и справедливости в обществе.

Лекцию об истории института судебных приставов, позволяющую проследить эволюцию службы, понять ее современные задачи и вызовы, а также проникнуться духом профессии, прочитал начальник управления молодежной политики и воспитательной деятельности ДГУЮ Минюста России, лектор общества «Знание» Виталий Журба.

Представители Общественного совета выразили надежду, что подобные лекции станут доброй традицией, служащей мостом между историческим наследием и будущим профессии, и позволят студентам прикоснуться к истокам службы судебных приставов, вдохновляясь примером преданности и профессионализма предшественников.

Научные материалы

УДК 343.98

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МИНЮСТА РОССИИ

Бордюгов Л.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности является новым родом экспертиз, которые проводятся в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации. Данная судебная экспертиза инициирована практикой расследования уголовных дел по фактам нарушений правил охраны труда и техники безопасности. Ее назначение и проведение долгое время оставалось без должной процессуальной регламентации. Однако и после процессуальной регламентации ряд вопросов остается нерешенным. Статья посвящена проблемным вопросам теоретического и практического плана судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, специальные знания, судебная экспертиза, судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности.

FORENSIC EXPERTISE OF LABOR PROTECTION AND SAFETY TECHNOLOGY – A NEW AREA OF RESEARCH IN FORENSIC EXPERT INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bordyugov, L.G.

Forensic expertise of occupational health and safety is a new type of examination that is conducted in forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation. This forensic expertise was initiated by the practice of investigating criminal cases involving violations of occupational health and safety regulations. For a long time, the appointment and conduct of this examination was not properly regulated. However, even after the introduction of procedural regulations, several issues remain unresolved. This article focuses on the theoretical and practical challenges of forensic expertise of occupational health and safety.

Keywords: *criminal proceedings, preliminary investigation, special knowledge, forensic examination, forensic examination of occupational health and safety.*

Актуальность темы исследования. Судебные экспертизы являются важным инструментом для формирования доказательственной базы в уголовном судопроизводстве. Как свидетельствует практическая деятельность, расследование подавляющей доли преступлений не обходится без назначения и проведения того или иного вида судебных экспертиз.

В последнее время в системе судебных экспертиз, которые проводятся в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, появилось много новых родов и видов. В связи этим разрабатываются научные основы данных видов экспертиз, разрабатываются новые экспертные теории. Не осталась в стороне от этого процесса и экспертиза охраны труда и техники безопасности, которая внесена в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденный приказом Министерства юстиции Российской Федерации № 72 от 20 апреля 2023 года [1].

Анализ следственной практики показывает, что практически каждое уголовное дело по факту травмирования в производственных условиях требует проведения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

Следует отметить, что экспертные исследования в сфере охраны труда и техники безопасности осуществляются «на общих гносеологических основаниях» [2, С. 99].

Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации находится в стадии своего становления, поэтому требует пристального внимания как со стороны специалистов в области процессуального права, так со стороны специалистов в области судебной экспертологии. Ученым предстоит на базе общей концепции судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности разработать ее теоретические и методические основы. Именно этим вопросам и посвящена данная работа.

Анализ научных исследований. Учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз является одним из центральных в судебной экспертологии. Проблемы создания новых видов судебных экспертиз исследовали такие ученые, как: Т.В. Аверьянова, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Ю.Г. Корухов, Н.Т. Малаховская, Н.С. Неретина, Е.Р. Россинская, А.Р. Шляхов и многие другие. При этом в основном уделялось внимание рассмотрению вопросов по определению содержания, предмета, объектов, вопросов и задач судебных экспертиз новых видов.

В частности, Н.С. Неретина утверждает, что процесс возникновения и развития новых видов судебных экспертиз с одной стороны связан с развитием науки и техники, а с другой – с потребностями следственной и судебной практики [3, С. 110].

Вопросы возникновения и развития новых видов судебных экспертиз подробно освещены в работах Е.Р. Россинской [4; 5].

Вопросы же формирования и развития судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности российскими учеными исследованы в недостаточной степени. Хотя в последнее время стали появляться работы, рассматривающие теоретические и методические вопросы данной экспертизы [6], в том числе и работы автора данной статьи [7; 8].

Цель исследования – рассмотрение проблемных вопросов, которые возникают в практике назначения и проведения судебных экспертиз охраны труда и техники безопасности в уголовном судопроизводстве.

Изложение основного материала. История умалчивает, когда впервые начали выполнять исследования или судебные экспертизы по фактам нарушений правил техники безопасности. Скорее всего, это было, когда были приняты первые правовые нормы, регулирующие правоотношения в области охраны труда.

Вместе с тем в литературе имеются сведения о том, что уже в работах ученых Древней Греции и Древнего Рима имелись упоминания об условиях труда. В России одним из первых обратился к безопасности проводимых работ М.В. Ломоносов, который в 1742 году в своей работе «Первые основания металлургии или рудных дел» [9] рассмотрел «различные вопросы безопасности и гигиены труда «горных людей» [10]. Подробно об этом труде М.В. Ломоносова изложено в работе «М.В. Ломоносов и его труд «Первые основания металлургии или рудных дел» (к 300-летию со дня рождения)» [11]. В 1847 году врачом А.Н. Никитиным был издан труд «Болезни рабочих с указанием предохранительных мер», в котором были описаны «условия труда 120 профессий» [12, С. 269].

В конце XIX в. – начале XX в. в России было принято ряд законов, регламентировавших социально-трудовые отношения, которые в 1913 году были систематизированы в Уставе «О промышленном труде» и опубликованы в сборнике законов Российской Империи.

В советский период интенсивно развивалось законодательство о труде и об охране труда. После распада СССР, в России в 1993 году были приняты «Основы законодательства Российской Федерации об охране труда» [13], которые стали основным документом при разработке и принятии в 1999 году Федерального закона № 181-ФЗ «Об основах охраны труда в Российской Федерации» [14].

В настоящее время актуальными являются теоретические разработки по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности [15].

Учитывая сложность расследования данных преступлений, практика диктует необходимость внедрения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности в судебно-экспертную деятельность.

До недавнего времени такие экспертизы проводились специалистами различных профильных НИИ, частными экспертами. Это не противоречило законодательству, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [16] определено, что при условии, если в государственном судебно-экспертном учреждении отсутствуют эксперты конкретной специальности, производство экспертизы может быть поручено негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении.

Нередко такие специалисты сами придумывают название документа, который они выпускают после экспертного исследования, подтверждая их соответствующими свидетельствами, выданными различными «коммерческими и некоммерческими структурами» [17, С. 41].

В нормативном правовом плане судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности была закреплена как род экспертизы, которая проводится в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, Приказом Министерства юстиции Российской Федерации № 72 от 20 апреля 2023 года [1].

Следует отметить, что название данного рода экспертизы носит противоречивый характер, поскольку охрана труда носит более широкий характер, чем техника безопасности, т.е. можно сказать техника безопасности входит в понятие охрана труда. Поэтому более правильным было бы данный род экспертизы назвать экспертиза охраны труда.

Большинство исследователей считает, что в процессе разработки теоретических основ судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности необходимо определить диапазон методов экспертного исследования, разграничить содержание стадий экспертного исследования, определить содержание специальных знаний, используемых экспертом в процессе исследования, уточнить круг объектов экспертного исследования и их специфику. Характер этих вопросов, их взаимосвязь и роль в процессе проведения судебной экспертизы указывает на то, что они составляют в целом одну общую проблему. Такой проблемой является отсутствие общей теории судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности, разработка которой будет способствовать формированию общих закономерностей экспертных исследований экспертизы данного рода.

В 2017 году в экспертную практику Республиканского центра судебных экспертиз Министерства юстиции Донецкой Народной Республики были внедрены горно-техническая экспертиза и экспертиза безопасности жизнедеятельности и охраны труда. Автор данной работы принимал непосредственное участие в их внедрении. За 6 лет работы одним судебным экспертом, аттестованным по указанным экспертным специальностям, в Республиканском центре судебных экспертиз Министерства юстиции Донецкой Народной Республики было проведено 336 судебных экспертиз и экспертных исследований¹. Как видим, у органов расследования и судов имеется потребность в использовании специальных знаний в области охраны труда и

¹ Данные из Архива Республиканского центра судебных экспертиз Министерства юстиции Донецкой Народной Республики.

техники безопасности при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел данной категории.

Специалистами Республиканского центра судебных экспертиз Министерства юстиции Донецкой Народной Республики была разработана методология указанных выше судебных экспертиз.

Согласно данной методологии указанные экспертизы должны проводиться по единой схеме, которая включает несколько стадий: подготовительная, детальное исследование, оценка результатов исследования. Более подробная информация о стадиях экспертного исследования содержится в следующей работе [18].

Предлагается данную схему исследования использовать и в судебной экспертизе охраны труда и техники безопасности.

В процессе развития судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности, на основании накопления эмпирического и практического материала необходимо продолжить дальнейшие теоретические разработки. На основании практического опыта и теоретических разработок, с целью более узкой специализации относительно отраслей экономики, считаем более правильным в будущем разделить экспертизу охраны труда и техники безопасности на следующие виды:

Исследование соответствия деятельности на объектах угольной промышленности требованиям охраны труда.

Исследование соответствия деятельности на объектах металлургической промышленности требованиям охраны труда.

Исследование соответствия деятельности на объектах нефтегазовой промышленности требованиям охраны труда.

Исследование соответствия деятельности на объектах машиностроения требованиям охраны труда.

Исследование соответствия деятельности на объектах сельского хозяйства требованиям охраны труда.

Узкая специализация позволит судебным экспертам более глубоко овладевать знаниями о технологических процессах в той или иной отрасли промышленности, что в конечном итоге позволит на более качественном уровне решать экспертные задачи по исследованию вопросов охраны труда и техники безопасности применительно к конкретной отрасли промышленности.

Это можно проследить на примере судебной экологической экспертизы, в которой такое деление возникло «по мере ее развития и конкретизации задач, объектов, методологии их исследования» [4, С.121].

При этом следует заметить, что назначение судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности, как, впрочем, и любой другой, предполагает наличие не только оснований для ее назначения, но и наличие соответствующего комплекса материалов и исходных данных, необходимых для исследования. В частности, в обязательном порядке необходимо наличие акта проведения ведомственного расследования происшествия.

Выводы судебной экспертизы зависят от полноты и качества собранных органом расследования материалов, которые в свою очередь зависят от своевременности и качества осмотра места происшествия, а также изъятия различных документов.

Следует отметить, что цели использования заключения эксперта могут быть уже, чем цели назначения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности. Это происходит в том случае, если эксперт по тем или иным причинам не смог ответить на все вопросы, которые перед ним поставил орган расследования. Такими причинами могут быть недостаточность представленных на исследование материалов, отсутствие необходимого оборудования, отсутствие необходимых методик исследования и т.д. Таким образом, возможность использования заключения эксперта будет уже тех целей, которые орган расследования ставил в процессе назначения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

В некоторых случаях цели использования заключения эксперта бывают шире тех, которые орган расследования ставил при назначении судебной экспертизы. Это может произойти в том случае, если судебный эксперт, воспользовавшись своим правом на экспертную инициативу, что не противоречит процессуальному законодательству (ст. 57 УПК РФ), исследовал вопрос, который перед ним не был поставлен в постановлении о назначении судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности, однако имел отношение к предмету экспертного исследования;

Вместе с тем, на практике чаще всего цели использования заключения эксперта совпадают с целями назначения судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности.

Выводы. Внедрение в экспертную практику нового рода судебной экспертизы – экспертизы охраны труда и техники безопасности позволит органам расследования на более качественном уровне расследовать уголовные дела по фактам нарушений правил охраны труда и техники безопасности. Немаловажную роль в этом должна сыграть разработка общей концепции теоретических и практических основ нового рода судебной экспертизы, в которой необходимо оптимизировать понятийный аппарат экспертизы охраны труда и техники безопасности, создать рекомендации по формированию и совершенствованию экспертных технологий в практике ее проведения.

Список литературы

1. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 72 от 20.04.2023 г. «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». – URL: <http://www.sudexpert.ru/files/norms/20042023.pdf> – (дата обращения: 10.10.2025).

2. Белкин, Р.С. Собираение, исследование, оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
3. Неретина, Н.С. Организационные проблемы производства новых родов (видов) судебных экспертиз обличковых характеристик личности / Н.С. Неретина // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 8. – С. 110-119.
4. Россинская, Е.Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз / Е.Р. Россинская // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 3. – С. 114-121.
5. Россинская, Е.Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз / Е.Р. Россинская // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 3 (88). – С. 146-154.
6. Пеньковский, П.Э. Специальные знания в области охраны труда и техники безопасности, промышленной безопасности в правоприменении / П.Э. Пеньковский // Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20. – № 3. – С. 14-24.
7. Бордюгов, Л.Г. Экспертиза охраны труда и техники безопасности: проблемы и перспективы / Л.Г. Бордюгов // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (Уфа, 25 октября 2024 г.) / Частное учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства». – Уфа, 2024. – 1 электрон. опт. диск. – С. 19-23;
8. Методические рекомендации по назначению и проведению судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности / Ю.А. Кривченко, Г.Г. Омельянюк, Л.Г. Бордюгов, И.Н. Марченко, Г.Л. Бордюгов. – Самара : Самарама, 2024. – 128 с.
9. Ломоносов, М.В. Первые основания металлургии или рудных дел / М.В. Ломоносов. – СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1763. – 416 с.
10. Иванов, Г.С. Охрана труда: от античности к современности / Г.С. Иванов // Интернет-журнал «Наукovedение». – Том 8. – №3. – 2016. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/16EVN316.pdf> – (дата обращения 26.10.2025).
11. Демидов, А.И. М.В. Ломоносов и его труд «Первые основания металлургии или рудных дел» (к 300-летию со дня рождения) / А.И. Демидов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Наука и образование. – 2011. – № 1. – С. 323-327.
12. Шабаров, А.Н. Вехи истории охраны труда / А.Н. Шабаров, Г.И. Коршунов, З.Н. Черкай, Н.В. Мухина // Записки Горного института. – 2012. – Т. 197. – С. 268-275.
13. Основы законодательства Российской Федерации об охране труда (утв. Верховным Советом Российской Федерации 06.08.1993 № 5600-1). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2400/ – (дата обращения: 25.10.2025).

14. Федеральный закон от 17.07.1999 № 181-ФЗ (ред. от 09.05.2005, с изм. от 26.12.2005) «Об основах охраны труда в Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1983/ – (дата обращения: 25.10.2025).
15. Методика расследования преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда. Методические рекомендации. Западно-Сибирское следственное управление на транспорте Следственного комитета при Прокуратуре РФ. – Новосибирск, 2010. – 19 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28. – URL: «О судебной экспертизе по уголовным делам» <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8226/> – (дата обращения: 25.10.2025).
17. Попов, В.Л. Транспортная экспертиза как доказательство в суде / В.Л. Попов // Транспортное право и безопасность. – 2019. – 2 (30). – С. 36-43.
18. Инженерно-техническая экспертиза безопасности жизнедеятельности в судопроизводстве / Ю.А. Кривченко, Л.Г. Бордюгов, И.Н. Марченко, М.В. Васильев. – Донецк : Издательский дом «ЭДИТ», 2025. – 204 с.

УДК 343.13

ОСНОВАНИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ВСЛЕДСТВИЕ АКТА ОБ АМНИСТИИ

Гапотченко Г.Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: gapot4enko63@mail.ru)

В статье исследуются отдельные нормы уголовно-процессуального и уголовного законодательства Российской Федерации, которые определяют основания и процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с применением акта об амнистии. Автором отмечаются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правовой регламентации норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: амнистия, возбуждение уголовного дела, доказывание, предварительное следствие, преступление, прекращение уголовного дела, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, уголовный кодекс Российской Федерации.

BASIS AND PROCEDURAL REGULATIONS FOR THE DISMISSAL OF A CRIMINAL CASE AS A RESULT OF AN AMNESTY ACT

Gapotchenko, G.N.

The article examines certain norms of the criminal procedure and criminal legislation of the Russian Federation, which determine the grounds and procedural order for terminating a criminal case in connection with the application of an act of amnesty. The author notes certain comments and substantiates proposals for improving the legal regulation of the norms of the criminal procedure and criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: amnesty, initiation of a criminal case, proof, preliminary investigation, crime, termination of a criminal case, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation.

Актуальность темы исследования. Большая российская энциклопедия определяет амнистию как акт высшего органа государственной власти, освобождающий от уголовной ответственности или от наказания (полностью или частично) [1].

В соответствии с п. ж) ст.103 Конституции Российской Федерации амнистия объявляется Государственной Думой Российской Федерации [2].

Конституционный Суд РФ в своём Определении № 1828-О от 18.09.2014 г. (п.2) определяет политико-правовое смысловое значение амнистии как акт милосердия, проявление гуманизма и великодушия государства по отношению к преступившим уголовный закон гражданам, и предполагает полное или частичное освобождение определённых категорий лиц от уголовной ответственности и наказания [3].

Уголовное законодательство РФ (ст.84 УК РФ) определяет амнистию в качестве освобождения лица от уголовной ответственности либо от наказания [6].

Вместе с тем, амнистия не является реабилитирующим основанием для прекращения уголовного дела.

Из открытых источников известно, что история амнистий в России ведёт своё начало с 1856 года, когда император Александр II объявил амнистию декабристам, петрашевцам и участникам польского восстания 1831 года. До настоящего времени амнистия применялась в Российской Империи, СССР и Российской Федерации не регулярно, а эпизодически в отдельные годы, и была приурочена, как правило, к знаменательным датам (День Победы, День Конституции и др.). Известно, что амнистия применялась в 1856 г., 1868 г., 1878 г., 1896 г. (по случаю коронации Николая II), 1904 г., 1905 г., 1913 г., 1917 г., 1919 г., 1920 г., 1921 г. и др., вплоть до 2015 года [5].

Анализ научных исследований. Учитывая несистемный и не периодичный характер применения амнистии в России, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы применения амнистии изучались и освещались в научной литературе крайне редко.

Отдельные вопросы по настоящей теме исследовали и отразили в своих работах А. Антонов, И.А. Васильев, А.Я. Гришко, А.А. Зеленцов и другие. Вместе с тем, принимая во внимание то, что вопрос процессуальной регламентации применения амнистии в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) до настоящего времени детально не урегулирован, а лишь обозначен фрагментарно, тема исследования свидетельствует о её актуальности и необходимости исследования уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ с целью выявления отдельных дискуссионных вопросов правовой регламентации практического применения амнистии в уголовном судопроизводстве.

Цель статьи. Основной целью научной статьи является исследование норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), выявление проблемных вопросов по теме исследования, формулировка и обоснование конкретных предложений по усовершенствованию норм УК РФ и УПК РФ.

В рамках данной статьи невозможно провести полноценное научное исследование, поэтому мы тезисно обозначим проблемные вопросы, которые, по нашему мнению, требуют усовершенствования.

Исследование проблемных вопросов построено на изучении уже принятых ранее в РФ актов об амнистии.

За основу исследования взято содержание Постановления Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации № 6576-6-ГД от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» [4].

Это, по нашему мнению, обусловлено тем, что на данный момент указанное Постановление является последним в новейшей истории РФ о применении амнистии, и, следовательно, оно должно быть полностью юридически сбалансированным с другими нормативными правовыми актами и законами РФ, а также понятно для исполнения теми категориями лиц, которых оно касается, и которые должны его исполнять.

Вопрос первый. *Основания прекращения уголовного дела вследствие акта об амнистии.*

В соответствии с Постановлением Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации №6576-6-ГД от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» было установлено 10 категорий граждан, которые подлежали освобождению от наказания за умышленные преступления небольшой и средней тяжести.

Деление указанных категорий было как по тем гражданам, которые имеют определённые заслуги (например, принимали участие в боевых действиях по защите Отечества, по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, выполнявших воинский долг в Афганистане и др.), так и граждан по возрастным категориям – несовершеннолетних, мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет и др.

Настоящим Постановлением (п.6) предписывалось прекратить находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершённых до дня вступления в силу настоящего Постановления.

В соответствии с п.14 данное Постановление подлежало исполнению в течение шести месяцев со дня его опубликования [4].

Обращаем особое внимание на термин, который употреблён законодателем в данном Постановлении – прекратить «уголовные дела». Этот же термин употребляется и в других пунктах (п.7,8,9) настоящего Постановления.

Основания прекращения уголовного дела установлены ч.1 ст. 24 УПК РФ. В соответствии с данной нормой УПК РФ, их семь:

- 1) отсутствие события преступления;
- 2) отсутствие в деянии состава преступления;
- 3) истечение сроков давности уголовного преследования;
- 4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;

5) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса, либо неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин;

6) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3-5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса;

7) уплата в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на основании части первой статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Этой же нормой УПК РФ установлено, что прекращение уголовного дела влечёт за собой одновременно прекращения уголовного преследования (ч.4), а уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования, за исключением случаев непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (ч.5).

Процессуальный порядок прекращения уголовного дела (уголовного преследования) регламентирован ст.25, 25.1, 28, 28.1, 28 2 УПК РФ.

Таким образом, такое основание для прекращения уголовного дела как «вследствие акта амнистии», отсутствует в ст. 24 УПК РФ.

В то же время «прекращение уголовного преследования вследствие акта амнистии» предусмотрено п.3 ч.1 ст.27 УПК РФ [7].

Вместе с тем необходимо отметить, что всякое «уголовное преследование» также осуществляется в рамках расследования возбужденного «уголовного дела» по конкретному преступлению.

Обращаем на это особое внимание в связи с тем, что в уголовном судопроизводстве действует правило, – «разрешено только то, что прямо предусмотрено законом».

Несоблюдение данного правила влечёт за собой признание результатов отдельных следственных действий как таких, которые проведены с нарушением норм и требований УПК РФ, а следовательно, не имеющими доказательственной силы.

Следуя буквально данному правилу, можно сделать вывод о том, что ст.24 УПК РФ не соответствует приведенному выше Постановлению ГД ФС РФ, поскольку данное основание для прекращения уголовного дела в ней отсутствует.

Вопрос второй. *Процессуальный порядок прекращения уголовного дела вследствие акта об амнистии.*

Как мы уже отмечали ранее, прекращение уголовного дела в связи с применением акта об амнистии является не реабилитирующим основанием, не исключает совершённого преступного деяния и освобождения от ответственности лица по возможному заявленному иску.

Нормы УПК РФ не регламентируют процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с применением акта об амнистии.

По общим правилам уголовного судопроизводства, следствие считается оконченным лишь при условии установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, которые указаны в ст. 73 УПК РФ.

По нашему мнению, процессуальный порядок прекращения уголовного дела в связи с актом об амнистии, должен быть следующим:

- 1) наличие возбужденного уголовного дела по конкретному преступлению;
- 2) проведение полноценного предварительного расследования (дознания);
- 3) установление лица, совершившего данное преступление;
- 4) предъявление обвинения такому лицу с соблюдением требований ст.171-174 УПК РФ;
- 5) принятие Государственной Думой РФ соответствующего Постановления «Об амнистии»;
- 6) объявление обвиняемому о наличии соответствующего Постановления ГФ ФС РФ «Об амнистии» и разъяснении ему права на прекращение уголовного дела в связи с амнистией;
- 7) установления, что в уголовном деле имеются материалы, подтверждающие, что обвиняемый подпадает под перечень лиц, подлежащих амнистии;
- 8) выяснение у обвиняемого его согласие на прекращение уголовного дела в связи с амнистией, а в случае согласия, – отобрание соответствующего письменного заявления и приобщение его к материалам уголовного дела.

Возникает закономерный вопрос о субъекте, который уполномочен принять итоговое процессуальное решение по такому уголовному делу, так как в УПК РФ ответ на него не предусмотрен.

Анализируя нормы УПК РФ, которые регламентируют процессуальный порядок прекращения уголовного дела и субъектов, которые уполномочены на это, можно установить, что таковыми являются:

- суд;
- следователь, с согласия руководителя следственного органа;
- дознаватель с согласия прокурора.

В уголовном судопроизводстве все действия и решения, которые так или иначе касаются ограничения конституционных прав граждан (обыск в жилище, контроль и запись телефонных переговоров и др.) проводятся исключительно по решению суда.

Учитывая то, что как мы уже отмечали, прекращение уголовного дела в связи с актом об амнистии относится к нереабилитирующим основаниям, полагаем, что принимать итоговое процессуальное решение по таким делам должен суд.

В связи с изложенным, полагаем, что после выполнения действий, указанных в п.1-7 выше, следователь, с согласия руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело, составляют мотивированное ходатайство в суд про месту проведения предварительного следствия (дознания) и направляют его председателю соответствующего суда для рассмотрения и принятия итогового процессуального решения.

Суд, рассмотрев данное уголовное дело, на основании установленных в судебном заседании обстоятельств, принимает решение о прекращении уголовного дела в связи с актом об амнистии, либо в отказе в таковом.

Выводы.

Основанием для прекращения уголовного дела в связи с амнистией является издание Государственной Думой РФ соответствующего Постановления «Об амнистии». До тех пор, пока такое Постановление не издано, оснований для прекращения уголовного дела в связи с амнистией нет.

Нормы УПК РФ не соответствуют п.6 Постановления Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации № 6576-6-ГД от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», так как не содержат оснований и процессуального порядка прекращения уголовных дел данной категории.

По нашему мнению, п.6 Постановления Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации № 6576-6-ГД от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в редакции:

«Прекратить находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу настоящего Постановления» *изложен некорректно.*

Полагаем, что с учётом предстоящих в будущем подобных Постановлений ГД РФ «Об амнистии», указанная норма должна быть изложена в следующей редакции:

«уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания и предварительного следствия, подлежат прекращению по основаниям и в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом РФ».

Полагаем, что ч.1 ст. 24 УПК РФ «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» пунктом 8 следующего содержания:

– наличие Постановления Государственной Думы Российской Федерации «Об амнистии».

Предлагается дополнить УПК РФ отдельной нормой «Прекращение уголовного дела в связи с актом об амнистии» следующего содержания:

«При наличии возбужденного уголовного дела, по которому имеются основания для его прекращения в связи с актом об амнистии, следователь, орган дознания проводят предварительное следствие (дознание) в полном объёме, устанавливают все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст.73 настоящего Кодекса, предъявляют обвинение и объявляют обвиняемому о принятии Государственной Думой РФ соответствующего Постановления «Об амнистии», а также разъясняют обвиняемому его права на прекращение уголовного дела в связи с амнистией. Также обвиняемому письменно разъясняется, что прекращение уголовного дела в связи с применением акта об амнистии, является не реабилитирующим основанием, не исключает совершённого преступного деяния и не освобождает от ответственности лица по возможному заявленному иску. В случае согласия обвиняемого на прекращение уголовного дела по амнистии, от него отбирается письменное заявление о согласии на прекращение уголовного дела в связи с амнистией».

После выполнения указанных действий, следователь, орган дознания предъявляют для ознакомления потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям все материалы уголовного дела в прошитом и пронумерованном виде, а также разъясняет им, что уголовное дело подлежит прекращению в связи с актом об амнистии, о чём составляется соответствующий протокол.

После ознакомления потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей со всеми материалами уголовного дела, материалы уголовного дела в полном объёме предъявляются для ознакомления обвиняемому и его защитнику.

Выполнив указанные действия, следователь, с согласия руководителя следственного органа; дознаватель с согласия прокурора, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело, составляют мотивированное ходатайство в суд по месту проведения предварительного следствия (дознания) и направляют его председателю соответствующего суда для рассмотрения и принятия итогового процессуального решения.

Суд, рассмотрев данное уголовное дело, на основании установленных в судебном заседании обстоятельств, принимает решение о прекращении уголовного дела в связи с актом об амнистии, либо об отказе в таковом.

Полагаем, что указанные предложения сбалансируют и восполнят недостающие в УПК РФ нормы в части оснований и процессуального порядка прекращения уголовного дела в связи с амнистией.

Список литературы

1. Амнистия. Большая Российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/amnistia-b59d0e> – (дата обращения: 24.10.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями и дополнениями, одобренными в

ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – (дата обращения: 24.10.2025).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 18.09.2014 № 1828-О «По жалобе гражданки Зубилевич Алеси Игоревны на нарушение ее конституционных прав статьей 84 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» и постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201410150025> – (дата обращения: 24.10.2025).
4. Постановление Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации № 6576-6-ГД от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-gd-fs-rf-ot-24042015-n/> – (дата обращения: 24.10.2025).
5. Список амнистий в России. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/> – (дата обращения: 24.10.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – (дата обращения: 27.10.2025).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ – (дата обращения: 27.10.2025).

УДК 340.113:808, 378

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Гладких И.В., преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: inna-burceva@mail.ru)

В статье рассмотрены вопросы коммуникативной компетентности юристов. Выдвинут ряд предложений относительно возможностей высшего учебного заведения в процессе формирования коммуникативных способностей студентов – будущих юристов.

Ключевые слова: коммуникация, студенты, коммуникативная компетентность, компетентностный подход, юристы.

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE LAWYERS

The article discusses the issues of communicative competence of lawyers. It makes a number of proposals regarding the possibilities of higher education institutions in the process of forming the communicative abilities of students – future lawyers.

Gladkikh, I.V.

Keywords: communication, students, communicative competence, competence-based approach, lawyers.

Актуальность темы исследования. Коммуникативная компетентность является одной из ключевых профессиональных компетенций, особенно в тех профессиях, где специалисты взаимодействуют с людьми. Она включает в себя совокупность профессионально обусловленных и лично значимых ценностей, знаний, умений и качеств личности, которые обеспечивают эффективное профессиональное общение и успешную самореализацию в выбранной сфере деятельности. К числу таких профессий относится и деятельность юриста.

Формирование коммуникативной компетентности у будущих юристов является одной из ключевых задач, которые должно ставить учебное заведение, готовящее специалистов в области права. Это связано с тем, что содержание профессии юриста подразумевает постоянное взаимодействие с различными субъектами правовых отношений, включая клиентов, коллег-юристов, представителей органов власти, судей, адвокатов, следователей и многих других

участников юридической сферы. Без развитых коммуникативных способностей невозможно качественно осуществлять правовую помощь гражданам и организациям, представлять интересы клиента в суде или иных инстанциях, заключать договоры и соглашения, давать юридически грамотные консультации. Следовательно, способность грамотно выстраивать коммуникации, выражать свою позицию ясно и убедительно, вести переговоры и разрешать конфликты становится одним из базовых профессиональных качеств специалиста-правоведа, обеспечивающих высокий уровень профессионализма и конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда.

К сожалению, на современном этапе подготовки специалистов недостаточно оценивается значение собственно коммуникативных способностей юристов, которые отражают его социальное поведение в обществе, коллективе, взаимодействии с субъектами правовых отношений на моральном, этикетном и рационально-профессиональном уровнях, умение налаживать отношения, уровень сформированности коммуникативного сознания, наставлений, навыков и умений адаптироваться в общении. Как правило, обучение ограничивается языковой подготовкой и гипотетическими представлениями о коммуникативных знаниях, навыках и навыках как самостоятельных, произвольно развивающихся. Однако недостаточная коммуникативная подготовка юриста часто приводит ко многим недоразумениям, сложностям и проблемам в процессе осуществления молодыми юристами профессиональной деятельности.

Анализ научных исследований. Анализ последних источников и публикаций свидетельствует о том, что понятие «коммуникативная компетентность» зародилось в рамках коммуникативной направленности лингвистической науки во второй половине XX века. Термин был впервые предложен американским учёным Д. Хаймзом, обозначившим его как способность индивидов эффективно использовать языковые средства для достижения поставленных целей коммуникации. Появление понятия в отечественной науке связано с работами отечественного исследователя М.Н. Вятютнева, начавшего активно развивать идеи коммуникативной компетентности применительно к русскоязычной среде, который рассматривал её как комплекс качеств личности, обеспечивающих успешное общение и взаимодействие в обществе.

Изначально коммуникативная компетентность воспринималась как умение эффективно взаимодействовать в конкретных сферах жизнедеятельности (например, профессиональной или образовательной), способствуя реализации личных познавательных потребностей. Долгое время данное понятие трактовалось ограниченно, сводя коммуникационные способности лишь к особенностям речи индивида. К примеру, Д.И. Изаренков подчеркивал, что коммуникативная компетентность представляет собой готовность личности вступать в контакт посредством устной или письменной формы коммуникации, причем эта способность может проявляться естественно либо формироваться целенаправленно [1, С. 55]. Ряд исследователей сосредоточились на изучении данной компетенции через призму анализа языковой активности и её

структурных компонентов. Среди них стоит отметить М. Хэллидея и Р. Валетта, называвших коммуникативную компетентность основой функциональных возможностей языка в ходе межличностного взаимодействия. Н.И. Гез рассматривал коммуникативную компетентность не просто как умение функционально владеть языком, а как осознанное понимание и порождение высказываний «в разнообразных социально детерминированных ситуациях с учетом лингвистических и социальных правил, которых придерживаются носители языка» [2].

Расширение и углубленное изучение данного термина обусловлено ускоренным темпом развития цивилизации, переменами в экономике и политике, усложнением общественных взаимоотношений, включая трудовые связи и другие сферы взаимодействия. В последние десятилетия XX века и в начале XXI столетия коммуникативная компетентность становится предметом изучения многих исследователей, среди которых выделяются В. Беликов, Ф. Бацевич, Т.А. Вольфовская, Е.Ю. Гончарова, И. Горелов, М.О. Гузикова, Е.П. Гутник, В.И. Долгова, А.В. Кордонская, Л. Крысин, Н.А. Лукьянова, Л. Масенко, Ф.М. Монгина, Л. Островская, Н. Шумарова, Е.В. Арцишевская, М.К. Кабардов, Е.А. Смирнова, Е.М. Решетникова, С.В. Недбаева и прочие специалисты. Несмотря на различия в трактовке самого понятия, ученые едины в признании того, что коммуникативная компетентность представляет собой комплексное качество личности, отражающее её способность эффективно взаимодействовать в социальной среде и реализовывать себя как продуктивного участника общественных процессов [8, С. 356].

Сегодня феномен коммуникативной компетенции активно изучается, переживая новый этап своего развития. Современные исследователи обогащают содержание термина новыми смысловыми оттенками, интерпретируют его через призму разных наук – психологии, социологии, культурологии и педагогики. Проследившая общую тенденцию к определению понятия «коммуникативная компетентность», отметим, что сегодня оно является центральным при описании процесса коммуникации и подразумевает способность подбирать языковые средства в зависимости от целей и условий общения, учитывая нормы языка и эффективность общения.

Более того, коммуникативная компетентность рассматривается учеными не только как языковая составляющая личности, но и как интегративное качество человека, включающее когнитивные способности, эмоциональную устойчивость, поведенческие стратегии и социальные нормы поведения. Так, например, М.В. Стурикова подразумевает под коммуникативной компетентностью «способность обучаемого к восприятию любых высказываний и готовность к созданию своих речевых произведений в соответствии со знаниями, умениями, практическим опытом, принятыми нормами языка, личностными качествами, с использованием невербальных средств, а также умение ориентироваться в пространстве, обстановке, учитывая тему, цель, задачи, коммуникативные и этические установки; достигать результатов посредством речи» [9, С. 28]. Это обстоятельство значительно повышает

значимость данной категории в современной образовательной практике, делая необходимым её формирование в условиях школьного и вузовского образования, профессиональной подготовки кадров и повышения квалификации специалистов различных сфер деятельности.

Цель исследования – разработка предложений по развитию коммуникативной компетентности у будущих юристов в образовательном пространстве вуза.

Коммуникативная компетентность – сложное и многоаспектное с точки зрения своего содержания личностное психологическое новообразование, которое не формируется спонтанно и требует осознанной, целенаправленной и систематической работы по его развитию.

Для повышения эффективности и оптимизации данного процесса важно глубоко разобраться в понятии «коммуникативная компетентность» относительно профессии юриста: изучить ключевые компоненты и структуру, а также функциональные особенности.

Так, по мнению Г.Ф. Кировой, коммуникативная компетентность юриста представляет собой «содержательное обобщение как теоретических, так и практических знаний в области профессиональной коммуникации, представленных в форме специфических юридических понятий, принципов, смыслообразующих положений и ситуаций, необходимых для успешного речевого взаимодействия в процессе профессиональной деятельности» [10, С. 65].

Основные компоненты коммуникативной компетентности юриста, по мнению Ф.Н. Алипхановой, представляют собой комплекс качеств и способностей, необходимых специалисту для эффективного взаимодействия с различными участниками юридической практики. Мотивационно-организационный компонент отражает внутреннюю готовность специалиста к эффективному общению и организации диалога с окружающими людьми. Именно благодаря этому аспекту юрист способен активно и осознанно вовлекаться в процесс общения, проявляя инициативу и делая его продуктивным и направленным на достижение профессиональных целей. Ключевые характеристики данного компонента включают: осознание значимости профессионально-коммуникативных навыков; стремление поддерживать высокий уровень качества работы посредством эффективных коммуникаций; умение организовать коммуникационные процессы таким образом, чтобы обеспечить чёткость и результативность взаимодействий; способность управлять процессом общения, корректируя его направление и темп в зависимости от ситуации. Этико-поведенческий компонент подчеркивает важность соблюдения этических стандартов и норм поведения в профессиональной среде. Важнейшими элементами этического аспекта являются уважение, честность и профессионализм, необходимые для построения доверительных взаимоотношений с клиентами, коллегами и партнерами. Основные черты этико-поведенческого компонента заключаются в следующем: ориентация на принципы деловой этики, включающие открытость, искренность и

ответственность перед собеседником; исключение манипуляций и давления на партнёров по диалогу; обеспечение конфиденциальности информации клиента и сохранение доверия сторон; соответствие профессиональным стандартам общения в рамках юридического сообщества. Следовательно, этот компонент способствует формированию имиджа надежного и уважаемого специалиста, способствующего созданию позитивной атмосферы сотрудничества. Языково-дискурсивный компонент заключается в эффективном использовании языка и вербальных средств, и предполагает наличие высокого уровня владения речью, грамотности изложения мыслей и способности понимать смысловые нюансы высказываний окружающих. Важно отметить следующие ключевые моменты языкового компонента: ясность и точность формулирования юридических положений и аргументов; использование терминологии, понятной различным категориям участников правового поля; грамотное восприятие устной и письменной речи коллег и клиентов; владение искусством интерпретации сложных правовых документов и концепций. Благодаря данному компоненту юрист становится эффективным коммуникатором, умеющим донести свою позицию и проанализировать чужие. Наконец, последний, эмоционально-рефлексивный компонент ориентирован на эмоциональную сферу общения и способность специалиста осознавать собственные чувства и учитывать эмоциональное состояние партнеров по коммуникации. Эффективное взаимодействие невозможно без умения регулировать свое эмоциональное состояние и распознавать реакции других людей. Основные признаки этого компонента: эмпатия, позволяющая видеть ситуацию глазами другого человека и принимать его точку зрения; саморефлексия, дающая возможность оценивать собственное поведение и вовремя вносить коррективы; адекватная оценка собственных эмоций и способность контролировать стрессовые состояния; гражданская позиция, обеспечивающая ответственное отношение к своей профессии и обществу в целом. Эмоционально-рефлексивная компетенция помогает юристу сохранять внутреннее равновесие даже в напряженных ситуациях и строить конструктивные взаимоотношения с окружающими [11, С. 32]. Эти четыре компонента взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, формируя целостную картину коммуникативной компетентности юриста. Только гармонично развитые способности позволяют специалистам успешно решать профессиональные задачи и добиваться высоких результатов в юридическом деле.

Учитывая сказанное, критерии коммуникативной компетентности юриста, позволяющие оценить уровень его профессиональной подготовки и способности эффективно взаимодействовать с различными участниками правоотношений, можно представить следующим образом:

- профессионально-коммуникативные ценности и мотивы, включающие в себя понимание миссии и предназначения профессии юриста, наличие профессиональных и смысложизненных ценностей, а также мотивацию к профессиональному общению;

– теоретическая и практическая готовность к реализации коммуникативной компетентности, включая знания о сущности и особенностях процесса общения, а также умения по организации и реализации эффективного профессионального общения;

– сформированность профессионально важных качеств – эмпатии, субъектности, адекватной самооценки, гражданственности и ответственности, которые способствуют продуктивному общению.

Анализ составляющих коммуникативной компетенции показывает, что данная способность не дается человеку изначально, с рождения. В отличие от юридических знаний, которые непрерывно накапливаются и углубляются специалистами уже непосредственно в ходе их профессиональной практики, знания и умения, касающиеся социальных норм поведения, включая профессиональные нормы, а также коммуникативная культура и компетенции, формируются преимущественно в период обучения, поскольку позднее, в условиях исполнения должностных обязанностей, зачастую отсутствует необходимое время и возможности для полноценного освоения указанных компетенций. Соответственно, коммуникативная компетенция представляет собой комплекс знаний, необходимых умений и навыков профессионального взаимодействия, большая часть которых может быть освоена лишь в процессе высшего образования. Следовательно, задача формирования развитых коммуникативных способностей будущего юриста возлагается именно на высшее учебное заведение. При этом формирование коммуникативной компетенции должно начинаться с первого курса и продолжаться на протяжении всего обучения.

На сегодняшний день в научной литературе и педагогической практике высшей школы практически отсутствуют программы обучения, которые были бы нацелены на формирование коммуникативной компетентности с учетом всех ее аспектов, что актуализирует выработку единого научно-теоретического подхода к формированию данного качества будущего юриста и, соответственно, разработки соответствующей технологии обучения. В основу такой работы должны быть положены коррективка или совершенствование профессионально значимых убеждений и ценностных ориентаций студентов, мотивирующих к изучению коммуникативной составляющей юридической деятельности, а также на развитие тех психологических характеристик, которые являются составной частью способности к коммуникативной деятельности (сдержанность, стабильность, стрессоустойчивость, уверенность в себе и др.).

Развитие коммуникативной компетентности студентов вуза связано с необходимостью создания соответствующей педагогической модели и методики для подготовки профессионально компетентных выпускников на базе единой стратегии, основанной на сохранении преемственности образования, а именно: сквозных образовательных программ, состоящих из отдельных модулей, реализация которых начинается в школе и продолжается в вузе; форм и методов работы; системы оценивания и т. д.

В основу рассматриваемой педагогической модели мы считаем важным заложить компетентностный подход, позволяющий сблизить образование и профессиональную деятельность. Непосредственно само понятие «компетентностный подход» стало широко использоваться относительно недавно, а интерес к нему возник вследствие потребности выявить ключевые преобразования, требуемые современной образовательной системой. Смысл обучения в условиях компетентностного подхода заключается в организации условий и стимулировании активности обучающихся, направленной на развитие определенных компетенций. При этом важно проектировать характеристики образовательной среды и практических ситуаций таким образом, чтобы способствовать формированию и развитию нужных профессиональных качеств обучающихся. Такой подход требует обновления образовательных методик следующим образом: смещения основного внимания от дисциплин и содержания учебного материала (не отказываясь от сильных сторон традиционного подхода) на формирование компетенций и ожидаемых результатов обучения, что соответствует принципу ориентации на потребности студентов; включение в образовательные программы современных подходов, обеспечивающих выпускникам готовность эффективно действовать в современных условиях; внедрение модульной структуры учебных курсов; расширение возможностей студентов самостоятельно выбирать индивидуальные маршруты своего развития и профессиональной подготовки [12, С. 222]. Следовательно, компетентностный подход повышает прикладную направленность образования, укрепляет связь теории с практической деятельностью, подчеркивая важность умения применять полученные знания и успешно справляться с профессиональными задачами. Тем самым, еще на этапе обучения в вузе у студентов будут сформированы цельные профессиональные компетенции, способность и готовность к практическому социальному взаимодействию.

Для практической реализации компетентностного подхода предлагаем осуществлять поэтапное развитие коммуникативной компетенции будущих юристов в вузе.

На первом этапе предлагается внедрить в рамках обучения студентов первого курса «адаптационную» дисциплину (модуль) «Речевые практики», направленную на формирование у студентов представлений, знаний и навыков современного русского литературного языка, понимания ими коммуникативных особенностей стилей и жанров речи, овладение нормами и постулатами общения, этическими и коммуникативными нормами, формирование умений и навыков культуры словоупотребления, произношения, использования грамматических форм для повышения качества профессиональной подготовки. Это вполне может помочь преодолеть существующий сегодня разрыв между дискурсом школы и вуза, сформировав необходимые компетенции у студентов в области устной и письменной коммуникативной деятельности, а также готовность использовать их в процессе реализации профессиональных задач.

На втором этапе должно происходить более углубленное, профессионально направленное формирование и развитие коммуникативно-речевых умений

студентов, которые будут необходимы им для последующего профессионального общения. Программу формирования коммуникативной компетентности мы предлагаем разбить на отдельные модули, среди которых обязательно выделить следующие:

– модуль «Правоведческое направление русского языка», представляющий собой специализированный курс, направленный на изучение русского языка в контексте юридической деятельности и готовящий студентов к работе в области права и правоохранительной деятельности, включая умение составлять юридические документы, вести переговоры и участвовать в судебных процессах. Модуль должен охватывать изучение различных аспектов русского языка, таких как специфическая юридическая лексика, стили речи и их применение в юридической практике, правовая терминология в различных контекстах. Также сюда следует включить изучение основных видов гражданских процессуальных и уголовных процессуальных документов, требований к ним и основных принципов составления деловых документов в области права;

– модуль «Ораторское мастерство», направленный на развитие навыков публичного выступления, аргументации и ведения дискуссий. Этот модуль является важной частью профессиональной подготовки юристов, поскольку умение убедительно и ясно выражать свои мысли является ключевым аспектом их работы. Как отмечает О.А. Гарцуева, деятельность юриста целиком зависит от умения эффективно использовать полученные знания и профессиональные навыки не только для составления юридических документов, но и для выступлений перед аудиторией в рамках действующего законодательства. Помимо этого, квалифицированный юрист обязан формировать научно-обоснованное мнение по правовым вопросам и создавать убедительные и объективно аргументированные позиции [13, С. 38]. Структура модуля должна включать в себя изучение теоретических основ риторики, структуры выступления и методов аргументации; анализ примеров успешных и неудачных выступлений из реальной юридической практики; участие студентов в ролевых играх, имитирующих судебные процессы и переговоры, что позволяет им применить полученные знания на практике;

– модуль «Особенности профессионального общения», направленный на развитие навыков эффективного общения и взаимодействия в профессиональной среде на основе владения закономерностями взаимодействия с различными группами населения и их представителями в контексте правовых отношений. Данный модуль должен включать в себя изучение различных техник общения, которые помогают юристам эффективно взаимодействовать с клиентами, коллегами и другими участниками правовых процессов, а также техники коммуникативного поведения юриста в сложных и конфликтных ситуациях.

Каждая из указанных дисциплин актуализирует тот или иной аспект профессиональной коммуникативной компетенции будущего юриста, а общей их концептуальной основой служат системность, целостность и единство целей и содержания обучения, а также организация обучения в условиях, максимально приближенных к реальному процессу профессионального общения.

Важным элементом обучения является разработка системы практических упражнений, направленных на развитие коммуникативных навыков, которые должны быть интегрированы в учебный процесс и способствовать развитию навыков устного и письменного общения. Для формирования коммуникативной компетентности можно использовать ряд интерактивных методов обучения, среди которых – обучающие коммуникативные семинары и тренинги для развития перцептивных и речевых умений; имитационные упражнения, ролевые и деловые игры, позволяющие моделировать и осваивать контекст будущей профессиональной деятельности; диспуты, круглые столы. М.В. Стурикова предлагает активно использовать дискуссионные методы коллективного обсуждения, которые способствуют формированию у обучающихся собственного мнения, четкому выражению мыслей, подбору убедительных аргументов, выстраиванию их в логической последовательности и выбору оптимальной стратегии изложения материала [14, С. 124].

Для эффективного формирования рассматриваемых профессиональных качеств крайне важно создать условия в рамках вуза, предоставляющих возможность студентам работать в паре и в малой группе, практикуя тем самым навыки межличностного общения и сотрудничества, включая умение активно слушать и прислушиваться к собеседнику, вырабатывать общее мнение, признавать свои ошибки и разрешать возникающие разногласия.

Выводы. С учетом особой важности коммуникаций в профессиональной деятельности юристов, система юридического образования располагает всеми необходимыми ресурсами для обеспечения качественного освоения студентами как теории, так и практики эффективного общения, способствуя формированию полноценной коммуникативной компетентности будущих специалистов. Предложенный нами способ развития коммуникативной компетентности студентов основывается на компетентностном подходе как факторе становления профессиональной личности юриста. Данный подход предполагает не традиционные для отечественной системы образования передачу и накопление знаний, а, в первую очередь, обеспечение умения применять их на практике, что позволит сблизить образование и профессиональную деятельность, сформировав тем самым еще на этапе обучения в вузе цельные профессиональные компетенции у студентов.

Список литературы

1. Изаренков, Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов / Д.И. Изаренков // Русский язык за рубежом. Москва, 1990. – 255 с.
2. Низаева, Л.Ф. Коммуникативная компетенция: сущность и компонентный состав / Л.Ф. Низаева // Молодой ученый. – 2016. – № 28 (132). – С. 933-935.
3. Гончарова, Е.Ю. Анализ понятия «коммуникативные умения» в отечественных и зарубежных педагогических исследованиях / Е.Ю. Гончарова // Pedagogical Journal. – 2022. – № 12. – С. 96-101.

4. Гузикова, М.О. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие для вузов / М.О. Гузикова, П.Ю. Фофанова. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 123 с.
5. Гутник, Е.П. Современные теоретические представления о коммуникативных компетенциях / Е.П. Гутник, Е.В. Шереметьева // Молодой ученый. – 2016. – № 27 (131). – С. 774-778.
6. Долгова, В.И. Понятие коммуникативной компетентности в психолого-педагогических исследованиях / В.И. Долгова, Е.В. Мельник, Н. Карахан // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 31. – С. 81-85.
7. Лукьянова, Н.А. К определению сущности понятия «коммуникативный навык» / Н.А. Лукьянова // Поволжский вестник науки. – 2020. – № 3 (17). – С. 60-63.
8. Недбаева, С.В. Коммуникативная компетентность: содержание и структура / С.В. Недбаева, Д.Н. Недбаев, В.В. Ткаченко // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – № 12. – С. 353-357.
9. Стурикова, М.В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре / М.В. Стурикова // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2015. – № 6. – С. 27-32.
10. Кирова, Г.Ф. О формировании коммуникативной компетенции будущих юристов / Г.Ф. Кирова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – №2 (177). – С. 63-71.
11. Алипханова, Ф.Н. Содержание и структура коммуникативной компетентности современного юриста / Ф.Н. Алипханова // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 3 (58). – С. 31-32.
12. Булавко, О.В. Компетентностный подход в профессиональной подготовке специалистов / О.В. Булавко, А.П. Пепеляева, Н.П. Мурий, Е.А. Поединок // Педагогическое мастерство: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – Москва : Буки-Веди, 2014. – С. 221-223.
13. Гарцуева, О.А. Ораторское мастерство юриста как средство манипуляции и воздействия / О.А. Гарцуева, В.С. Леонтьева // Наука. Образование. Современность. – 2020. – № 4. – С. 36-40.
14. Стурикова, М.В. Коммуникативная компетенция и ее развитие у студентов вуза в условиях преемственности образования: монография / М.В. Стурикова. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. – 164 с.

УДК 340.12

ПРАВО КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гребеньков Г.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: ggrebengkoff57@mail.ru)

Мазина Н.Е., кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mazina_nataliya@mail.ru)

В статье рассматриваются методологические аспекты понимания феномена права, анализируются гносеологические подходы описания и познания права как феномена социального бытия. акцентируется внимание на том, что теория права оперирует не самим правом как объективной реальностью, а его понятийными конструкциями, которые исторически и культурно обусловлены. Авторы приходят к выводу, что только синтетический подход, основанный на антропном принципе и методологическом плюрализме, позволяет преодолеть ограниченность традиционных определений права и создать универсальную, обновленную концепцию, способную объяснить все многообразие его проявлений в современном мире.

Ключевые слова: право, эпистемология права, гносеологические и методологические принципы правового исследования, методологический плюрализм, антропный принцип.

LAW AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS: EPISTEMOLOGICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY

Grebekov, G.V., Mazina, N.E.

This article examines methodological aspects of understanding the phenomenon of law, analyzing epistemological approaches to describing and understanding law as a phenomenon of social existence. It emphasizes that legal theory operates not with law itself as an objective reality, but with its conceptual constructs, which are historically and culturally conditioned. The authors conclude that only a synthetic approach based on the anthropic principle and methodological pluralism can overcome the limitations of traditional definitions of law and create a universal,

updated concept capable of explaining the full diversity of its manifestations in the modern world.

Keywords: *law, epistemology of law, epistemological and methodological principles of legal research, methodological pluralism, anthropic principle.*

Актуальность темы исследования. В современной юриспруденции имеет место состояние, которое можно назвать состоянием теоретической неопределенности: отсутствует единое общепризнанное определение права, что порождает множественность подходов и концепций к пониманию того, что есть право, и свидетельствует о глубинном кризисе методологии правовых исследований, что требует глубокой философской рефлексии, вектор которой задан И. Кантом в его работе «Метафизика нравов». Доминирование юридического позитивизма, корни которого лежат в чистом учении о праве Г. Кельзена, привело к сужению понимания права до его нормативной формы, в которой игнорируются антропологические, ценностные, культурные и этические детерминанты. Г. Кельзен в работе «Чистое учение о праве» указывал, что: «Оно [чистое учение о праве] является общим учением о праве, а не интерпретацией специальных национальных или международных правовых норм» [2, С. 94].

Исходя из того, что «право как проблема познания остается спорной, дискурсивной и, следовательно, теоретически «открытой», современное правоведение сталкивается с необходимостью возврата к метафизическим и гносеологическим основаниям права, что невозможно без философской рефлексии» [3, С. 5]. С чем это связано? Видимо, не в последнюю очередь трудность заключается в том, что теория права работает не с реальным объектом, а с концепцией в сознании индивида, некой теоретической моделью, с субъективным отражением объекта реальности, в нашем случае – права. Более того, «признавая наличие права как очевидной объективной реальности, мы имеем дело с ситуацией отсутствия столь же очевидной, ясной и общепринятой понятийной конструкции, описывающей и обозначающей эту самую объективную реальность» [3, С. 7]. Как следствие, мы можем говорить о некоем методологическом кризисе, истоки которого кроются «в выборе исследователем права тех методологических и логико-понятийных способов «схватывания» этой реальности сознанием исследователя, когда бы она (правовая реальность) в своем категориальном оформлении и концептуальном выражении соответствовала аутентично своему объективному феномену, обозначенному понятием право» [3, С. 124].

Цель исследований. Исходя из того, что ведущую роль в создании любой теории выполняет теоретическая модель, т.е. мысленно сконструированное представление об объекте исследования (образ), превращающее реальный объект в идеальный предмет познания, цель исследования видится в необходимости обосновать и раскрыть содержание интегративного (синтетического) подхода к пониманию права в его гносеологическом и методологическом аспектах.

Изложение основного материала. Целостный образ права в сознании формируется на двух разных уровнях: интеллектуальном (спекулятивном) уровне и эмоционально-чувственном уровне. В результате интеллектуального спекулятивного анализа и синтеза формируется образ права, позволяющий постичь его сущность, внутреннюю структуру, механизмы и логику. На эмоционально-чувственном уровне образ права также сохраняет целостность, однако является поверхностным, основанным на внешних впечатлениях и эмоциях (например, от посещения суда, участия в следственных процедурах), которые формируют эмоциональное состояние «себя в праве», однако не позволяют проникнуть в глубинную суть права, постичь его механизмы, структуру и логику функционирования скрытую за этими ритуалами. Заметим, что прямой опыт и переживания, связанные с правом, не равны его пониманию.

Этот разрыв между поверхностным восприятием и глубинным пониманием права имеет фундаментальные последствия.

Во-первых, именно на эмоционально-чувственном уровне формируется массовое правосознание. Для большинства людей право – это не статьи нормативно-правовых актов, а конкретные образы: полицейский на улице, судья в мантии, новость о громком приговоре. Это восприятие часто мифологизировано и питается стереотипами из кинофильмов и художественной литературы, где правосудие быстрое и прямое. В результате возникает парадокс: человек может чувствовать себя частью правовой системы, но при этом иметь крайне смутное представление о её реальных принципах, таких как презумпция невиновности, состязательность сторон или сложность правоприменительной практики.

Во-вторых, интеллектуальный синтез, необходимый для постижения сущности права, – это удел не только профессиональных юристов, но и образованного общества в целом. Без такого рационального осмысления право рискует превратиться в набор обязательных ритуалов, где форма заслоняет содержание. Понимание логики права, его системности и связи с другими социальными институтами (экономикой, политикой, моралью) позволяет субъекту не просто «переживать» право, а осознанно в нём участвовать, предвидеть последствия своих действий и эффективно защищать свои интересы. Следовательно, подлинное «понимание права» – это всегда переход от пассивного наблюдения внешних атрибутов к активному интеллектуальному усилию по раскрытию его внутренней, неочевидной логики.

Эмоционально-чувственный образ права формируется стихийно, под воздействием непосредственного жизненного опыта, культурной среды, воспитания и личных переживаний и представляет собой совокупность ощущений, ожиданий, страхов и надежд, связанных с правом. Это – право «живое», воспринимаемое через призму справедливости (или несправедливости) конкретных судебных решений, действий чиновников, новостных сводок. Данный образ часто бывает фрагментарным, неустойчивым и сильно подверженным влиянию стереотипов и общественных настроений. Для него характерны оценочные суждения: «закон суров, но это закон», «закон что

дышло», «суд несправедлив». Он является продуктом обыденного правосознания.

В противоположность ему, интеллектуальный (рационально-теоретический) образ права – это результат целенаправленной, системной познавательной деятельности. Он строится на основе логики, анализа правовых норм, доктрин, принципов и юридических конструкций. Такой образ стремится к объективности, внутренней согласованности и системности. Он абстрагируется от единичных эмоциональных переживаний и фокусируется на универсальных свойствах права: его нормативности, формальной определенности, связи с государственным принуждением. Этот образ – достояние профессионального правосознания юристов, ученых, законодателей.

Между этими двумя конструкциями существует постоянное напряжение. Эмоционально-чувственный образ постоянно «испытывает на прочность» образ интеллектуальный, требуя от абстрактных норм соответствия реальным представлениям людей о справедливости. В свою очередь, интеллектуальный образ права оказывает формирующее воздействие на обыденное сознание, стремясь внести в него логику, системность и рациональное начало через правовое просвещение и качественное правоприменение. Таким образом, теория права имеет дело не с самим объективным феноменом «право», а с его идеализированным теоретическим конструктом – «предметом познания». Этот конструкт создается сознанием через абстракции и интеллектуальный синтез. Эмпирический опыт (например, посещение суда) порождает лишь поверхностный эмоционально-чувственный образ права, но не раскрывает его сущность. Следовательно, разнообразие теорий права объясняется не столько изменчивостью самого права, сколько разными способами его «схватывания» теоретическим сознанием.

Итак, первая методологическая посылка к определению исходных принципов познания права состоит в том, что теория права описывает не реальный объект «право», а лишь предмет познания – некоторую когнитивную модель, понятийно обозначенную термином «право».

Вторая методологическая посылка заключается в том, что правовая наука изучает не само объективное право как таковое, а его теоретическую модель, созданную сознанием исследователя. Данная модель и становится главным предметом анализа. Сделаем акцент на том, что право – это не статичный свод догм, а динамичное явление, порождённое конкретной культурой и образом мышления общества. Из-за этого существует постоянный разрыв между теоретической конструкцией права и правом «живым», то есть тем, как оно реально действует. Главный вызов для теории права – обнаружить в этом хаотичном многообразии устойчивую, неизменную сущность права. А это в конечном счете означает, что право не является универсальной константой. В итоге «мы имеем дело с калейдоскопом теоретических представлений и концепций о том, что есть «право», ибо что было правом для общественного сознания когда-то, не всегда является для пишущего сознания здесь-и-сейчас таковым ныне» [10, С. 123].

Следовательно, право – не статичное и не универсальное явление. Его сущность и содержание радикально меняются в зависимости от исторического периода и культуры: нормы, которые в одном обществе считались правовыми, в другом могут таковыми не признаваться. Это положение свидетельствует о том, что право является порождением конкретных социальных и культурных условий, а не неизменной, вечной сущностью. Наблюдаемая изменчивость ставит под сомнение возможность существования единого, «истинного» определения права и подчеркивает его инструментальную природу. Право не столько отражает некую объективную справедливость, сколько служит инструментом для организации общественной жизни, защиты интересов правящих групп и легитимации существующего порядка.

«Принудительность, легальность и легитимность, будучи атрибутивными характеристиками права, реализуют себя в контексте решения фундаментальной культуросозидающей и культуротворческой задачи – сохранения, поддержания и воспроизводства социальности и социабельности людей, их тотальной жизнедеятельности в качестве Порядка в условиях, когда жизнедеятельность как способ бытия людей суть противоречивое единство «автономной» свободной индивидуальности человека, «недоброжелательной общительности», порождающей на своих высших социокультурных уровнях проявление разделения общества на страты, группы, политические партии и т.д. и т.п., и необходимости жить совместно в границах общего социокультурного ценностно-смыслового пространства-времени бытия» [4, С. 45].

Разделяя мнение английского антрополога Э. Лича, который выдвинул идею о том, что «любое социальное и юридическое поведение наделяется разным смыслом в различных контекстах – преступным может стать законное и наоборот» [1, С. 30]. Поэтому, полагал исследователь, «не могут существовать вечные законы человеческого общества и неотъемлемые права человека» [1, С. 30]. Возможно, в сути этого суждения лежат корни всех дискуссий о так называемом «правовом нигилизме» восточнославянской цивилизации вообще и России в частности.

Право можно сравнить с живым организмом, развитие которого глубоко уникально для каждой цивилизации. Его метаморфозы могут быть стремительными и революционными, как это произошло в России XX века, где за несколько десятилетий правовая система пережила несколько кардинальных сломов, не оставивших камня на камне от предыдущего уклада. Яркое свидетельство тому – сравнение правовых миров раннего Средневековья. В то время как в Европе господствовало относительно примитивное «варварское» право германцев и скандинавов, основанное на обычае и системе композиций (выкупов за преступления), Русь, стоявшая на порядок выше в юридическом (законотворческом) отношении, благодаря контактам с Византией, уже оперировала куда более сложными и абстрактными правовыми концепциями византийско-русских договоров 911 и 944 годов. Этот исторический парадокс заставляет задуматься: является ли «передовое» право, привнесенное извне, всегда благом для общества? Византийско-русские договора были продуктом

иной, более древней и бюрократизированной цивилизации. Их усвоение Русью говорит о её готовности к сложным государственным реформам. В то же время, «варварские» правды германцев, будучи проще, были органичны и эффективны для обществ, основанных на родовых связях и воинской доблести.

Подобные метаморфозы мы наблюдаем и в отношении развития правового знания. Современный «юридизм» и правовой позитивизм (Г. Кельзен), ставшие фундаментом европейского правоведения, выросли из совершенно иной средневековой системы – схоластики, умозрительных подходов и догм римского права. В нашем недавнем прошлом наблюдалась подобная картина: теория советского права («социалистическое» право) провозглашала «волю пролетариата», но на практике оно было «живым правом», отражавшим реальные потребности и ментальные установки правящих групп. Вероятно, что именно так возникает главный конфликт – фундаментальный разрыв между теорией и реальностью: Идея права vs «живое» право. Иначе говоря, между Идеей права как строгой, смыслозадающей структурой («что должно быть») и правовой реальностью – тем, «что есть на самом деле», основанной на конкретных потребностях и менталитете людей. Поскольку «коллективный разум» не тождественен себе в разные эпохи, понятие права исторически изменчиво. То, что считалось правом в сословном обществе, неприемлемо в современном либерально-демократическом государстве. Эволюция права – это отражение эволюции коллективных ценностей и идеалов.

Итак, эмпирически признавая, что «право есть нечто многообразное и изменчивое, теоретическое сознание, чтобы осуществить акт понимания права – а это только и возможно на теоретическом уровне отражения мира, – отыскивает в нем общее, устойчивое, единое, выражающее сущность (главное, системообразующее качество) как свойство, которое присутствует во всех явлениях права, но само к этому разнообразию не сводимое» [3, С. 27]. И это, как уже говорилось, подчеркивает, как идеального объекта, существующего только в конкретных проявлениях.

Право как реальность, т. е. многое и изменчивое (римское, российское имперское, советское, частное, административное, уголовное, континентальное, позитивное и т. п.) не сводимо к единому [5]. Ни один реально существующий вариант права не содержит право как таковое, право в «чистом» виде (не путать с кельзеновским «чистым правом»). Следовательно, «право как единое, право как исходное общее понятие возможно только в познающем сознании, или, иначе говоря, в теоретическом объекте – предмете познавательной деятельности, ибо ни один объективный правовой феномен правовой реальности не аккумулирует в себе понятие права в качестве исходной посылки познания и понимания права» [3, С. 29].

Таким образом, возникает фундаментальный дуализм правового бытия: с одной стороны, мы имеем право-сущность – универсальную, идеальную категорию, постигаемую теорией, а с другой – право-явление – конкретное, историческое и социально обусловленное воплощение этой сущности в виде систем норм, институтов и практик. Сущность права проявляется только через

его многообразные и зачастую противоречивые формы, но ни одна из этих форм не исчерпывает ее полностью. Данное различие позволяет разрешить кажущийся парадокс: как нечто единое и устойчивое (сущность) может существовать в виде чего-то многообразного и изменчивого (явления). Ответ заключается в том, что сущность права – это не некая отдельная, «самая правильная» правовая система, а тот системообразующий принцип, тот минимум инвариантных признаков, который позволяет нам идентифицировать некое социальное явление именно как право, в отличие от морали, обычая или произвола. Таким принципом может выступать, например, связь с государством, формальное равенство субъектов права, нормы права или обеспеченность принудительной силой. Однако сама интерпретация и иерархия этих признаков в разные эпохи и в разных правовых школах варьируется, что и порождает плюрализм правопонимания.

Обобщая вышеизложенное, заметим, что общее понятие права формируется не в реальности, а в сознании человека, в процессе теоретического познания, как результат аналитической и синтетической работы разума. «Однако само сознание не является неизменным: оно зависит от интуитивных посылок, исторического контекста, ценностей и картины мира исследователя. Ведь нет никаких гарантий, что сознание как коллективный рассудок и разум всегда и везде тождественно самому себе во всех хронотопах бытия» [3, С. 124]. Именно поэтому существуют множество различных и часто конфликтующих определений права, детерминируемых различными подходами, установками автора, историческим стилем мышления, господствующей картиной мира и т. д.

Следует подчеркнуть, что правовое знание – это не строгая наука, а ценностное (аксиологическое) социально-гуманитарное знание, в основе которого лежит не объективный факт, а изначально принятый социальный идеал или ценность. Например, еще в начале XX столетия Б. Кистяковский, рассматривая вопрос о критериях научности правового знания, считал, «что прежде, чем приниматься за исследование какой-либо сферы общественной жизни, следует избрать себе какой-нибудь социальный идеал или ценность в качестве цели, а затем уже сообразно с ним решать все социально-научные вопросы» [5, С. 50-51]. Основоположник «субъективного метода в социологии» Н.К. Михайловский полагал: «Не восхищаться политическими фактами и не осуждать их можно только не понимая их значения... Социолог... должен прямо сказать: желаю познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов, посильное оправдание которых при сем прилагаю» [5, С. 50-52].

Следует отметить, что право предстает не как статичная данность, а как непрерывный диалог между реальностью и сознанием, между существующими нормами и тем идеалом, к которому они стремятся. Эта аксиологическая природа права объясняет, почему правовые дискуссии часто являются по своей сути философскими и политическими – они всегда затрагивают вопрос: «Каким должно быть право?».

Признание ценностной основы права делает неизбежным и легитимным существование разных правовых школ (естественно-правовой, позитивистской,

социологической и др.). Каждая из них исходит из своей исходной интуиции или «социального идеала»: справедливости, суверенной воли, социальной эффективности. Борьба между этими подходами – это не спор о фактах, а спор о фундаментальных ценностях.

«Мир, Порядок и Человек – вот те исходные интуиции сущего, которые, применимо к теме нашего исследования, в истории общественной мысли впоследствии облекались в различные концепты – субъект права, правосознание, закон, норма, правовая реальность, правовое бытие и т.д. и т.п., где различность и способы ее понятийного оформления определялись историческим контекстом эпохи» [3, С. 256]. Но главное в том, что оставалась неизменной суть наличия этих целостностей при изменяющемся историческом содержании и их понятийном выражении.

Таким образом, «отмечая несводимость правового знания только к набору рациональных (формально-логических) суждений о правовой реальности, можно сказать, что происходит методологическая переоценка возможностей прежней эпистемологии и парадигмы правового мышления, осуществляется поворот к социокультурным, иррациональным, экзистенциально-герметентическим параметрам правовой жизни общества и человека» [10, С. 162]. Но в целом процесс смены парадигм в юридической науке протекает крайне медленно, что вполне объяснимо свойствами как самого предмета – права, так и правового мышления. Впрочем, последние исследования в области формальной логики наглядно демонстрируют ее иррационально-интуитивные истоки. Современный логик В. Ишмуратов пишет: «В фундаменте логических операций лежат феноменологические процедуры... Сами методы логики являются феноменологическими. С помощью операции варьирования мы создаем и проникаем в сферу универсальных структур, которые Э. Гуссерль назвал трансцендентальными, они суть логически универсальные... Объективность логического связана с интересубъективностью. Именно в интересубъективном акте согласия конституируется структура логического, утверждается результат феноменологического анализа» [11, С. 7].

Дискуссия о природе права в современной юриспруденции разделила исследователей на два лагеря. Первые, апеллируя к многомерности права и несовпадению методологических установок, отрицают саму возможность выработки универсального определения и концептуального синтеза различных теорий. Вторые, напротив, утверждают, что такой синтез возможен на пути интегрального понимания права, объединяющего лучшие достижения разных научных школ. Сближение различных направлений правовой мысли является характерной чертой и современной западной правовой мысли последних лет, отстаивающей принцип методологического плюрализма.

Одним из авторов синтезированного подхода к праву является В. Графский. В своих публикациях он развивает мысль о том, что синтезированный подход дает возможность воспринимать право как сложноорганизованный и многофакторный объект познания, предмет которого так же динамичен и неустойчив по своей сути. Поэтому «возможен и необходим

постоянный обмен познавательными ракурсами и сохранение дискурсивности осмысления феномена права» [12, С. 51]. Другой сторонник синтетической теории права – А. Яценко, утверждал, что «синтетические теории не могут строиться на основе эклектического соединения различных подходов» [13, С. 51]. Исследователь постулирует методологический принцип «органического соединения всех односторонних определений на основании синтезирующей силы всеобъемлющего начала» [13, С. 151]. В философско-правовом (метафизическом) контексте исследования права таким началом всегда есть Идея права. Иное дело, когда мы говорим о смысле этой Идеи, интерпретируемой в методологии социологического исследования или психологического подхода в спектре ее методологических ресурсов анализа феномена. Социология имеет дело с правовыми отношениями и правом как совокупностью социальных институтов, где синтезирующим началом выступает норма (правовая и юридическая), а в психологическом ракурсе право предстает как психология права в единстве всей совокупности индивидуально-психологических и социально-психологических феноменов проявления (правовая ментальность/ правовое сознание, правовое поведение и т. д.) [6].

Как видно, здесь имеет место наличие разных уровней проявленности того социального феномена, который мы обозначаем понятием право и наделяем его смыслом. Речь идет о различных семантических и семиотических измерениях права, признании за ним статуса кросс-культурного явления, имеющего свое измерение и проявление на всех уровнях (социологическом, психологическом, метафизическом) организации социального бытия (культуры) [8]. Поэтому полагаем, что синтетическая теория права как один из «возможных» вариантов онтологии права может быть представлена в виде развертывания содержания основополагающей Идеи социального мироустройства человека как рода и индивида, понимаемой нами в качестве Порядка, вносящего свое онтологическое проявление в различные измерения, «пласты» и контексты социального бытия. Смысл этого онтологического измерения всегда отличен и вместе с тем восходит к единой, универсальной Идее – плоду метафизической деятельности разума.

Отличность смысла Идеи порядка проявляется как нравственный, моральный и правовой порядок (правопорядок), если речь идет о социокультурном мироустройении, исследуемом социологией, начиная от «понимающей» социологии и вплоть до социологии правовых отношений и правовой статистики как части общей социальной статистики. Отличность смысла Идеи правопорядка заключается в анализе и исследовании становления Идеи порядка как психического феномена индивидуального сознания (и не только сознания), становления Идеи порядка как идеологии и правового знания – если речь идет о психологическом и политическом измерении бытия [9]. А если эту интеллектуальную посылку принять в качестве исходного принципа дальнейшего исследования в границах неклассической рациональности, предусматривающей открытость дискурса о праве, признании аксиологического подхода, герменевтики, компаративистики и феноменологии интеллектуальными методологическими ресурсами неклассического подхода к

праву с сохранением того социального опыта исследования права, который признан в качестве классического наследия, опирающегося на строго выверенные концептуальные выводы и определения, то мы можем говорить о формировании убеждения, что различные исследовательские парадигмы должны не исключать, а скорее взаимодополнять друг друга, поскольку степень сложности феномена «право» такова, что необходимо требует их взаимодействия.

Движение к методологическому плюрализму, как справедливо резюмирует А. Демидов, предполагает: «во-первых, расширение горизонта рациональности, признание ее несводимости только к аналитическим методикам; во-вторых, представление о методологии как способе синтеза методов и их интерпретаций; в-третьих, признание возможностей различных методов и их использование для оптимизации результатов познания» [14, С. 18].

Методологический плюрализм при изучении права как метафизического феномена (Идея и Смысл права) и права как эмпирической действительности (правовой реальности) с ее многогранной феноменологией проявления делает не только необходимым, но и возможным использование достижений различных методологических подходов, некий методологический синтез, позволяющий обновить методологию права.

В этом контексте уместно обратиться к высказыванию уже упоминавшегося нами отечественного теоретика права Н. Алексеева. Хотя он оперирует привычными правовыми понятиями, но выразил общую тенденцию, а именно потребность в переосмыслении правовой методологии и переориентации правового мышления в целом. Н. Алексеев писал: «Все определения права, построенные и общей юридической теорией, и философией права, одинаково имеют характер некоторой одномерности. На самом деле сведение к одному основному моменту не может не быть неизбежной потребностью и эмпирических, и априорных теорий, ищущих определения права... В указанном смысле одинаково одномерны такие определения, как «право есть норма», «право есть воля», «право есть интерес», «право есть порядок», «право есть свобода» и т. д. Главное затруднение, исходящее из подобных определений, заключается в том, что правовые феномены во всей их полноте никак не могут в них уместиться. Не нужно прилагать особых усилий к тому, чтобы доказать, что ни одно из них не точно, что право может быть не только волей, но и нормой, не только интересом, но и свободой и т. д. – словом, что право не сводимо к одному измерению» [15, С. 71].

Выводы. Иначе говоря, предлагаемый нами синтетический подход к пониманию права является не хаотичным сочетанием различных методологических подходов, а представляет собой целенаправленный поиск нового понимания права на основе традиционных, классических категорий и рациональности, позволяющий гармонично влиться в уже существующее правовое знание, а не противопоставляться ему. Итогом должен стать единый концептуальный каркас, объединяющий философские, социокультурные, антропологические, ценностные, психологические и сугубо юридические

аспекты права. На наш взгляд, согласование старого и нового правового знания позволит создать универсальную и интегральную концепцию, способную объяснить правовое явление в его многообразных проявлениях, в любую историческую эпоху и в любом обществе. Традиционная классическая модель правопонимания, «в своем логико-методологическом и метафизическом измерении восходящая к И. Канту, подразумевает не отказ от понимания права в качестве понятия права, вносящего порядок в сознание исследователя, а, напротив, наличие такого понятия, которое задает общую интенцию интеллектуальной деятельности правоведа-теоретика и коррелирует деятельность практического юриста» [3, С. 417]. Это означает, что, говоря о методологическом синтезе, следует иметь в виду прежде всего только те подходы к исследованию права, которые дают возможность ответить на вопрос: что есть право в целом и в современном обществе в частности?

Мы исходим из того, что такой методологический синтез возможен на основе определенной Идеи права как интеллектуального продукта сознания на его разумном уровне проявленности, позволяющем эту идею интерпретировать в качестве исходного начала права, источника этой Идеи, каковым есть Человек, понимаемый в качестве родового и индивидуально-личностного носителя права, задающий своей телеономной природой и ценностно-рациональной действительностью определенную интенцию развития социальной реальности вообще и правовой реальности в частности. Иначе говоря, такой методологический синтез в качестве своего исходного начала имеет антропный принцип, позволяющий рассматривать правовое бытие и правовую реальность в качестве продукта человеческой деятельности, которая, в свою очередь, рассматривается во всем спектре экзистенциальных и индивидуально-личностных проявлений права.

Как видим, Мир права, благодаря антропному принципу исследования задается и как объективный, и человек вписывается в него, и как субъективный, и человек вписывает его в себя. В конечном счете и то и другое – примеривание «мира права» на себя, поиск идентификации, воплощение родового человека в конкретную личность – *nomine iuridicus*.

Антропный принцип формирования методологического ресурса исследования права позволяет видеть истоки и предтечи правовой организации социума; понимать Порядок в качестве субстанциальной причины не только права, но нравственности и морали как форм и способов социальности людей; видеть, наконец, «живое» право в единстве его психологических и социологических способов выявления в бытии. Антропный принцип оправдывает самое существование философии права как его (права) метафизики, собственно, и задающей праву его мировоззренческие антропологические и персоналогические координаты.

Так, размышляя о причинах кризиса позитивного права, известный философ-гуманист XIX-XX столетий А. Швейцер пришел к выводу, что «юристы допустили упадок права и правосознания. Но они здесь ни при чем. Просто в мышлении их времени отсутствовало представление о том, на чем

должно базироваться живое понятие права. Право стало жертвой отсутствия мировоззрения...» [16, С. 90]. С рассмотренной выше точкой зрения, на наш взгляд следует согласиться, «поскольку еще в начале XX века позитивное право, окончательно выведенное из-под власти философии и подвергнутое давлению позитивных наук, начало терять свои культурно-исторические и идейные корни, как бы уходить от своей духовной основы, вырываться из мировоззренческих оков» [10, С. 89].

По справедливому замечанию французского философа П. Рикера, «в современной философской культуре проблемы права преданы всеобщему забвению: их оставили юристам и судьям. Вопросы правосудия перестали подвергаться философскому рассмотрению, право окончательно стало позитивной «наукой», полностью оторванной от своих культурных и естественных истоков». Вывести эмпирическое (позитивное) право из кризиса призвана философия права в ее, с нашей точки зрения, таких модусах, как философская правовая антропология и философская правовая персонология. Л. Нельсон писал: «Только через направленное возвращение... к честной метафизике права, т. е. к учению о праве, основанному на обновленной критике практического разума, можно вновь прогнать из науки нечистый дух, который одолевает юриспруденцию наших дней» [18, С. 207].

Антропный принцип предлагает принципиально иной взгляд на природу права, выводя его за рамки сухого нормативизма. Вместо восприятия права как набора статических, безличных предписаний, данный подход рассматривает его как динамичный, живой феномен, укорененный в человеческой природе, продукт человеческой психики и социального взаимодействия – порождения страстей, интересов, воли и идей. Этот подход позволяет преодолеть узкое, но доминирующее в юридическом сообществе нормативное понимание права, которое сводит его к системе безликих, формально определенных правил, установленных государством и отражающих исключительно волю правящих элит. Право предстает не просто «законом», а сложным сплетением страстей, осознанных желаний, коллективных воли и конкурирующих идей. Такой взгляд является мощной альтернативой господствующему нормативному подходу, который, несмотря на свою ограниченность, остается краеугольным камнем современного юридического образования и юридической практики. Убежденность практиков в «самоочевидности» и «непоколебимости» нормативной парадигмы создает замкнутый круг, где право изучается не как социальный институт, а как самодостаточная логическая конструкция, оторванная от своего человеческого источника.

Антропный принцип, отталкивающийся от кантовского постулата о «природной склонности человека к метафизике», утверждает само право на существование метафизики права, которая, в свою очередь, обосновывает необходимое включения человека в качестве имманентного сущности права компонента.

Антропный принцип допускает существование в рамках неклассического типа рациональности различных онтологий права в качестве подвижных

знаниевых конструкций, гибко реагирующих на историческую и пространственно-временную подвижность современного социального мира, не допуская при этом отхода от фундаментального метафизического начала любой онтологии права – исходной Идеи, задающей смысл эмпирическому (позитивному) праву. Мы в качестве такой Идеи постулируем Идею порядка, которая может рассматриваться и как предварительное (как было заявлено выше) определение права. Итак, право суть всегда порядок. Это сущностное качество права, вне которого право не существует как таковое, ибо вне порядка все остальные признаки права теряют свой смысл как правовой смысл. Иное дело, что этого качества недостаточно для уяснения права как права, уяснения его отличия и сходства от иных форм социальной регуляции, если они возможны.

Антропный принцип оправдывает и узаконивает ценностный подход к праву, ибо природа человека имманентно содержит в себе способность видеть и отражать мир одновременно в виде оценочных и фактуальных суждений. Следовательно, само понятие право ценностью детерминировано, а само право как объективная реальность есть ценностный, а следовательно, упорядоченный, иерархически организованный, системный социальный феномен.

Можно ли верифицировать в рамках синтетического подхода к праву, вбирающего в свое содержание элементы классического и неклассического типов рациональности, метафизически постулируемую нами Идею порядка, выявить ее (Идеи) антропологическую сущность и обосновать ее истоки? Для чего это необходимо? По крайней мере, для того, чтобы избежать обвинений в «чистом» трансцендентализме как стиле философской рефлексии в понимании природы Идеи права. Далее, это необходимо для того, чтобы само становление Идеи права как Идеи порядка опиралось на исходные эмпирические основания, дающие «зеленый свет» на возникновение Идеи права. Иначе говоря, обосновать умозаключение о том, как из видения объективно обязательных начал поведения людей опытным путем сознание получает моменты всеобщности, опираясь на присущее ему свойство априорного «схватывания» сущности в форме Идеи порядка.

Суть указанного подхода передает известное изречение И. Канта: «Что такое право? Этот вопрос может также смутить правоведа – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, – как пресловутый вопрос: «Что есть истина?», обращенный к учителям логики. Что следует по праву (*quid sit juris*), т. е. что говорят или говорили законы в том или ином месте в то или другое время, он еще может сказать; но право (*recht*) ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правовое и неправоное (*iustum et in-iustum*), – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме (хотя бы упомянутые законы и служили ему для этого хорошим руководством), чтобы установить основу для возможного положительного законодательства. Чисто эмпирическое учение о

праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [19, С. 126-149].

Список литературы

1. Leach, E. Fundamentals of Structuralism Theory // Sociological approaches of Law. – London. – 1981. – 271 p.
2. Горбань, В.С. Характер правовых взглядов Г. Кельзена / В.С. Горбань, В.С. Груздев // Право и политика. – 2023. – № 11. – С. 91-98. – DOI: 10.7256/2454-0706.2023.11.68818. – EDN: LKOTWB.
3. Гребеньков, Г.В. Человек в правовом бытии. Введение в правовую персонологию : монография / Г.В. Гребеньков. – Донецк : Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. – 540 с.
4. Гребеньков, Г.В. Атрибутивное и системно-структурное измерение бытия права к постановке проблемы / Г.В. Гребеньков. В.С. Ромадыкина // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 2 (4) – С. 40-53.
5. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых. – 1916. – 704 с.
6. Гайденок, П.П. История рациональности / П.П. Гайденок, Ю.Н. Давыдов. – М.: Наука, 1991. – 316 с.
7. Алексеев, Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимодействии их методов / Н.Н. Алексеев. – М.: Тип. императорского моек, ун-та. – 1912. – 281 с.
8. Лейбниц, Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровского и др. – М.: Мысль. – 1982. – 636 с.
9. Катречко, С.Л. Как возможна метафизика / С.Л. Катречко // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 83-93.
10. Мальцев, Г.В. Очерк теории обычая и обычного права / Г.В. Мальцев // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов н/Д : [б. и.], 1999. – 367 с.
11. Ишмуратов, В. Логика социального дискурса / В. Ишмуратов // Философская мысль. – 2000. – № 2. – С. 4-15.
12. Графский, В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект / В.Г. Графский // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 49-64.
13. Ященко, А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Ященко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – 252 с.
14. Демидов, А.Н. О методологической ситуации в правоведении / А.Н. Демидов // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 16-24.
15. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 218 с.

16. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
17. Рикер, П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 27-36.
18. Nelson, L. Die Rechtsulissenschaft ohne Recht. Gattingen-Hamburg. – 1949. – URL: <https://archive.org/details/dierechtswissens00nels/page/n5/mode/2up> – (дата обращения: 12.09.2025)
19. Кант, И. Метафизика нравов : в 2-х ч. // Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2 / И. Кант. – М.: Мысль, 1965.– 469 с.

УДК 343.3/.7

ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Гром Е.А., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kac09@yandex.ru)

Козачёк Е.С., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kozachok0303@gmail.com)

В статье рассмотрены проблемные вопросы объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ. Историческая ретроспектива и современная судебная практика позволяют делать выводы, что сегодня заведомо ложное сообщение об акте терроризма остаётся рудиментом хулиганства. Об этом свидетельствует отсутствие единства во мнениях учёных относительно объекта состава преступления, мотивы и цели, преследуемые виновными лицами, формы статистического учёта рассматриваемого деяния, а также соразмерность наказания содеянному.

Ключевые слова: заведомо ложное сообщение, угроза теракта, хулиганство, объективные признаки.

A KNOWLEDGE-BASED FALSE REPORT OF AN ACT OF TERRORISM: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND CURRENT QUALIFICATION ISSUES

Grom, E.A., Kozachok, E.S.

The article discusses the problematic issues of objective and subjective features of the crime under Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. Historical retrospective and modern judicial practice allow us to conclude that today, a false report of an act of terrorism remains a vestige of hooliganism. This is evidenced by the lack of consensus among scholars regarding the object of the crime, the motives and goals pursued by the perpetrators, the forms of statistical accounting for this act, and the proportionality of the punishment to the crime.

Keywords: false information, terrorist threats, hooliganism, and objective evidence.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма (далее – ложное сообщение) на протяжении более тридцати лет остаётся одной из наиболее полемических категорий в доктрине уголовного права и судебно-следственной практике. Выделение деяния в отдельную норму из состава хулиганства и последующее внесение изменений в статью 207 УК РФ, в полной мере не решило проблем, связанных с установлением признаков состава, квалификацией преступления и назначением наказания соразмерного содеянному.

Анализ научных исследований. Дискуссия по вопросу заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает достаточно широкий круг проблем теоретического и прикладного характера. Так, социальную обусловленность преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ изучают И.А. Гуляева, М.С. Хумаров, Н.Г. Андрюхин, С.В. Борисов. Авторы А.О. Овчинников, С.В. Тришкин и О.А. Овчинников акцентируют внимание заинтересованных лиц на проблемах статистического учета заведомо ложных сообщений об акте терроризма. Особенности субъективной стороны преступления, в частности её мотивационному компоненту, посвящено исследование Т.М. Мамоны и Е.А. Гром, а объективным признакам – авторов С.В. Замалеевой, Е.А. Ильященко. Вместе с тем, решение, позволяющее удовлетворить запрос правоприменителя и законодателя, научным сообществом пока не найдено.

Целью статьи является исследование состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, в т. ч. в исторической ретроспективе, и его места в современной системе преступлений террористической направленности.

Изложение основного материала. Первое установление признаков деяния и введение его в уголовное законодательство в 1994 году в качестве отдельного запрета вызвано объективной необходимостью противодействия массовому распространению негативного явления в форме анонимных звонков о заложенных взрывоопасных предметах и, безусловно, социальным запросом на ответную реакцию на преступления со стороны государства. Исследование феномена в ретроспективе показывает, что имеющийся опыт борьбы с «лжетеррористами» на каждом временном отрезке актуализируется с учётом новых социально-исторических условий. Однако, по мнению исследователей, не каждое внесение изменений в уголовное законодательство обусловлено потребностями правоприменительной практики [1].

До принятия Федерального закона от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», дополнившего систему уголовно-наказуемых деяний статьёй 213.4, правоприменитель квалифицировал ложные сообщения по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР как злостное хулиганство. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16.10.1972 г. № 9 «О судебной практике по делам о хулиганстве», а позже и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 24.12.1991 г. № 5 разъясняли, что под злостным хулиганством по признаку особой дерзости следует признавать нарушение общественного порядка, которое сопровождается, в частности, срывом массового мероприятия,

временным прекращением нормальной деятельности организаций, общественного транспорта и т.п. [2; 3]. Размещение нормы в Главе десятой «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения», диспозиция статьи, а также разъяснения пленумов Верховного Суда указывали, что основным объектом посягательства выступает общественный порядок.

Публикации в СМИ в 1990-е годы по-разному оценивают восприятие предпринимателями и населением анонимных телефонных звонков с предупреждениями о заложенных бомбах. Так, автор заметки в газете «Коммерсантъ» отмечает, что специалисты НИИ МВД России выделяют четыре группы телефонных хулиганов: 1) лица, совершившие преступление под воздействием спиртного; 2) лица с психическими отклонениями; 3) обучающиеся; 4) террористы. Последние действуют с целью запугивания коммерсантов, для передачи требований о выкупе и т.д. Некоторые банки, рассматривая телефонные угрозы как хулиганство, не представляющее реальной опасности, опасаясь широкой огласки, игнорируют меры безопасности, предпочитают скрывать поступившую информацию от правоохранительных органов. Так же безответственно на эти звонки реагируют и некоторые сотрудники милиции [4].

Вместе с тем, СМИ предлагают общественности и другие публикации, когда, например, после сигнала неизвестного гражданина в диспетчерскую службу на Московском вокзале Петербурга реально происходит взрыв [5].

Учитывая запрос социума на усиление мер противодействия телефонному терроризму, обострившийся на фоне общемировой тенденции участившихся терактов, в 1994 году законодатель одновременно вводит в УК РСФСР статьи 213.3 и 213.4, предусматривая уголовную ответственность за терроризм и заведомо ложное сообщение об акте последнего. Выделение деяния из состава хулиганства, последовательное расположение норм 213.3 и 213.4 УК РСФСР свидетельствуют о трансформации объекта, на который посягает виновный. Общественный порядок как объект защиты уступает первенство общественной безопасности, усматриваемой через призму определения терроризма. Атрибутивными признаками действий по обеим статьям является потенциальная опасность гибели людей и наступление иных тяжких последствий.

Указанная позиция законодателя в отношении объекта преступления находит продолжение в статье 207 УК РФ от 1996 года, размещённой в главе 24 «Преступления против общественной безопасности». Конструкция статьи претерпевает изменения в части введения квалифицирующего признака, но при этом сохраняет ключевые элементы основного состава. При этом на практике при ведении статистической отчётности согласно учётным перечням норма обособлена от преступлений террористического характера [6] и относится к таковым лишь при наличии отметки о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью или его финансированием.

Наконец, в 2017 году в норму вводятся новые составообразующие признаки преступления и дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение в зависимости от его категории тяжести.

Одной из проблем заведомо ложного сообщения, освещаемой современными исследователями, является проблема определения объекта преступления. Отчасти, такая ситуация обусловлена многокомпонентностью дефиниции «общественная безопасность», рассматриваемой исследователями в широком и узком смыслах. Так, с одной стороны, под общественной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Это состояние подвергается серьезному нарушению вследствие террористической деятельности, но фактически остается неизменным при заведомо ложном сообщении и даже ошибочном восприятии такового неопределённым кругом лиц. Общество и государство в целом относительно спокойно воспринимают факты таких ложных сообщений. В связи с чем выдвигаются предположения о посягательстве деяния на общественную информационную безопасность [7, С. 85-86] или констатируется, что преступление посягает на общественный порядок [8].

С другой стороны, стоит учитывать, что один из подходов к пониманию безопасности как философской категории выделяет ее психологическую составляющую, сводящую сущность безопасности к субъективным ощущениям личности или общности. В обыденном сознании это может расцениваться как состояние свободы социума от страха и тревоги. [9]. Ощущение безопасности, как и состояние защищённости людей, находящихся в зоне реагирования компетентных органов и служб по факту ложного сообщения, во многом определяется именно благодаря предпринимаемым ими мерам (эвакуация и т.д.) и окончательно достигается лишь при получении официальной информации о ложной тревоге. Очевидно, что восприятие степени опасности/безопасности будет зависеть от окружающей среды и условий, в которых совершается преступление, а также социально-политической обстановки в государстве в целом.

Россия не единожды переживала всплески «телефонного терроризма» в период кризисов, в том числе на фоне последних событий. В течение нескольких лет жители Донецкой Народной Республики регулярно пребывали в состоянии страха, тревоги, опасности. В качестве «показательного» преступления, отвечающего признакам состава ложного сообщения (за исключением хулиганских побуждений), наглядно демонстрирующего посягательство виновных именно на общественную безопасность, направленного на устрашение и деморализацию населения, а также достижение целей терроризма, можно привести любой из следующих эпизодов: 28.01.2022 г. – ложная информация о нахождении взрывных устройств на территории 17 объектов в Донецке, Горловке и Макеевке; 01.02.2022 г. – обнаружение самодельного взрывного устройства у здания органа местного самоуправления; 02.02.2022 г. – ложные сообщения о минировании образовательных учреждений. Угрозы взрывов на протяжении недели более чем в 400 зданиях в 16 населенных пунктах ДНР

повлекли необходимость эвакуации более 75 тысяч человек... [10]. В этот период, с учётом продолжаемой реальной военной обстановки, в сети интернет распространяются панические сообщения и наблюдается всплеск эмоциональной реакции со стороны населения.

В противовес вышесказанному приведем другой пример, произошедший в 2023 году в г. Великом Новгороде, когда у виновного после употребления алкоголя в кафе возникает конфликт с охранником из-за отказа последнего возвращать посетителю куртку и требования оплатить штраф за потерю жетона. Со словами «сейчас всем будет плохо», виновный звонит на линию «112» и сообщает «оператору о том, что, если ему не отдадут куртку, он взорвет кафе». Далее в показаниях подсудимый сообщает, что «своими действиями хотел создать проблемы охраннику». А из слов охранника следует, что посетитель вел себя агрессивно, сказал, что сейчас приедут правоохранительные органы. Через несколько минут по прибытию и требованию сотрудников «Росгвардии» все посетители и персонал были эвакуированы.

Объединяющим началом приведенных обоих примеров является заведомо ложное сообщение об акте терроризма. И если в первом случае деяния виновного(ых) безапелляционно указывают на посягательство на общественную безопасность, по крайней мере на ее психологическую составляющую – устрашение, деморализацию населения, и отнюдь не из хулиганских побуждений, а в целях терроризма, то во втором – ложное сообщение скорее принимает облик способа совершения хулиганства, со всеми вытекающими последствиями: грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с угрозой применения насилия («сейчас всем будет плохо»). Здесь прослеживается и «нарушение общепризнанных норм и правил поведения», и «желание виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним» [11].

В своем решении, оценивая доказательства в совокупности, суд приходит к выводу, что подсудимый совершил заведомо ложное сообщение об акте терроризма по ч. 2 ст. 207 УК РФ, из хулиганских побуждений, поскольку сделал заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве под влиянием малозначительного повода, желая нарушить общественный порядок и дезорганизовать работу кафе, которое является объектом социальной инфраструктуры. Безусловно, подобная оценка суда в полной мере соответствует букве закона и ст. 207 УК РФ, но насколько смысловая нагрузка совершённого деяния коррелирует с сущностью общественной безопасности и терроризма – остается под вопросом.

Судебно-следственная практика показывает, что именно объективная сторона выступает скрепой состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма, позволяя отграничивать преступление от смежных деяний (например, от ст. ст. 213, 207.1, 207.2, 306 УК РФ и др.). При этом авторы отмечают, что, как правило, ложные сообщения не связаны с посягательством на общественную безопасность, а совершаются либо из хулиганских побуждений, либо с целью дестабилизации нормального функционирования органов

государственной власти, предприятий, учреждений, организаций и т.д. Умысел виновных направлен не на самоидентификацию лица на стороне террористов и достижение определённых целей, характерных для терроризма. Деянием преследуются иные цели [12, С. 183], зачастую виновные руководствуются иными мотивами и побуждениями (ревность, корысть, неприязненные отношения и т.д.) [13, С. 42].

Получаем метаморфозу, при которой в зависимости от контекста ложное сообщение либо тяготеет к деянию, ранее квалифицировавшемуся по статье 206 УК РСФСР, выступая способом совершения последнего, или же является преступлением террористического характера при условии установления его связи с террористической деятельностью [6]. В таком случае, исходя из более чем двадцатилетнего опыта квалификации содеянного и привлечения виновных к ответственности, возникает вопрос, насколько оправдано было выведение преступления из состава статьи 206 в отдельную норму с последующим введением признака «хулиганские побуждения»?

Стоит отметить, что уголовное законодательство ряда соседних государств, учитывая общие тенденции противодействия терроризму, содержит аналогичные нормы в соответствующих разделах и главах своих кодифицированных актов. Так, в УК Республики Казахстан статьи о ложном сообщении (ст. 273) и хулиганстве (ст. 293) размещены в одной главе 10 «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка» [14]. Такой же подход наблюдаем в УК Республики Молдова [15].

Более детальное разграничение, исходя из объектов посягательства, демонстрируют УК Кыргызской Республики и Республики Таджикистан. Например, запрет на ложное сообщение установлен в статье 259 главы «Преступления против общественной безопасности», запрет на хулиганство – в статье 280 главы «Преступления против общественного порядка» [16].

В УК Республики Беларусь в главе 27 «Преступления против общественной безопасности» размещена статья 290 «Угроза совершением акта терроризма», а нормы, устанавливающие ответственность за заведомо ложное сообщение об опасности – в главе 30 «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» [8].

В УК Российской Федерации [17] и УК Азербайджанской Республики [18] оба преступления (ложное сообщение и хулиганство) нашли закрепление в главе «Преступления против общественной безопасности».

Интересна позиция перечисленных соседних государств и в отношении установления санкций за оба преступления. При сравнении норм наблюдаем, что за деяния по основному составу заведомо ложного сообщения (а в статьях некоторых стран квалифицированный состав вовсе отсутствует) максимальная мера наказания предусматривает пять лет лишения свободы, а по хулиганству – до трёх лет. В России ситуация иная. По ч. 1 ст. 207 УК РФ – ограничение свободы или принудительные работы на срок до трех лет (лишение свободы не предусмотрено), а за хулиганство – лишение свободы до пяти лет.

Выводы. Проведенное исследование подтверждает наличие проблем в чётком установлении признаков состава преступления и неоднозначность места заведомо ложного сообщения об акте терроризма среди преступлений террористической направленности. Приведенные примеры свидетельствуют, что деяние, предусмотренное ст. 207 УК РФ, с одной стороны, может представлять собой угрозу, устрашающую население, но носящую ложный характер, а с другой стороны, не иметь ничего общего с терроризмом и террористическим актом, кроме как наличия в содержании заведомо ложной информации указания на взрывоопасные предметы или поджог.

Список литературы

1. Майстренко, Г.А. Институт противодействия совершению заведомо ложных сообщений об акте терроризма: историко-правовые аспекты / Г.А. Майстренко // Образование и право. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-protivodeystviya-soversheniyu-zavedomo-lozhnyhsoobscheniy-ob-akte-terrorizma-istoriko-pravovye-aspekty> – (дата обращения: 14.09.2025).
2. О судебной практике по делам о хулиганстве : Постановление № 9 от 16.10.1972 : принято Пленумом Верховного Суда СССР. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11419#yo dGstUILmO2a16N1> – (дата обращения: 14.09.2025).
3. О судебной практике по делам о хулиганстве : Постановление № 5 от 24.12.1991 : принято Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/7704/> – (дата обращения: 19.10.2025).
4. Телефонный терроризм // Газета Коммерсантъ. – № 244 (467) от 18.12.1993. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/67675>. – (дата обращения: 14.08.2025).
5. Диверсия в Питере: взорвалась урна // Журнал «Коммерсантъ Власть». – № 121 от 25.05.1992 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4866?query=анонимные%20звонки> – (дата обращения: 14.08.2025).
6. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 г. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ – (дата обращения: 19.10.2025).
7. Ильяшенко, Е.А. Объект состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма / Е.А. Ильяшенко // Философия права. – 2021. – № 4 (99). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-sostava-zavedomo-lozhnogo-soobscheniya-ob-akte-terrorizma> – (дата обращения: 15.08.2025).
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2025 г.). – URL:

- https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 – (дата обращения: 15.08.2025).
9. Губанов, В.М. Философская интерпретация безопасности жизнедеятельности / В.М. Губанов, И.К. Капшунова. – Текст : непосредственный // Педагогика высшей школы. – 2016. – № 3.1 (6.1). – С. 62-68. – URL: <https://moluch.ru/th/3/archive/43/1446/> – (дата обращения: 15.08.2025).
 10. Заявление Главы ДНР Дениса Пушилина в связи с провокационными действиями Украины против гражданского населения Республики – Текст : электронный // Пресс-служба Министерства связи Донецкой Народной Республики : сайт. – URL: <https://digital.gov-dpr.ru/press-sluzhba/obshchaya-informatsiya/zayavlenie-glavy-dnr-denisa-pushilina-v-svyazi-s-provokatsionnymi-deystviyami-ukrainy-protiv-grazhda/> – (дата обращения: 14.08.2025).
 11. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление № 45 от 15.11.2007 (ред. от 26.11.2024) : принято Пленумом Верховного Суда РФ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/#dst100005 – (дата обращения: 14.08.2025).
 12. Шишина, Е.А. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений террористического характера / Е.А. Шишина, К.А. Горковенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovoy-harakteristiki-prestupleniy-terroristicheskogo-haraktera> – (дата обращения: 16.08.2025).
 13. Гром, Е.А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: мотивационный компонент и сложности квалификации / Е.А. Гром, Т.М. Мамона // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 3 (5). – С. 36-44. – EDN KHNDWQ. – (дата обращения: 19.10.2025).
 14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 19.05.2025 г.). – Информационная система «Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 – (дата обращения: 16.08.2025).
 15. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 10.07.2025 г.). – Информационная система «Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 – (дата обращения: 16.08.2025).
 16. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изм. и доп. по состоянию на 28.07.2025 г.) – Информационная система «Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 – (дата обращения: 16.08.2025).
 17. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ : [в редакции от 31.07.2025]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. –

URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2c54dfed2e09c1236bf059a9211bb37b2fcbb8e1/ – (дата обращения: 19.10.2025).

18. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изм. и доп. по сост. на 11.04.2025 г.) – Информационная система «Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 – (дата обращения: 16.08.2025).

УДК 341.3, 327.5:351.862(100)

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬЯНС «FIVE EYES»: ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА И СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ

Дьяченко Г.С., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: gd101094@yandex.ru)

В статье рассматривается формирование, институциональное развитие и современная роль разведывательного альянса «Five Eyes» (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия) как уникального феномена международного сотрудничества в сфере разведки и безопасности. На основе анализа рассекреченных документов (BRUSA Agreement 1943 г., UKUSA Agreement 1946 г.), нормативно-правовых актов стран-участниц и современных исследований прослеживается эволюция альянса от двустороннего англо-американского партнёрства времён Второй мировой войны до устойчивой многоуровневой сети обмена разведданными в XXI веке. Особое внимание уделено организационной структуре и распределению функций между ключевыми агентствами – АНБ, GCHQ, ASD, CSE и GCSB, а также юридическим основам их взаимодействия и различиям в национальных режимах разведывательной деятельности. В результате исследования сделан вывод о том, что «Five Eyes» представляет собой систему разведывательного сотрудничества, обеспечивающую стратегическую информационную интеграцию западных стран, и сохраняющую ключевое значение в архитектуре глобальной безопасности XXI века.

Ключевые слова: США, Великобритания, Five Eyes, разведывательный альянс, британо-американские отношения, UKUSA Agreement, национальная безопасность.

THE FIVE EYES INTELLIGENCE ALLIANCE: HISTORY, STRUCTURE, AND MODERN ROLE

Dyachenko, G.S.

The article examines the formation, institutional development and modern role of the intelligence alliance «Five Eyes» (USA, UK, Canada, Australia, New Zealand) as a unique phenomenon of international cooperation in the field of intelligence and security. Based on the analysis of declassified documents (BRUSA Agreement of 1943, UKUSA Agreement of 1946), regulatory legal acts of the participating countries and modern research, the evolution of the alliance from the bilateral Anglo-American partnership during the Second World War to a stable multi-level intelligence exchange

network in the 21st century is traced. Special attention is paid to the organizational structure and distribution of functions between the key agencies – NSA, GCHQ, ASD, CSE and GCSB, as well as the legal foundations of their interaction and differences in national intelligence regimes. The study concluded that Five Eyes is a system of intelligence cooperation that ensures the strategic information integration of Western countries and retains key importance in the global security architecture of the 21st century.

Keywords: USA, UK, Five Eyes, intelligence alliance, British-American relations, UKUSA Agreement, national security.

Разведывательный альянс «Five Eyes» – межгосударственный механизм по обмену разведывательной информацией между пятью западными странами: США, Великобританией, Канадой, Австралией и Новой Зеландией. Начав свое существование как партнерство между Соединенными Штатами и Великобританией в период Второй мировой войны, альянс впоследствии, в первые годы «холодной войны», пополнился тремя новыми участниками.

Его деятельность оставалась в значительной степени засекреченной до расследования, проведенного Европейским парламентом в 2001 году. Обнародование документов, переданных бывшим подрядчиком АНБ Эдвардом Сноуденом в 2013 году, раскрыло подробности, касающиеся деятельности альянса.

Актуальность темы исследования. В условиях роста глобальных угроз и значения разведывательного сотрудничества тема статьи представляется особенно актуальной, т. к. альянс «Five Eyes» является одним из самых эффективных и устойчивых примеров международного обмена разведывательной информацией. На фоне роста глобальной напряженности и вооруженных столкновений, «Five Eyes» приобрел большее значение как площадка для выработки совместных политических решений и санкционных мер. По данным Reuters, альянс активно участвует в сборе данных о стратегической активности Китая и России [1].

Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе эволюции разведывательного альянса «Five Eyes» – от двусторонних соглашений BRUSA (1943 г.) и UKUSA (1946 г.) до его современной роли в глобальной архитектуре безопасности XXI века.

Анализ научных исследований. Статья Б. Уильямса, опубликованная в «Journal of Cold War Studies», представляет собой детальное историческое исследование, которое акцентирует внимание на процессе создания альянса «Five Eyes» [2]. Данной проблематике посвящена документально-историческая книга британского журналиста и телепродюсера Р. Кербаджа «The Secret History of the Five Eyes», где раскрываются скрытые стороны взаимодействия западных спецслужб [3]. Основным источником для исследования – сборники документов и аналитика о правовой ответственности, обмене разведанными и правоприменении от «Privacy International» [4].

Целью статьи является систематизация и критическая оценка эволюции, организационной структуры и функций альянса «Five Eyes» с акцентом на исторические предпосылки и институциональное оформление альянса, механизмы обмена разведданными, а также правовые и политические последствия для национальных систем надзора и международных норм.

Для достижения поставленной цели в работе сформулированы следующие ключевые задачи:

- рассмотреть исторические корни и институциональные основания альянса «Five Eyes» и то, как они сформировали текущую практику сотрудничества;

- проанализировать организационную структуру и распределение ролей внутри альянса, их влияние на оперативные возможности стран-участниц;

- изучить, какую роль «Five Eyes» играет в современной геополитике и кибербезопасности.

Исследование основано на многоуровневом подходе, включающем историко-документальный анализ (анализ официальных заявлений и законодательных актов), контент-анализ открытых источников (научных публикаций, отчетов правозащитных организаций, журналистских расследований), а также сравнительно-правовой анализ национального регулирования стран-участниц. Поскольку доступ к секретным материалам ограничен, значительная часть доказательной базы будет составлена из авторитетных вторичных источников; там, где это возможно, преимущества будут отданы первоисточникам и международным отчётам. Необходимо прямо признать методологические ограничения: значительная часть информации остается засекреченной, вследствие чего прямая проверка деталей становится затруднительной.

Изложение основного материала. Совместная разведывательная деятельность, лежащая в основе альянса «Five Eyes», восходит к эпохе Второй мировой войны. Уже в начале 1940-х годов союзники, прежде всего Блетчли-парк (Великобритания) и американские криптоаналитики, активно обменивались информацией [5]. Еще с 1939 года британский центр криптоанализа Блетчли-парк начал систематическое вскрытие германских шифровальных систем, прежде всего машины Enigma, а позднее – Lorenz SZ 40/42. Вскрытие кодов стало возможным благодаря координации британских специалистов и польской школы криптографии, но уже к 1941 году потребность в расширении ресурсов подтолкнула Лондон к более тесному сотрудничеству с Вашингтоном. Параллельно американские криптографы из Американской службы радиотехнической разведки (SIS) и Управления военно-морской разведки добились успеха во вскрытии японских кодов, включая систему PURPLE, что позволило союзникам получать ценнейшие сведения о дипломатической и военной переписке Токио.

В 1941 году в результате серии контактов британские криптографы направили в США группу специалистов (в частности, Алана Тьюринга и других аналитиков), что положило начало регулярному обмену техническими

наработками и результатами дешифровки. Этот обмен был закреплён соглашениями о совместных миссиях Блетчли-парк и американского центра в Arlington Hall Station.

Вторая мировая война укрепила «особые отношения» между Лондоном и Вашингтоном. Обе страны осознали, что победа в войне и удержание послевоенного порядка требуют не только военного взаимодействия, но и глубокой интеграции разведсообществ. После вступления США в войну в декабре 1941 года была создана координационная структура союзных разведслужб – Combined Communications Board и Combined Cipher Machine Committee, которые обеспечивали совместимость техники шифрования и общие стандарты безопасности коммуникаций [6].

Политически сотрудничество закреплялось на высшем уровне – Атлантической хартией 1941 года, провозгласившей общие ценности демократии и безопасности. Эти идеологические основания позволили после 1945 года перенести модель военного взаимодействия в долговременный мирный альянс.

Историк Р. Олдрич в монографии «GCHQ: The Uncensored Story of Britain's Most Secret Intelligence Agency» отмечает, что именно военные условия 1939-1945 годов стали катализатором беспрецедентной интеграции разведслужб двух суверенных государств, что «создало прочную платформу, на которой можно было строить англоязычный разведывательный мир» [7].

После окончания войны, с усилением противостояния между Западом и СССР, потребность в постоянной и комплексной совместной разведке, особенно в сфере перехвата и анализа сигналов, резко возросла.

И Великобритания, и США сосредоточили свое внимание на борьбе с Советским Союзом. В марте 1946 года они подписали британо-американское соглашение о коммуникационной разведке (BRUSA), в котором предусматривался обмен персоналом, совместные правила обработки и распределения особо чувствительных материалов, а также координация по перехвату и дешифровке коммуникаций. В марте 1946 года было подписано новое, более формализованное соглашение между США и Великобританией – UKUSA (United Kingdom – United States of America Agreement). Согласно этому соглашению, стороны обязуются по «неограниченному» обмену продуктами SIGINT-деятельности в ряде направлений: сбор трафика, анализ коммуникаций, криптоанализ, дешифровка и перевод, получение информации о коммуникационных организациях и оборудовании. При этом соглашение предусматривает оговорку: обмен может быть ограничен, если это «вредно национальным интересам» одной из сторон [8].

Хотя первоначально UKUSA был двусторонним документом между Великобританией и США, уже с конца 1940-х годов к сотрудничеству стали присоединяться другие государства. Канада присоединилась в 1948 году [9], Австралия и Новая Зеландия официально вступили в альянс в 1956 году [10].

С течением времени этот формат был оформлен как «Five Eyes» или FVEY – союз пяти разведывательных агентств: США, Великобритании, Канады,

Австралии и Новой Зеландии. Расширение позволило партнерам распределить географическую ответственность за перехват и анализ: например, одна страна может специализироваться на Азии, другая – на Европе, третья – на Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом сам механизм оставался весьма секретным по характеру, официально признание сотрудничества появилось значительно позже.

Таким образом, концепция «неограниченного обмена» разведывательными данными SIGINT зародилась в 1940-х годах, став краеугольным камнем высокого доверия в разведывательном альянсе. Включение Канады, Австралии и Новой Зеландии, бывших доминионов Британской империи, отражало британо-американскую гегемонию в западном мире и способствовало четкому разграничению географических зон ответственности.

До 2010 года существование UKUSA и степень сотрудничества между странами были практически недоступны для исследования, но этот исторический этап задал структурные рамки, в которых альянс функционирует и в настоящее время [11]. Альянс «Five Eyes» не возник внезапно, а представляет собой последовательную эволюцию разведывательной практики времен Второй мировой войны через формализацию в 1946 году к расширению в 1950-х годах до полного состава из пяти государств. Современная структура, функции и принципы работы альянса во многом определены именно ранними соглашениями BRUSA/UKUSA.

Соглашение BRUSA представляет собой военное оперативное соглашение между США и Великобританией, заключенное с целью координации радиоперехвата, криптоанализа и обмена результатами разведки. Структура документа включает введение, организационные положения, согласно которым устанавливаются прямые каналы взаимодействия между британской Правительственной школой кодов и шифров (GC&CS) и американской Army Signal Security Agency (SSA), принципы обмена разведывательными данными, стандарты секретности и безопасности, кадровое сотрудничество.

Принятое в 1946 году соглашение UKUSA юридически представляет собой секретное межведомственное соглашение между правительствами США и Великобритании, заключенное в форме исполнительного соглашения, а не классического международного договора, требующего ратификации парламентом. Его правовой статус основан на внутренних полномочиях разведывательных ведомств и утвержден соответствующими министерствами обороны обеих стран. Структура документа включает основной текст, приложения, ограничительные положения, а также дополнительные соглашения с 1948 по 1955 гг., где уточняются географические зоны ответственности стран-участниц альянса [12].

Документ определяет область «продуктов» SIGINT и процедуры их обмена. В приложениях перечисляются «продукты», которыми могут обмениваться стороны: сбор трафика («collection of traffic»), приобретение или копирование коммуникационных документов, криптоанализ и дешифровка,

перевод, техническая разведка об инфраструктуре связи и оборудовании и т.д. Этот список упоминается в рассекреченных приложениях к соглашению [13].

В тексте UKUSA закреплён принцип активного обмена разведанными между сторонами, но с оговоркой, что обмен может быть ограничен, если раскрытие информации будет «вредно национальным интересам» соответствующей стороны. Соглашение UKUSA изначально имело секретный характер и не оформлялось как публичный международный договор в традиционном смысле (его существование долгое время не признавалось). Документы содержат отметки «Top Secret – Eyes Only», инструкции «never to be removed from office» и указания по обращению с материалами.

Приложения были спроектированы с учетом принципа распределения «географических зон» и специализаций между партнерами. Кроме того, была предусмотрена процедура передачи перехваченных потоков в наиболее подходящие для анализа центры. Эти решения были продиктованы как технологическими возможностями (станциями перехвата), так и геополитической структурой западных стран.

Хотя страны альянса UKUSA разделяют общие принципы, национальное законодательство каждой из них по-разному определяет рамки деятельности разведывательных служб и их взаимодействия. В США ключевую роль играет закон Foreign Intelligence Surveillance Act (FISA) (1978 г.) и его поправки, позволяющие АНБ собирать иностранные коммуникации при внешней направленности, под контролем специального суда [14].

Великобритания с Центром правительственной связи (GCHQ) руководствуется законами 1994 и 2016 годов, устанавливающими комплексный парламентский и судебный надзор [15].

Канадский Центр безопасности коммуникаций (CSE), согласно закону 2019 года, оформил свои SIGINT-функции и ввел обязательный контроль со стороны комиссара по разведке. Австралийское Оборонное радиотехническое управление (ASD), действуя по закону 2001 года, имеет более ограниченный внутренний мандат, но активно участвует в международных операциях «Five Eyes» [16]. Новая Зеландия, через GCSB Act (2003 г.) [17], фокусируется на внешней разведке, но при этом ставит приоритетом защиту частной информации своих граждан. Эти национальные особенности создают асимметричную структуру альянса, где США и Великобритания обладают наибольшими техническими и правовыми возможностями, а остальные участники действуют в рамках согласованных, но национально обусловленных полномочий.

Официально «Five Eyes» не является единым органом, а функционирует как консорциум национальных разведывательных агентств, образованный на основе соглашения UKUSA/BRUSA. Его архитектура базируется на независимых национальных структурах, связанных взаимными договоренностями, едиными стандартами передачи информации и практикой ограниченного доступа («eyes-only»). Ключевую роль играют агентства, занимающиеся криптографией и радиотехнической разведкой (SIGINT), вокруг

которых организовано сотрудничество в сфере киберзащиты, обмена разведывательными данными и оказания оперативной помощи (Табл. 1).

Таблица 1. Профильные агентства и ключевые правовые источники по национальному законодательству стран-членов альянса «Five Eyes».

Страна	Профильные агентства	Законодательство
США	National Security Agency (NSA) Агентство национальной безопасности	Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978 (FISA)
Великобритания	Government Communications Headquarters (GCHQ) Центр правительственной связи	Investigatory Powers Act 2016 (IPA)
Канада	Communications Security Establishment (CSE, ранее CSEC) Центр безопасности коммуникаций	Canadian Security Intelligence Service Act (CSIS Act)
Австралия	Australian Signals Directorate (ASD)	Intelligence Services Act 2001 (ISA)
Новая Зеландия	Government Communications Security Bureau (GCSB) Служба безопасности правительственных коммуникаций	Intelligence and Security Act 2017 (ISA NZ)

«Five Eyes» исторически и институционально сфокусирован на SIGINT (signals intelligence) – перехвате и анализе электронных коммуникаций, радиосигналов, телекоммуникаций и т. п. Это ядро делегирует технические возможности (стоянки перехвата, дешифровка, фильтрация трафика, долгосрочные архивы) и является основным продуктом обмена между партнерами. АНБ и GCHQ – лидеры по объему и технологическому потенциалу; ASD, CSE и GCSB выполняют важные региональные и технические обязанности [18].

Согласно учебным материалам военно-морской школы США, HUMINT (человеческая разведка) и агентурная информация по-прежнему собираются национальными спецслужбами (CIA, MI6, CSIS и т.д.) и передаются партнерам по необходимости. Аналитические центры альянса используют мультиагентные данные для создания комплексных разведпродуктов. АНБ и GCHQ являются ключевыми игроками в масштабном перехвате данных, располагая самыми

значительными ресурсами для обработки колоссальных объемов трафика. ASD, CSE и GCSB специализируются на перехвате информации в своих географических регионах (Азиатско-Тихоокеанский, Североатлантический, интересы Новой Зеландии) и выполняют соответствующие задачи. HUMINT и контрразведка остаются в ведении национальных служб; обмен происходит по принципу «releasable to Five Eyes/need-to-know» [19].

К лету 2013 года, благодаря документам, переданным Эдвардом Сноуденом журналистам, стало очевидно, что инфраструктура для массового перехвата и аналитики, используемая США и их партнерами, имела значительно более широкий и глубокий охват, чем публично заявлялось. Среди ключевых раскрытых программ были PRISM – система, позволяющая спецслужбам получать доступ к данным пользователей крупных интернет-компаний (таких как Google, Facebook, Microsoft) по судебным ордерам. Утечки показали, что разведка могла извлекать не только служебную информацию, но и содержание переписки и файлов; XKeyscore, представляющий собой поисковую систему для анализа интернет-трафика в реальном времени, включая электронную почту и активность в браузере; Tempora – программа британского Центра правительственной связи (GCHQ) по перехвату данных из оптоволоконных линий [20]. Последствия утечек оказались мгновенными и широкомасштабными, вызвав бурную реакцию как общественности, так и политических кругов по всему миру. В государствах, входящих в альянс «Five Eyes», эти события привели к трём ключевым направлениям действий: публичным разъяснениям со стороны разведывательных служб и правительств, началу расследований и парламентских слушаний, а также инициированию законодательных изменений и частичных реформ.

Выводы. Разведывательный альянс «Five Eyes», возникший как англо-американское соглашение времён Второй мировой войны, прошёл длительный путь институциональной и функциональной эволюции – от двустороннего обмена сигнальной разведкой (SIGINT) между США и Великобританией до полноценной многоуровневой системы разведывательного сотрудничества пяти англоязычных государств.

Анализ исторических этапов BRUSA и UKUSA показывает, что первоначально сотрудничество имело строго военный характер и было направлено на обмен дешифровочной информацией и координацию радиоэлектронной разведки против нацистской Германии и милитаристской Японии. Однако уже в период «холодной войны» система приобрела глобальный характер. «Five Eyes» стала не только инструментом сбора данных о противнике, но и важнейшим элементом политико-стратегического доверия в отношениях западных стран.

Современная структура альянса опирается на специализированные национальные агентства – NSA (США), GCHQ (Великобритания), CSE (Канада), ASD (Австралия) и GCSB (Новая Зеландия) – каждое из которых выполняет собственные задачи в рамках общих направлений SIGINT, GEOINT и

контрразведки. Координация обеспечивается через совещательные комитеты, совместные аналитические центры и единые протоколы классификации данных.

После утечек 2013 г. и разоблачений Э. Сноудена «Five Eyes» столкнулась с беспрецедентной кризисной ситуацией доверия, что вынудило членов альянса реформировать законодательство и создать новые механизмы парламентского и судебного надзора (например, Investigatory Powers Act 2016 в Великобритании, USA FREEDOM Act в США, Intelligence and Security Act 2017 в Новой Зеландии). Несмотря на публичную критику, система сохранила устойчивость и адаптировалась к новым вызовам.

Союз «Five Eyes» остается беспрецедентным – это неформальное, но крепкое партнерство разведывательных служб, построенное на глубоком доверии и эффективном взаимодействии. По сути, это «разведывательное НАТО» XXI века, чьи возможности и политическое влияние делают его важным для разведывательного сотрудничества западных стран. Действия разведывательного альянса «Five Eyes» поднимают важные проблемы для международного правопорядка. Речь идет о поиске равновесия между потребностями государственной безопасности и неприкосновенностью частной жизни, а также об ограничениях юрисдикции при осуществлении наблюдения и обработки информации о лицах, не являющихся гражданами стран-участниц.

Список литературы

1. Chen, C. New Zealand's top spy warns on China's influence in the Pacific, backs Five Eyes // Reuters. – 07.03.2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-zealands-top-spy-warns-chinas-influence-pacific-backs-five-eyes-2025-03-07/> – (дата обращения: 02.11.2025).
2. Williams, B. Why the Five Eyes? Power and Identity in the Formation of a Multilateral Intelligence Grouping // Journal of Cold War Studies. – 2023. – Vol. 25, No. 1. – P. 101-137. – URL: <https://direct.mit.edu/jcws/article/25/1/101/115125/Why-the-Five-Eyes-Power-and-Identity-in-the> – (дата обращения: 01.11.2025).
3. Kerbaj, R. The Secret History of the Five Eyes. – London : Bonnier Books, 2022. – URL: <https://oceanofpdf.com/authors/richard-kerbaj/pdf-epub-the-secret-history-of-the-five-eyes-download/> – (дата обращения: 01.11.2025).
4. Privacy International. Bundle of exhibited documents: cases. – London : Privacy International, 2018. – URL: <https://privacyinternational.org/sites/default/files/2018-05/2014.09.03%20Bundle%20of%20exhibited%20doc%203Acases.pdf> – (дата обращения: 01.11.2025).
5. Tabor, N. Five Eyes // Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Five-Eyes> – (дата обращения: 01.11.2025).
6. Foreign Office: British Mission to the French National Committee: Papers // The National Archives (UK). – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C8191> – (дата обращения: 01.11.2025).

7. Aldrich, R. J. GCHQ: The Uncensored Story of Britain's Most Secret Intelligence Agency. – London : Harper Press, 2010. – URL: <https://archive.org/details/pdfy-9R6qcjW1vKtckELN> – (дата обращения: 02.11.2025).
8. Williams, B. Why the Five Eyes? Power and Identity in the Formation of a Multilateral Intelligence Grouping // Journal of Cold War Studies. – 2023. – Vol. 25, No. 1. – P. 101-125. – DOI: 10.1162/jcws_a_01123 – (дата обращения: 02.11.2025).
9. Oversight of Intelligence Agencies: A Comparison of the «Five Eyes» Nations. – Ottawa: Library of Parliament, 2020. – URL: https://lop.parl.ca/staticfiles/PublicWebsite/Home/ResearchPublications/Others/PDF/ISSN_2203-5249-e.pdf – (дата обращения: 02.11.2025).
10. BRUSA Agreement (The National Archives, HW 80/4). – London : 17 May 1943. – URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11536914> – (дата обращения: 02.11.2025).
11. NSA. Declassified UKUSA Signals Intelligence Agreement Documents Available. – Press Release, 24 June 2010. – URL: <https://www.nsa.gov/Helpful-Links/NSA-FOIA/Declassification-Transparency-Initiatives/Historical-Releases/UKUSA/> – (дата обращения: 02.11.2025).
12. UKUSA Agreement Outline. – 5 March 1946. – URL: https://www.nsa.gov/portals/75/documents/news-features/declassified-documents/ukusa/agreement_outline_5mar46.pdf – (дата обращения: 02.11.2025).
13. NSA FOIA Correspondence. – Privacy International, 2017. – URL: <https://privacyinternational.org/sites/default/files/2017-12/NSA%20FOIA%20Correspondence.pdf> – (дата обращения: 02.11.2025).
14. The Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978 (FISA). – URL: <https://bja.ojp.gov/program/it/privacy-civil-liberties/authorities/statutes/1286> – (дата обращения: 02.11.2025).
15. Investigatory Powers Act 2016. – London : UK Government. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25> – (дата обращения: 02.11.2025).
16. Intelligence Services Act 2001 (ISA). – Canberra : Government of Australia. – URL: <https://www.asianlaws.org/gcld/cyberlawdb/AU/Intelligence%20Services%20Act%202001.pdf> – (дата обращения: 02.11.2025).
17. Intelligence and Security Act 2017. – Wellington : Government of New Zealand. – URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0010/latest/DLM6920823.html> – (дата обращения: 02.11.2025).
18. Signals Intelligence (SIGINT) Overview. – National Security Agency. – URL: <https://www.nsa.gov/Signals-Intelligence/Overview/> – (дата обращения: 02.11.2025).
19. Intelligence Studies: Types of Intelligence Collection. – U.S. Naval War College. – URL: https://usnwc.libguides.com/c.php?g=494120&p=3381426&utm_source – (дата обращения: 02.11.2025).

20. NSA Files Decoded. // The Guardian. – 01.11.2013. – URL: <https://www.theguardian.com/world/interactive/2013/nov/01/snowden-nsa-files-surveillance-revelations-decoded> – (дата обращения: 02.11.2025).

УДК 343.237

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Коваленко Э.Д., кандидат юридических наук, главный инспектор инспекции штаба МВД по Донецкой Народной Республике, полковник внутренней службы (г. Донецк)

(e-mail: edvard.pakhomoff.40@mail.ru)

Булавкин А.А., кандидат социологических наук, профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки, полковник полиции, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

(e-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru)

В статье проведен анализ понятия и основных признаков соучастия в преступлении в уголовном праве. Соучастие в преступлении рассматривается как один из наиболее сложных институтов уголовного права. Это в значительной степени объясняется особенностями законодательной техники при конструировании норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Институт соучастия в преступлении относится к числу наиболее ранних и устойчивых конструкций уголовного права. Его генезис восходит к периоду становления государственности на территории Древней Руси, когда в нормативных предписаниях впервые закреплялась ответственность за деликт, совершенный несколькими лицами. Значимость института соучастия состоит в том, что он обеспечивает привлечение к ответственности не только непосредственных исполнителей, но и организатора, подстрекателя, пособника, чьи действия сами по себе не образуют полный состав преступления.

Ключевые слова: уголовный кодекс, соучастие в преступлении, исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник, уголовная ответственность.

THE CONCEPT AND SIGNS OF COMPLICITY IN A CRIME IN CRIMINAL LAW

Kovalenko, E.D., Bulavkin, A.A.

The article analyzes the concept and main signs of complicity in a crime in criminal law. Complicity in a crime is considered one of the most complex institutions of criminal law. This is largely due to the peculiarities of legislative technique in the construction of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The institution of complicity in a crime is one of the earliest and most stable constructions of criminal law. Its genesis dates back to the period of statehood formation on the territory of Ancient Russia, when the regulations for the first-time

established responsibility for a tort committed by several persons. The importance of the institution of complicity lies in the fact that it ensures that not only the direct perpetrators are brought to justice, but also the organizer, instigator, and accomplice, whose actions alone do not constitute a complete crime.

Keywords: *criminal code, complicity in a crime, perpetrator, organizer, instigator, accomplice, criminal liability.*

Актуальность темы исследования. Соучастие в преступлении обоснованно рассматривается как один из наиболее сложных институтов уголовного права. Такая оценка в значительной мере объясняется особенностями законодательной техники при конструировании норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В типовой ситуации диспозиции статей Особенной части ориентированы на описание индивидуального, персонализированного преступного поведения субъекта, и лишь в отдельных случаях прямо учитывают множественность участников. Институт соучастия в преступлении относится к числу наиболее ранних и устойчивых конструкций уголовного права. Его генезис на отечественной почве восходит к периоду становления государственной организации на территории Древней Руси, когда в нормативных предписаниях впервые закреплялась ответственность за деликт, совершенный несколькими лицами. Уже в ранних правовых памятниках фиксируется идея коллективной противоправной деятельности и необходимость ее самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Анализ научных исследований. Исследования института соучастия в преступлении освещены в трудах З.А. Абдурахмановой, Н.А. Бабий, Е.В. Епифанова, Б.А. Камалиева, Д.А. Кирьянова, В.В. Мальцева, Г.О. Петровой, А.В. Плужникова, Л.М. Прозументова, А.И. Ророга, А.К. Субачева, С.Н. Ипатьева, М.В. Федоровой, А.И. Чучаева, С.А. Шатова, М.В. Ююкиной, П.С. Яни, и других ученых.

Целью исследования является анализ понятия и основных признаков института соучастия в уголовном праве.

Изложение основного материала. Научное осмысление соучастия как особого института началось с XVIII века, параллельно с формированием в России систематизированной доктрины уголовного права и развитием академической юридической мысли. Тем не менее соответствующие регулятивные положения, адресованные соучастникам преступления, содержались и в источниках средневекового права, что свидетельствует о длительном и непрерывном процессе нормативной конкретизации коллективных форм преступного поведения. Показательно, что в ранних международно-правовых актах Киевской Руси – договорах с Византией 911 и 944 годов – отсутствует развернутое терминологическое обозначение соучастия как такового. Однако уже в тексте Договора 911 года встречается указание на деяние, совершенное не единолично, а «дружне», то есть совместно, что имплицитно отражает представление о множественности участников и их сопричастности общему противоправному результату [1, С. 56].

Ключевым источником древнерусской правовой традиции справедливо считается Русская Правда (начало XI – конец XIII вв.), на протяжении нескольких столетий выполнявшая функцию базового ориентира для судебной практики и разрешения споров. В корпусе ее норм обнаруживается, по сути, самое раннее для Древней Руси нормативное закрепление ответственности за имущественные посягательства, совершенные несколькими лицами, – в частности, «за кражу, осуществленную в соучастии» [2, С. 63].

Эпоха централизации Руси ознаменовалась появлением нового кодифицированного источника – Судебника Ивана III 1497 г., отличавшегося высоким для своего времени уровнем юридической техники. Вместе с тем его нормы не содержат прямых указаний на институт соучастия и распределение ролей между участниками. По-видимому, совместное совершение правонарушения воспринималось не менее опасным, чем деяние одиночного субъекта, что, вероятно, и обусловило отсутствие специальной регламентации ответственности нескольких лиц в тексте Судебника.

Судебник Ивана IV 1550 г. обозначил качественный этап в «эволюции уголовно-правового регулирования, впервые нормативно зафиксировав ответственность за организованные формы преступной деятельности» [3].

В XVII столетии, в условиях Смутного времени, наблюдался всплеск организованной преступности: так называемые становые разбойники осуществляли разбойные нападения на торговые караваны, разоряли села, поджигали поселения. Массовый, групповой характер посягательств стал восприниматься как непосредственная угроза устойчивости публичной власти. В ответ на это в Соборном уложении 1649 г. законодательно не только обозначены участники совместных преступлений, но и дифференцированы формы соучастия – «скоп» и «заговор», которые в историографии обоснованно признаются ранними легальными моделями преступного сообщества [4, С. 81].

Современная доктрина оценивает Соборное уложение как акт высокой юридико-технической проработанности, что обусловило его долговременную регулятивную силу: на протяжении свыше двух веков оно фактически исполняло функцию основного источника права. Эту роль позднее подтвердил специальный императорский акт: Указ Петра I 1714 г. прямо признал Соборное уложение единственно достоверным и обязательным источником уголовно правового регулирования, что институционально закрепило его приоритет в правовой системе раннего Нового времени [4, С. 83].

До 1917 года в отечественной уголовно-правовой доктрине проблематика соучастия занимала одно из центральных мест. Исследовательский интерес был сосредоточен на уточнении самого понятия соучастия, типологии участников (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник), разграничении их функций и соответствующей мере ответственности за общее преступное деяние. Предпринимались попытки очертить круг составов, допускающих совместное совершение, однако систематизированные представления о формах и видах соучастия в то время не были разработаны и, соответственно, не получили нормативного закрепления. Вместе с тем значительная часть теоретических достижений находила

отражение в действующих правовых актах, что свидетельствует о продуктивном диалоге науки и законодательства. Параллельно фиксировалось влияние зарубежной юридической мысли – своего рода «вестернизация» отдельных сюжетов: рецепция доктринальных подходов и понятийного аппарата континентально-европейских школ способствовала уточнению категории соучастия и расширению инструментария её научного анализа.

Таким образом, можно утверждать, что сведения о совместной преступной деятельности, как о правовом институте, предусмотренном Соборным Уложением 1649 г., дали начало развитию института соучастия в российском уголовном праве.

После 1917 года начинается формирование советской уголовно-правовой науки, в рамках которой проблематика соучастия получила приоритетное внимание и интенсивную разработку. При этом вопрос о преемственности с дореволюционной доктриной – даже в ограниченных аспектах – в отечественной юриспруденции того периода практически не ставился, что предопределило во многом разрыв с предшествующей традицией и ориентацию на собственные концептуальные основания.

В 1940-е годы XX века активизировался теоретический поиск путей разрешения ключевых уголовно-правовых проблем. Было сформулировано «множество предложений по совершенствованию законодательства, однако лишь часть из них получила отражение в УК РСФСР 1960 года, при этом значительный массив идей остался невостребованным и не нашёл нормативной реализации. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении других институтов уголовного права, включая нормы о преступлениях против жизни и здоровья несовершеннолетних, а также посягательства на их права и законные интересы» [5, С. 77].

На рубеже XX–XXI вв. вступил в силу и продолжает действовать (с последующими многочисленными корректировками) УК РФ 1996 года. В числе несомненных достоинств действующего УК РФ следует обозначить наличие отдельной главы 7 «Соучастие в преступлении» (ст. 32–36) в составе раздела II «Преступление» Общей части. Сам факт выделения специального структурного блока указывает на глубокую законодательную проработку института и учет как доктринальных, так и потребностей правоприменения. Показательно, что уже в 2009 году, а затем в 2013 году законодатель обновил положения ст. 35 УК РФ, реагируя на изменяющиеся социальные реалии и эволюцию форм совместной преступной деятельности. Обращение к историко-правовому методу в изучении института соучастия демонстрирует устойчивый интерес законодателя к данному институту на протяжении различных эпох. Начиная с «Русской Правды», хотя нормы о соучастии и не были выделены в самостоятельный раздел Общей части, право последовательно различало деяния, совершенные единолично и группой лиц, фиксировало наличие либо отсутствие предварительного согласования действий, разграничивало статусы соучастников и иных форм причастности. Этот вектор систематизации отчетливо прослеживается и в кодификациях более позднего периода. Так, Свод законов уголовных в разделе «Преступления, проступки и наказания вообще», в главе «О существе преступлений и проступков и о степенях вины», в отделении «Об участии в преступлении» содержит комплекс из пяти статей, регламентирующих ключевые

вопросы множественности участников: от основания ответственности за совместное деяние до распределения ролей и соотношения вклада каждого соучастника. Данная преэминентность подтверждает, что идея самостоятельной регуляции совместной преступной деятельности последовательно укреплялась в отечественной правовой традиции и получила современное завершение в конструкции главы 7 УК РФ [6, С. 154].

Несмотря на то, что институт соучастия имеет многовековую историю, проблема его юридической природы по-прежнему остается одной из наиболее дискуссионных в отечественной уголовно-правовой науке. Еще Н.С. Таганцев констатировал «хаотическое состояние» учения о соучастии, указывая на фрагментарность и несогласованность подходов. В сходном ключе Г.Е. Колоколов характеризует теорию соучастия как «венец» учения о преступлении, справедливо относя ее к наиболее трудоемким и сложным разделам уголовного права. Длительная научная полемика вокруг сущности совместной преступной деятельности обусловила формирование множества концептуальных трактовок. Одной из ранних формулировок, вошедших в доктрину, стала позиция А.С. Жиряева, согласно которой соучастие представляет собой объединение нескольких преступников для совершения одного и того же преступления. Близкую по смыслу дефиницию предложил С.В. Познышев, рассматривавший соучастие как виновное совершение одного преступления совместной деятельностью нескольких лиц. По существу, эти определения фиксируют ключевые признаки, лежащие в основе современного законодательного понятия соучастия: множественность участников, единство преступного результата и координацию действий при наличии вины [7, С. 121].

В уголовно-правовой реальности значительная доля посягательств совершается не индивидуально, а с участием нескольких лиц, действующих согласованно. Такая форма преступной активности объяснима: кооперация участников позволяет распределить функции, снизить индивидуальные издержки исполнения и повысить эффективность достижения общего преступного результата. Именно поэтому деяния, совершенные группой, составляют заметную часть преступности и характеризуются повышенной степенью общественной опасности. Признавая системный характер данного явления, законодатель придал институту соучастия самостоятельное значение: в УК РФ 1996 года ему посвящён специальный нормативный блок, что подчёркивает его «ключевую роль в уголовно-правовом регулировании и практической деятельности по противодействию преступности в Российской Федерации» [8, С. 146].

В современной уголовно-правовой науке, «опираясь на обширный массив исследований и доктринальных разработок, в целом сформировались две базовые концепции, объясняющие природу и значение соучастия для оценки преступных деяний и их квалификации. Обозначенные подходы имеют обобщающий, методологический характер и задают рамки интерпретации института в теории и практике. Эпистемологическое основание для понимания происхождения и эволюции соучастия как уголовно-правового института составляют многочисленные теоретические конструкции и предложенные в научной литературе гипотезы о его генезисе и функциональном назначении» [9, С. 149-151]. В совокупности они

формируют концептуальную модель, позволяющую выявить сущностные признаки соучастия и определить его роль в механизме уголовно-правовой квалификации.

В рамках первой концепции исходным является положение о зависимости поведения всех участников от основного посягательства, осуществляемого исполнителем. Если ведущий субъект реализует состав преступления (например, совершает кражу), то действия иных вовлеченных лиц, даже опосредованных, получают уголовно-правовую оценку как сопряженные с этим преступлением. В логике данной модели волевые акты соучастников носят акцессорный характер, то есть рассматриваются как дополнительные, вспомогательные по отношению к деянию исполнителя. Существенно, что прекращение уголовного преследования в отношении исполнителя по причинам, не затрагивающим факт совершения деяния (например, смерть), не устраняет самостоятельной ответственности других участников: они подлежат привлечению на общих основаниях как соучастники.

Альтернативная концепция исходит из автономности уголовно-правовой значимости поведения каждого соучастника. Для установления справедливой ответственности в этой модели достаточно доказанности собственных действий лица, обладающих самодостаточным юридическим основанием для вины и наказуемости. Преступление как итог совместной активности не предполагает обязательной «жесткой» причинно-правовой зависимости всех участников от исполнителя: последний не детерминирует неизбежно пределы и характер ответственности остальных. Следовательно, квалификация строится на самостоятельной оценке вклада каждого соучастника, без сведения её исключительно к судьбе и статусу основного исполнителя.

Тем самым акцессорная теория исходит из базового постулата о производном характере ответственности остальных участников от деяния исполнителя. В рамках данного подхода предполагается, что поведение исполнителя и прочих соучастников подлежит квалификации по одной и той же норме, а отсутствие исполнителя как носителя основного посягательства исключает существование самого преступления и, следовательно, института соучастия в конкретном случае. В противоположность этому неакцессорная теория утверждает самостоятельность уголовной ответственности каждого участника: соучастник отвечает не за действия исполнителя, а за собственный вклад, образующий признаки преступления в пределах его вины. Здесь исходным является принцип личной ответственности и индивидуализации наказания, что обуславливает необходимость отдельной квалификации деяний каждого соучастника. Обращение к положениям Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет констатировать преобладание акцессорной модели: основания и пределы привлечения соучастников корреспондируют уголовно-правовой оценке деяния исполнителя. Вместе с тем акцессорность в российском праве не носит абсолютного характера. Показателен институт эксцесса исполнителя: выход последнего за пределы договоренности или общего умысла не влечет ответственности соучастников за эти «сверхдоговорные» действия. Такое решение подчеркивает «баланс между зависимостью квалификации от роли исполнителя и сохранением пределов индивидуальной виновности каждого участника» [10, С. 166].

Определяя целевую направленность каждой из рассмотренных концепций, надлежащая уголовно правовая квалификация возможна лишь при опоре на строгую логику и знание особенностей совершения групповых преступлений. Постановка проблемы толкования соучастия требует признания ключевого обстоятельства: высокая сложность понимания и детализированной квалификации данного института. Эта сложность обусловлена тем, что в рамках уголовно правовых споров институт соучастия остается методологически уязвимым сегментом доктрины, где недостаточная проработанность ряда вопросов повышает риск ошибок при правоприменении.

Как уже было отмечено ранее, одним из первых доктринальных определений соучастия считается формулировка А.С. Жиряева, трактовавшего его как объединение нескольких лиц для совершения одного и того же преступления. Н.С. Грудинин предлагал близкий, по сути, подход, понимая соучастие как виновное осуществление единого преступления совместными действиями нескольких лиц. По существу, в дефиниции Н.С. Грудинина уже зафиксированы ключевые признаки, лежащие в основе современного законодательного понятия соучастия: множественность участников, единый преступный результат и совместность, опосредованная общим умыслом [11, С. 72].

Соучастие как уголовно-правовой институт имеет принципиальное значение, поскольку позволяет: идентифицировать объективные и субъективные признаки деяния, совершенного несколькими лицами; очертить круг виновных, а также условия и пределы их ответственности; дифференцировать меры уголовно-правового воздействия с учетом роли и степени участия каждого; обосновать ответственность лиц, не совершивших непосредственного умышленного посягательства, но содействовавших его осуществлению; служить нормативной основой для выделения и оценки форм организованной преступности.

Законодательное определение категории «соучастие в преступлении» содержится в ст. 32 УК РФ. В соответствии с данной нормой речь идет о «совместном умышленном участии двух и более лиц в совершении умышленного деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность» [13]. Примечательно, что в легальной формуле термин «умышленное» используется дважды – как характеристика участия и как признак самого деяния; эта повторная фиксация является осознанным приемом законодателя, подчеркивающим необходимое совпадение умысла участников с умышленным характером преступления.

К.Д. Паламарчук отмечает, что «соучастие – это умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Соучастие характеризуется рядом объективных и субъективных признаков: участие двух или более лиц в совершении преступления, совместная деятельность исполнителей, умысел каждого участника в отношении совершенного преступления, взаимная осведомленность о совместном преступлении и наличие двусторонней субъективной связи между исполнителем и другими соучастниками» [12, С. 469].

Легальная дефиниция соучастия «позволяет вычленить его ключевые объективные и субъективные признаки. К объективным относится участие в совершении преступления не менее двух лиц, действующих совместно, то есть

координируя усилия для достижения общего результата» [14, С. 51]. Субъективная сторона выражается в обязательной умышленной форме вины всех участников: каждый осознаёт характер совершаемого преступления, осведомлён о действиях других и согласует с ними собственное поведение. Именно взаимная информированность и согласованность волевых актов придают совместности требуемое уголовно правовое значение.

Преступления, совершаемые группой лиц, как правило, характеризуются предварительным сговором, при котором участники распределяют функции, что снижает индивидуальные издержки исполнения и повышает эффективность достижения результата. Координация «командных» усилий и четкое закрепление ролей создают у соучастников дополнительную уверенность в успешной реализации замысла и доведении деяния до конца. При таком формате каждый действует по согласованному плану, выполняя предусмотренные «сценарием» задачи, что объективно упрощает осуществление преступления. В итоге достижение преступного результата в условиях распределения ролей оказывается существенно легче, чем при индивидуальном совершении, тем же объемом действий одним лицом.

В действующем УК РФ предусмотрен широкий спектр форм совместной преступной деятельности – порядка десяти разновидностей. В Общей части закреплены четыре базовых типа: группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество. Их ключевые признаки формулируются в ст. 35 УК РФ [13]. Хотя соответствующие дефиниции носят обобщенный характер, по своему назначению нормы Общей части выступают методологической основой и отправной точкой для интерпретации всех групповых форм, конкретизированных впоследствии в Особенной части кодекса.

Уголовный кодекс РФ дифференцирует участников совместного преступления по характеру их объективного вклада, то есть по роли в механизме совершения деяния. В соответствии с этим выделяются следующие категории: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник.

« – Исполнитель – лицо, непосредственно реализующее состав преступления, в том числе совместно с другими (соисполнительство), а равно лицо, действующее посредством использования других лиц, не подлежащих ответственности по основаниям, установленным УК РФ (недостижение возраста, невменяемость и иные предусмотренные законом обстоятельства);

– организатор – лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а также создавшее организованную группу либо преступное сообщество (преступную организацию) или осуществлявшее руководство ими;

– подстрекатель – лицо, склонившее другого к совершению преступления путем уговора, подкупа, угроз, либо иными способами воздействия;

– пособник – лицо, предоставившее содействие в совершении преступления (советы, указания, информация, средства или орудия, устранение препятствий), а также заранее обещавшее скрыть преступника, орудия или следы преступления, предметы преступного происхождения, либо заранее обещавшее их приобретение или сбыть» [14, С. 51-52].

Проблематика форм соучастия традиционно вызывала научные споры. Так, С.Н. Ипатьев трактовал соучастие «как единое деяние нескольких лиц, отличающееся повышенной общественной опасностью, при этом, не разграничивая такие формы, как подстрекательство, пособничество и исполнительство» [1, С. 57]. В противоположность этой позиции большинство исследователей настаивало на дифференциации форм совместной преступной деятельности и предлагало их классификации по различным критериям.

Представляется целесообразным уточнить легальную дефиницию ст. 32 УК РФ путем прямого указания на согласие (сговор) как конструкт соучастия. Это соответствовало бы системной логике кодекса: в ст. 30 УК РФ сговор на совершение преступления (наряду с приисканием соучастников) отнесен к формам приготовления, то есть признан юридически значимым этапом совместной преступной деятельности. В ст. 35 УК РФ законодатель оперирует категорией «группа лиц» применительно к двум и более субъектам и раскрывает четыре базовых типа групповой преступной деятельности: «группа лиц (ч. 1), группа лиц по предварительному сговору (ч. 2), организованная группа (ч. 3), преступное сообщество (преступная организация) (ч. 4)» [13]. В целях большей терминологической ясности возможно переименовать ст. 35 УК РФ в «Виды групп соучастников».

Специфика указанных групп проявляется через совокупность признаков, варьирующих по: «составу ролей (только соисполнители – ч. 1 ст. 35; или распределение ролей: организатор, подстрекатель, пособник вместе с исполнителем); сговору (его наличие и момент формирования); цели (извлечение прямой/косвенной материальной выгоды либо иные мотивы); степени совместности действий при совершении преступления; числу и тяжести охватываемых преступлений; качественным параметрам объединения, а не только количественным. Вместе с тем, общими для всех групп служат ключевые объективные и субъективные признаки: совместное участие в совершении преступления, наличие согласованности (сговора), умысел, а также участие не менее двух субъектов» [18, С. 154].

С учетом этого целесообразна типология групп по двум блокам критериев:

« – по объективным признакам: группа соисполнителей (в теории – простое соучастие); группа с распределением ролей (исполнитель совместно с организатором, подстрекателем, пособником; в теории – сложное соучастие). Ролевые статусы и их содержание закреплены в ст. 33 УК РФ;

– по субъективным признакам (характер и момент сговора): группа по предварительному сговору; группа без предварительного сговора» [13].

Такое разграничение согласуется с конструкцией ст. 35 УК РФ и усиливает методическую определенность при квалификации форм совместной преступной деятельности [18, С. 155].

С.Н. Ипатьев считает необходимым дополнить главу 4 УК РФ статьей следующего содержания: «Субъектом преступления следует признавать лицо, совершившее преступление посредством других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом, а также лицо, которое использовало других

субъектов, подлежащих уголовной ответственности, но по другим статьям настоящего Кодекса» [1, С. 58].

Предлагаемое дополнение, по нашему мнению, обосновано тем, что оно устраняет пробел и унифицирует квалификацию посредственного совершения преступления, обеспечивает справедливую индивидуализацию ответственности фактического инициатора, опирается на признанные доктринальные и сравнительно-правовые модели и снижает коллизии при разграничении соучастия и посредственного причинения.

Р.Б. Тагиров обосновывает целесообразность корректировки ст. 32 УК РФ «с целью закрепления требований к правосубъектности соучастника умышленного преступления (достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость)» [15, С. 234].

Выводы. Таким образом, соучастие – это совместная умышленная деятельность не менее двух лиц при совершении умышленного деяния. Институт характеризуется совокупностью объективных и субъективных признаков: участие двух и более субъектов, согласованное выполнение объективной стороны, умысел каждого на общее преступление, взаимная осведомлённость о совместности и наличие субъективной связи между исполнителем и иными соучастниками.

Значимость института состоит в том, что он обеспечивает привлечение к ответственности не только непосредственных исполнителей, но и организатора, подстрекателя, пособника, чьи действия сами по себе не образуют полный состав. Уголовное право рассматривает соучастие как особую форму преступной деятельности с повышенной общественной опасностью: речь идёт не о простом суммировании усилий, а о качественно ином, координированном способе совершения деяния. Преступления, совершённые совместно, «как правило, более опасны, часто носят организованный характер, затрагивают больше потерпевших и причиняют больший ущерб. Регламентации института посвящена глава 7 УК РФ, а его дефиниция выделена в отдельной статье, что подчёркивает приоритетность его уголовно правового регулирования в борьбе с преступностью» [13].

Список литературы

1. Ипатьев, С.Н. К вопросу об институте соучастия в преступлении / С.Н. Ипатьев // Проблемы общественных наук в России и за рубежом: история и современность. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н.М. Швецова. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 56-59.
2. Басаев, В.А. Эволюция развития института соучастия в уголовном праве России / В.А. Басаев // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – 2012. – № 5. – С. 63-67.
3. Виденькина, Ж.В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: научно-практическое пособие / Ж.В. Виденькина; под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2014. – 136 с

4. Федорова, М.В. Институт соучастия в законодательстве России в X-XVII веках / М.В. Федорова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 77-85.
5. Кузьмин, Ю.А. Актуальные проблемы отечественной криминологии / Ю.А. Кузьмин // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения. Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 2015. – С. 76-80.
6. Петрова, Г.О. Уголовное законодательство о соучастии в преступлении / Г.О. Петрова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 154-156.
7. Спиряева, А.Ю. Правовая природа соучастия в преступлении / А.Ю. Спиряева // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2023. – № 32. – С. 119-127.
8. Маркелов, А.Г. Криминалистическая роль диагностического исследования следов ног человека при определении роста в доказывании по уголовным делам / А.Г. Маркелов, Н.В. Максимов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 145-148.
9. Рарог, А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров. / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2020. – 624 с.
10. Теребилова, К.Е. Соучастие в преступлении: понятие, признаки, значение для квалификации / К.Е. Теребилова // Академическая публицистика. – 2023. – № 3-2. – С. 165-170.
11. Грудинин, Н.С. Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве / Н.С. Грудинин // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 71-74.
12. Паламарчук, К.Д. Соучастие в преступлении: понятие, признаки, значение / К.Д. Паламарчук, Е.С. Казачек // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях. Материалы III Международной научно-практической конференции (Донецк, 25-26 мая 2023 года). – Донецк : ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», 2023. – С. 465-471.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.
14. Абдурахманова, З.А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки, формы и виды / З.А. Абдурахманова // Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета. – Том Выпуск-81/19. – Махачкала, 2019. – С. 51-54.

15. Тагиров, Р.Б. К вопросу о понятии и признаках института соучастия в преступлении / Р.Б. Тагиров, Ю.А. Тимошенко // Закон и право. – 2022. – № 12. – С. 231-235.

УДК 341:343.337

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАТО В КОСОВО

Мироненко С.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: mironenko_2009@mail.ru)

В статье проводится анализ понятий гуманитарная интервенция, вооруженная интервенция в период вооруженной агрессии НАТО в Косово. Акцентируется внимание на том, что мотивы вооруженной интервенции НАТО в Косово не были исключительно гуманитарного характера. Гуманитарная ситуация в Косово существенно ухудшилась как раз в результате вооруженной агрессии НАТО. Это было вызвано многочисленными бомбардировками натовской авиации гражданских объектов, объектов жизнеобеспечения. Сделан вывод о том, что эти факты однозначно свидетельствуют о нарушении государствами – членами НАТО международного гуманитарного права, в частности Женевских конвенций о защите жертв войны. Фактически, государствами – членами НАТО были совершены военные преступления.

Ключевые слова: международное право, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, вооруженная интервенция, военные преступления.

NATO WAR CRIMES IN KOSOVO

Mironenko, S.Yu.

The article analyzes the concepts of humanitarian intervention and armed intervention during the period of NATO's armed aggression in Kosovo. It is emphasized that the motives of NATO's armed intervention in Kosovo were not exclusively humanitarian in nature. The humanitarian situation in Kosovo has deteriorated significantly as a result of NATO's armed aggression. This was caused by the numerous bombings of civilian and life-support facilities by NATO aircraft. It is concluded that these facts unequivocally indicate a violation by NATO member States of international humanitarian law, in particular the Geneva Conventions for the Protection of War Victims. In fact, war crimes have been committed by NATO member states.

Keywords: international law, international humanitarian law, armed conflict, armed intervention, war crimes.

Актуальность темы исследования. Количество вооруженных конфликтов и связанных с ними массовых нарушений прав человека в современном мире не уменьшается. Достаточно распространенными являются сообщения международных организаций о грубых, массовых и систематических нарушениях прав человека в разных регионах мира. Поэтому одной из наиболее актуальных проблем является проблема разработки механизмов предотвращения массовых грубых нарушений прав человека и адекватного реагирования на ситуации, связанные с такими нарушениями. Вооруженная интервенция государств – членов Организации Североатлантического договора (далее – НАТО) в Косово привлекла к себе внимание всего международного сообщества и дала толчок к разворачиванию острой дискуссии как в научных, так и политических кругах. Центральным вопросом было – можно ли считать применение вооруженной силы, осуществленное этим военным блоком без соответствующего разрешения Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – СБ ООН), оправданным ввиду гуманитарных мотивов военной операции? Составлял ли данный случай нарушение международного права?

Анализ научных исследований. Основная заслуга среди отечественных ученых в исследовании проблемы правомерного применения вооруженной силы в международных отношениях принадлежит Г.Н. Даниленко, Б.М. Клименко, Д.Б. Левину, В.И. Кузнецову, В.И. Менжинскому, Э.И. Скакунову, Г.И. Тункину, Н.А. Ушакову, В.Н. Федорову. После окончания «холодной войны» проблематика гуманитарной интервенции начинает рассматриваться также в контексте международно-правовой защиты прав человека. Традиционные вопросы международного гуманитарного права (права войны), военной необходимости, гуманитарной традиции рассматривались в работах ученых: И.Н. Арцибасова, И.П. Блищенко, И.В. Бутрима, Ю.Д. Ильина, И.И. Карпеца, Ю.М. Колосова, В.И. Кузнецова, И.И. Лукашука, Г.И. Мелкова, В.И. Менжинского, А.И. Полторака, В.В. Пустогарова, Г.И. Тункина, В.Ф. Шаврова, А.И. Чучаева и других.

Цель исследования. Целью исследования является анализ понятий гуманитарная интервенция, вооруженная интервенция, военная необходимость, применение вооруженной силы. Анализ вооруженного вторжения государств – участников НАТО на территорию Югославии.

Изложение основного материала. Причины косовского конфликта уходят своими корнями в древность. Между пятым и шестым веками нашей эры Византийская империя обратила в христианство многочисленные племена, жившие на Балканах. В течение следующих столетий этот регион поочередно попадал под правление Византии и Болгарии. И лишь в XII веке Стефану Немани удалось, воспользовавшись временной слабостью Византийской империи, создать самостоятельную Сербскую империю. Наибольший расцвет сербское королевство испытало в период правления Стефана IV Душана, которому удалось создать могущественное государство, завоевав Македонию, Тесалию, Албанию и Епирус. В 1346 г., когда Душана был коронован, Сербия также контролировала несколько византийских и болгарских провинций на юге [1].

Упадок Византийской империи имел своим следствием экспансию Османской империи. Так, в 1389 г. в битве на Косовом поле сербы потерпели поражение от турецкой армии, в результате чего потеряли «сердце» Сербии, колыбель своей культуры, а также политический и религиозный центр. В дальнейшем регион длительное время находился под влиянием Османской империи. В этот период в Косово переселяется большое количество албанцев, которые принимают мусульманство.

Когда Османская империя начинает приходить в упадок на территории вспыхивают антиосманские восстания, которые завершаются признанием в 1830 году сербской автономии. И лишь после Первой Балканской войны в 1912 г. Косово вновь становится составной частью Сербии. После Первой мировой войны в 1918 г. было провозглашено Королевство Сербов, Хорватов и словенцев, а одиннадцать лет спустя государство было названо Югославией.

В период Второй мировой войны, когда Сербия была оккупирована немецкими и итальянскими войсками и преобразована в вассала Албании, на территории Косово опять растет число албанцев.

После прихода к власти маршала Тито и образования Социалистической Союзной Республики Югославия, Косово получает статус автономии. Коммунистическое правительство признает албанцев национальным меньшинством и предоставляет им широкие автономные полномочия: собственную полицию, систему органов правосудия, право обучения на родном языке в школах и в Приштинском университете.

После смерти Тито в 1980 г. среди албанцев усилились националистические настроения, и они начали требовать независимости. В 1981 году в Косово и Македонии вспыхнули антисербские беспорядки. Доля сербов среди населения Косово уменьшается до 20%. В знак протеста в Белграде начинаются демонстрации, которые жестоко подавляются [2].

В 1987 г. президентом Сербии избирают сторонника жесткого курса в отношении Косово – Слободана Милошевича. С этого момента начинается ограничение автономии Косово. В 1989 г. контролируемый сербами парламент Косово принимает внесение изменений в сербскую Конституцию, по которым важнейшие полномочия местного самоуправления делегируются сербскому правительству в Белграде.

Когда сербское правительство распускает парламент Косово в 1990 году, его депутаты провозглашают независимость республики Косово, которую признает только Албания. Несмотря на это в 1992 г. в регионе начинается процесс формирования параллельных правительственных структур. Таким образом образуется своеобразное «теневое государство», президентом которого избирают харизматичного лидера Демократической лиги Косово – поэта Ибрагима Ругову.

После того, как Ругове на конференции в Дейтоне не удается достичь договоренности по мирному решению проблемы Косово, свою деятельность активизирует Армия Освобождения Косово (АОК). Жертвами ее в основном становятся сербские чиновники и полицейские, а иногда – мирные жители, и даже сами албанцы.

23 сентября 1998 г. СБ ООН принимает резолюцию 1199, в которой требует немедленного прекращения огня [3]. Ссылаясь на главу VII Устава ООН Совет Безопасности впервые предостерегает, что обострение ситуации представляет угрозу миру и безопасности в регионе. К сторонам конфликта относилось требование улучшить гуманитарную ситуацию и осуществить ряд других мер. В случае невыполнения требований Совет Безопасности грозит осуществлением дальнейших мер с целью восстановления мира и стабильности в регионе. Число беженцев в это время возрастает до 300 000 человек, из которых около 50 000 вынуждены оставаться под открытым небом.

В течение следующих недель стало ясно, что стороны не желают выполнять требования, а Россия и Китай будут блокировать любую резолюцию, предусматривающую применение силы. В этот момент вмешивается НАТО. Генеральный секретарь этой организации заявляет, что поскольку Федеративная Республика Югославия отказывается выполнять требования СБ ООН, а ситуация в Косово угрожает достичь масштабов гуманитарной катастрофы, НАТО не исключает возможности применения силы. 8 октября 16 государств-членов организации единогласно принимают решение об осуществлении в случае необходимости воздушных ударов по территории Югославии, а 13 октября его подтверждает Совет НАТО. На следующий день Генеральный секретарь также отметил, что такое применение силы с правовой точки зрения было бы допустимым, поскольку Югославия, которая оказалась перед угрозой гуманитарной катастрофы, не выполнила требований предыдущих резолюций, а Совет Безопасности не готов к осуществлению принудительных мер военного характера в отношении Югославии.

Вечером 24 марта НАТО без предварительных консультаций или полномочий СБ ООН начинает вооруженную операцию «Союзная сила», которая длится одиннадцать недель и официально завершается 10 июня 1999 г. Сначала Россия попыталась осудить действия НАТО в соответствующей резолюции СБ ООН, однако ее поддержали только Китай и Намибия. Отношения России с Западом существенно обостряются. Российский парламент требует от президента Б. Ельцина оказать помощь Югославии путем поставки вооружений. Югославия даже подает заявление на вступление в союз России и Белоруссии, надеясь, что в случае ее принятия Россия разместит свои войска на ее территории.

Стратегия НАТО базировалась исключительно на применении авиации. Однако целью бомбардировок были далеко не только военные объекты. Стремясь уничтожить средства связи и инфраструктуру страны, авиация альянса подвергала нападению большое количество гражданских объектов: электростанции, нефтеперерабатывающие заводы, автостроительные предприятия, мосты, телестанцию, а также табачную фабрику. В результате вооруженной агрессии НАТО во многих городах население оказывается без электричества и воды. 3 июня 1999 года в посольство Китая по ошибке попала ракета, в результате чего погибли четыре человека и большое количество получили ранения. Жертвами натовских бомбардировок довольно часто становится мирное население. Всего жертвами авиаударов стали около 500 гражданских лиц. Эти факты однозначно свидетельствуют о нарушении государствами – членами НАТО международного

гуманитарного права, в частности Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и I дополнительного протокола 1977 г. [4, С. 83]. Фактически, государствами – членами НАТО были совершены военные преступления на территории Югославии.

В то время, когда НАТО бомбардирует Югославию, Россия пытается достичь мирного разрешения конфликта. Германия также предлагает свой план мирного урегулирования. Только 6 мая 1999 года в Бонне проходит встреча министров иностранных дел государств Большой восьмерки. Было достигнуто соглашение о том, что в Косово следует разместить международную миротворческую группу, в которую наряду с контингентами государств – членов НАТО войдут также российские подразделения. Инициатива также предусматривала: 1) вывод всех военных, полицейских и других военизированных формирований из Косово; 2) обеспечение возвращения беженцев и перемещенных лиц, а также беспрепятственное оказание гуманитарной помощи; 3) разоружение АОК; 4) содействие экономическому восстановлению региона [5].

Реализация договоренности оказалась перед угрозой, когда 8 мая в китайское посольство попали три управляемые ракеты, в результате чего погибли 4 сотрудника посольства. Россия осудила этот акт, однако подписала договоренность, и даже представила ее китайскому руководству с просьбой поддержать ее в Совете Безопасности. Однако Россия категорически отказалась подчинять свои войска командованию НАТО.

Анализируя мотивы, которыми руководствовалось НАТО, следует отметить, что они, несмотря на официальные заверения, не были исключительно гуманитарными. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что в противном случае НАТО следовало бы осуществить интервенции и в другие страны, где массово грубо и систематически нарушаются права человека. НАТО, однако, этого не сделало. Также в прошлом, как мы видели, никакое вмешательство не характеризовалось исключительно гуманитарной мотивацией. Не убеждает аргумент, что США, как движущая сила НАТО, при осуществлении интервенции руководствовались экономическими соображениями. В отличие от, например, Ирака, Югославия не обладала значительными сырьевыми ресурсами, которые бы могли заинтересовать США.

Вооруженная интервенция НАТО в Косово обусловила далеко неоднозначную реакцию международного сообщества. В целом государства, учитывая их отношение к правомерности интервенции, можно разделить на три группы: 1) сторонники интервенции НАТО; 2) государства, которые не осудили интервенции, но высказали политические или правовые оговорки относительно применения силы; 3) оппоненты или критики интервенции.

Вооруженное вторжение НАТО в Югославию вызвало острую критику международного сообщества. Ведущую и наиболее активную позицию в лагере противников применения вооруженной силы заняла Россия [6, С. 10]. Министр иностранных дел России отметил, что новая стратегическая концепция НАТО и теория гуманитарной интервенции противоречат международному праву, а вооруженная акция против Югославии останется одной из самых трагических страниц истории Европы в конце XX века. Подобную позицию занимал также и российский

министр обороны, предостерегавший даже о возможности возникновения «нового Вьетнама» в Европе. На созванном по инициативе России непосредственно перед началом бомбардировок заседании Совета Безопасности российские представители указывали также на противоправность применения силы, без соответствующего мандата СБ ООН, а также напоминали о субсидиарности Североатлантического договора по отношению к Уставу ООН. Попытки оправдания вооруженных акций необходимостью устранения гуманитарной катастрофы отклонялись со ссылкой на то, что соответствующего правового основания в международном праве не содержится. Гуманитарная интервенция НАТО трактовалась как вооруженная агрессия.

Наряду с Россией, Китаем, Индией против применения вооруженной силы высказались также Куба, Беларусь, Намибия, Иран, Ирак, Ливия, страны «Группы Рио», а также сама Югославия.

Таким образом, реакция международного сообщества на вооруженную интервенцию НАТО была далеко не однозначной. В то время, когда одни государства (прежде всего государства – члены НАТО) высказывались в поддержку гуманитарной интервенции с целью устранения гуманитарной катастрофы в Косово, другие остро ее осудили.

Вооруженная интервенция Североатлантического альянса в Косово дала толчок к развертыванию острой научной дискуссии о правомерности с позиции современного международного права как конкретной военной операции НАТО на территории Югославии, так и гуманитарной интервенции без мандата СБ ООН в целом.

В резолюции 1160 Совет Безопасности осуждает применение силы сербской полицией в отношении участников демонстраций и гражданского населения, а также террористическую деятельность АОК, призывая при этом стороны к мирному разрешению конфликта. В резолюции со ссылкой на главу VII Устава ООН вводится эмбарго на продажу и поставку оружия в Югославию. К югославскому правительству предъявляются также следующие требования: а) начать с контактной группой диалог относительно политического статуса Косово; б) вывести из провинции спецподразделения полиции и прекратить деятельность сил безопасности в отношении гражданского населения; в) открыть в Косово доступы для гуманитарных организаций; г) принять миссию личного представителя ОБСЕ и содействовать миссии Верховного комиссара ООН по правам человека в Косово. На случай, если требования резолюции не будут выполнены и «не будет достигнут конструктивный прогресс в мирном разрешении ситуации в Косово», Совет Безопасности оставляет за собой право «рассмотреть вопрос о принятии дополнительных мер» [7].

Ввиду ухудшения гуманитарной ситуации Совет Безопасности принимает резолюцию 1199, где выражает свою обеспокоенность боями, которые ведутся на территории Югославии, потоками беженцев и перемещенных лиц. Также отмечается, что «ухудшение ситуации в Косово ... представляет угрозу международному миру и безопасности в регионе». Совет безопасности во второй раз ссылается на Главу VII Устава ООН и ставит к сторонам требование прекратить боевые действия, а также требует прекращения огня и мирного разрешения конфликта в Косово. В п. 16 отмечается: «если конкретные меры, предусмотренные настоящей резолюцией и

резолюцией 1160 (1998), не будут приняты, Совет Безопасности рассмотрит дальнейшие шаги и дополнительные меры по поддержанию или восстановлению мира и стабильности в регионе» [3].

Именно последний абзац резолюции стал предметом острых дискуссий. Однако даже вольное толкование не дает основания для того, чтобы сделать вывод, будто в этом тексте содержится уполномочение на применение силы. Такой подход противоречил бы как практике СБ ООН, так и тексту резолюции. К тому же в резолюции отмечается, что решение об осуществлении дальнейших мер будет принято самим Советом Безопасности, а не отдельными государствами – членами ООН. В резолюции отсутствуют также указания на то, что дальнейшие меры будут заключаться именно в применении вооруженной силы.

Следовательно, анализ приведенных резолюции не дает основания сделать вывод об уполномочении Советом Безопасности на осуществление вооруженной интервенции, поскольку в них не содержится ни непосредственного уполномочения на применение вооруженной силы, ни опосредованного уполномочения на осуществление «всех необходимых мер» в случае нарушения требований этих резолюций. Поэтому, по нашему мнению, утверждение о том, что сам факт нарушения требований резолюций создал достаточное основание для применения вооруженной силы со стороны НАТО, является совершенно необоснованным.

Нельзя считать приемлемым и мнение, что установление СБ ООН факта угрозы международному миру и безопасности в указанных выше резолюциях служило достаточным основанием для осуществления вооруженной интервенции с целью устранения гуманитарной катастрофы. Такая позиция противоречит Уставу ООН, по которому само лишь установление факта угрозы международному миру и безопасности не означает автоматического уполномочения на применение вооруженной силы с целью устранения причин такой угрозы. Мандат на применение вооруженной силы должен быть четко указан в соответствующей резолюции и, как показывает практика (а также предусматривает ст. 42 Устава ООН), выдается в случае, если принудительные меры невоенного характера, предусмотренные ст. 41 Устава ООН оказались или могут оказаться неэффективными.

Таким образом резолюции, принятые СБ ООН по ситуации в Косово не содержали мандата на применение вооруженной силы, а потому не могут служить правовой основой вооруженной интервенции НАТО.

Не следует, однако, забывать, что гуманитарная ситуация в Косово существенно ухудшилась как раз в результате вооруженной агрессии НАТО. Это было вызвано многочисленными бомбардировками натовской авиации гражданских объектов, объектов жизнеобеспечения. Так, если в начале вооруженного вторжения НАТО в Югославию количество беженцев составляло около четверти миллиона, то после окончания вооруженного конфликта эта цифра достигла 1,4 миллиона. Об этом свидетельствуют не только цифры, но и резолюции Совета Безопасности. Так, если в резолюциях 1199 и 1203 речь идет об угрозе гуманитарной катастрофы, то в резолюции 1244, которая была принята после окончания авиаударов, констатируется ее наличие. К тому же, опасаясь мести албанцев, Косово вынуждены были покинуть около 120.000 сербов и 90.000 цыган, а те 80.000, которые остались, неоднократно

становились объектами нападений албанцев. Поэтому можно согласиться с утверждением, что именно вмешательство НАТО обострило гуманитарный кризис [8].

В контексте правового статуса беженцев, международные соглашения, такие как Конвенция ООН о правовом статусе беженца и Европейская Конвенция о гражданстве, играют ключевую роль. Они задают рамки для защиты прав беженцев и упрощения процедур получения ими гражданства в странах пребывания. Однако, реализовать эти рекомендации на практике далеко не всегда удается, и охватывающие нормы для лиц, ищущих защиту, варьируются от страны к стране [9, С. 113].

Выводы. Таким образом, гуманитарная интервенция без мандата СБ ООН противоречит принципу запрета применения силы или угрозы силой, закрепленному в п. 4 ст. 2 Устава ООН, поскольку последний имеет общий характер и охватывает любое применение силы, независимо от продолжительности, интенсивности и намерений. Это подтверждает буквальное, системное и телеологическое толкование этого положения. Неавторизованная гуманитарная интервенция не может быть оправдана также в рамках исключений, предусмотренных Уставом ООН. Гуманитарная интервенция без мандата СБ ООН не может быть оправдана в рамках института крайней необходимости, поскольку нарушение императивных норм международного права неизбежно влечет за собой международно-правовую ответственность.

Мотивы вооруженной интервенции НАТО в Косово не были исключительно гуманитарного характера. Гуманитарная ситуация в Косово существенно ухудшилась как раз в результате вооруженной агрессии НАТО. Это было вызвано многочисленными бомбардировками натовской авиации гражданских объектов, объектов жизнеобеспечения. Эти факты однозначно свидетельствуют о нарушении государствами – членами НАТО международного гуманитарного права, в частности Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и I дополнительного протокола 1977 г. Фактически, государствами – членами НАТО были совершены военные преступления.

Список литературы

1. Черных, Т.Г. Авторитет, амбициозность, доброта: образ царя Стефана Душана Сильного в сербских нарративных памятниках XX–XXI вв. / Т.Г. Черных // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 6 (24). – С. 22.
2. Эчимович, М. Особенности албанского сепаратизма в Косово и Метохии / М. Эчимович, С. Шчекич, М. Брайович // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 2. – С. 12-22.
3. Резолюция СБ ООН 1199 (1998) / принята Советом Безопасности на его 3930-м заседании 23 сентября 1998 года. – URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1199\(1998\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1199(1998)) – (дата обращения: 25.10.2025).
4. Челлини, К.Г. Формирование концепции внешней политики США после конфликта вокруг Косово (Обзор публикаций в журнале «Foreign affairs») /

К.Г. Челлини // Мир после Косово: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. – М., 2001. – С.82-95.

5. Принципы, которых необходимо достичь для содействия урегулированию кризиса в Косово / Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/2560094/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/?ysclid=mhd2fmeugg830279855> – (дата обращения: 27.10.2025).
6. Жирнов, О.А. «Гуманитарная интервенция» НАТО в Косово и ее последствия для мирового сообщества: Взгляд из России. (Обзор) / О.А. Жирнов // Мир после Косово: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. – М., 2001. – С. 8-41.
7. Резолюция СБ ООН 1160 (1998), принята Советом Безопасности на его 3868-м заседании, 31 марта 1998 года. – URL: <https://hrlibrary.umn.edu/resolutions/SC98/R1160SC98.html> – (дата обращения: 27.10.2025).
8. Энгельгардт, Г. Югославский сценарий / Г. Энгельгардт // Историк. – 2024. – № 112. – URL: <https://историк.рф/journal/post/7248> – (дата обращения: 29.10.2025).
9. Лобов, Д.В. Некоторые организационно-правовые вопросы адаптации интеграции беженцев / Д.В. Лобов, А.А. Николаев // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 2 (4). – С. 112-119.

УДК 342.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ «ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА»

Охременко С.И., кандидат технических наук, доцент, директор института развития студенческих инициатив, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: sveta_okhremenko@mail.ru)

Заремба П.А., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: pavelz09@gmail.com)

В данной работе рассматриваются вопросы включения в образовательные программы юридических вузов как теоретических, так и практико-ориентированных курсов, которые предполагают решение задач, основанных на реальных примерах из сферы цифрового правосудия. Отмечена необходимость участия специалистов, а также экспертов из соответствующих профессиональных объединений в образовательном процессе для повышения его актуальности и практической направленности. Предусмотрено активное использование дистанционных обучающих платформ и инновационных образовательных технологий, а также организацию обмена опытом с ведущими российскими и зарубежными IT-компаниями. Особое внимание уделяется созданию условий для непрерывного профессионального образования сотрудников системы юстиции за счет предоставления им доступа к современным научным изданиям, специализированным онлайн-ресурсам и аналитическим информационным системам в области цифрового права.

Ключевые слова: цифровое правосудие, образовательный процесс, обучающая платформа, инновационные технологии, IT-компания, цифровое право.

DIGITAL TRANSFORMATION AND THE FORMATION OF NEW PROFESSIONAL COMPETENCIES OF YOUNG PROFESSIONALS IN THE FIELD OF LAW IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE «DIGITAL STATE»

Ohremenko, S.I., Zarembo, P.A.

This paper examines the issues of including both theoretical and practice-

oriented courses in the educational programs of law schools, which involve solving problems based on real examples from the field of digital justice. The need for the participation of specialists, as well as experts from relevant professional associations, in the educational process was noted in order to increase its relevance and practical orientation. It provides for the active use of distance learning platforms and innovative educational technologies, as well as the organization of experience exchange with leading Russian and foreign IT companies. Special attention is paid to creating conditions for continuous professional education of employees of the justice system by providing them with access to modern scientific publications, specialized online resources and analytical information systems in the field of digital law.

Keywords: *digital justice, educational process, learning platform, innovative technologies, IT company, digital law.*

Актуальность темы исследования. В условиях ускоряющейся цифровизации всех сфер государственного управления возрастает актуальность выявления основных факторов, определяющих успех перехода к «цифровому государству» президент РФ В.В. Путин в основной дискуссии конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey (AI Journey 2020) на тему «Искусственный интеллект – главная технология XXI века» определил задачу на ближайший период: «В наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, всей России, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных» [1].

Аналитический обзор литературы и практики функционирования государственных институтов [2] позволяет выделить ряд приоритетных вызовов:

– Перестройка правовых механизмов с учетом появления новых видов правоотношений, формируемых в онлайн-среде. Примером служит юридическая квалификация «интеллектуальных агентов», определение статуса криптоактивов, правового режима электронных документов.

– Рост значимости проблематики кибербезопасности и защиты данных граждан, в том числе персональных и биометрических идентификаторов. Согласно статистике Национального центра кибербезопасности (2021), количество инцидентов, связанных с утечкой данных в правовой сфере, увеличилось на 27% за 2020-2021 гг. [3].

– Необходимость автоматизации и повышения эффективности выполнения стандартных процедур посредством внедрения специализированного программного обеспечения и смарт-контрактов.

– Формирование и поддержание высокого уровня цифровой компетентности у государственных служащих на всех стадиях реализации юрисдикционных процедур; дефицит кадров с компетенциями в области цифрового права и технологий.

Анализ научных исследований. Вопросам, касающимся модернизации образования и формирования компетенций юристов посвящены исследования Б.А. Бальжиева, А.А. Воронова, Е.П. Головиной, Е.Г. Иншаковой,

Л.П. Климович, Г.В. Кубиц, Н.Г. Логиновой, И.М. Максимовой, Л.Д. Микулиной, Е.В. Наумовой, Е.И. Сидориной, Н.И. Улендеевой, Т.Я. Четверниной, И.А. Шашковой, Ф.Т. Шишкина, Е.С. Шукаевой, и др.

Целью проведенного анализа является выявление основных вызовов цифровой трансформации, стоящих перед судебными и иными органами юстиции, а также определение перечня ключевых знаний, навыков и профессиональных компетенций, необходимых молодым юристам для результативного осуществления деятельности в современной цифровой среде.

Изложение основного материала. Современная доктрина «цифрового государства» подразумевает системное использование информационных технологий с целью повышения эффективности управления, оптимизации процессов предоставления государственных услуг, обеспечения транспарентности, а также укрепления подотчетности государственных органов перед обществом.

К стратегическим целям цифровой трансформации относят, в частности: сокращение времени на обработку обращений граждан, повышение открытости и доступности информации, минимизацию рисков коррупции и т.д.

Органы юстиции рассматриваются одним из ключевых институтов правовой системы, обеспечивающих соблюдение законности, защиту прав и свобод граждан, формирование и развитие нормативной базы цифровой экономики [4].

Особо отмечается роль юстиции в создании механизмов противодействия киберугрозам, обработке и анализе цифровых доказательств, а также поддержании стабильности электронного правового поля [5].

В рамках цифрового государства центральным становится вопрос адаптации процессов правоприменения к новым формам юридически значимых взаимодействий, возникающих в условиях цифровизации.

За последние годы отрасль юридических услуг подверглась ускоренным трансформациям, что привело к пересмотру ранее доминировавших традиционных схем работы. Изменения затронули систему профессиональных контактов среди представителей юридического сообщества, процедуры взаимодействия с клиентами и организацию юридических консультаций, а также методы экспертизы. В результате наблюдается трансформация механизмов управления юридическим бизнесом [6].

Возникает сдвиг от преимущественно рутинных операционных задач к аналитическим, консультативным и экспертным функциям, требующим навыков интеллектуальной обработки больших массивов данных, работы с автоматизированными системами документооборота, использования средств искусственного интеллекта (AI – Artificial Intelligence) и машинного обучения при подготовке правовых заключений.

Автоматизация простых правоприменительных процедур, согласно заявлению Европейского технологического лидера Accenture Plc, потенциально позволяет высвободить до 40% рабочего времени специалиста, что создает предпосылки для перехода к более сложным и творческим задачам в правовой

сфере [7].

На основании экспертных оценок и анализа образовательных стандартов были выделены следующие группы компетенций: базовая технологическая подготовка, включающая знакомство с архитектурой информационных систем, понимание механизмов функционирования технологий искусственного интеллекта, гаджетов для электронного документооборота, специфику блокчейн-реестров и кибербезопасности [8].

«Адвокатская газета» в 2018 году провела исследование с целью выяснения степени IT-грамотности в профессии и потребности в конкретных legaltech-продуктах. Согласно обобщенной статистике, в опросе принимали участие 1534 адвоката, 177 юристов, 46 стажеров или помощников адвоката, а также 20 партнеров в юридической фирме или адвокатском образовании – всего 1799 человек. Были получены следующие результаты: отметили необходимость IT-грамотности в автоматизации работы с документами – 46,97%, необходимость интегрированной системы управления юридической практикой – 45,86%, необходимость в системе для контроля судебных заседаний – 41,02%, необходимость для учета времени и выставления счетов доверителям – 24,01%, все, что нужно уже есть – 22,01%, другое – 2,56%. Эксперты отметили, что в целом результаты опроса оказались схожими с той картиной, которая представлялась в юридическом сообществе [9].

Однако, согласно опросу Российской академии народного хозяйства, в 2023 г., уже 62% молодых юристов считают знание принципов работы цифровых платформ необходимым для профессионального роста.

Обобщая результаты исследований, приведенных в экспертно-аналитическом докладе «Тенденции развития ESG-образования в России» (2023 г.), можно сделать вывод, что для развития компетенций, необходимых для решения правовых проблем, необходимо следующее:

- Повышать аналитические способности: умение обрабатывать Big Data, осуществлять статистическую обработку и визуализацию информации, выявлять тренды для формирования доказательной базы.

- Развивать компетенции программирования на базовом уровне, обеспечивающие способность самостоятельно создавать и применять алгоритмы автоматизации рутинных процедур, обработки электронных правовых массивов.

- Приобретать навыки управления проектной деятельностью: умение планировать временные и ресурсные затраты, координировать командную работу при внедрении цифровых решений, осуществлять контроль показателей эффективности (KPI).

- Развивать коммуникативные умения, обеспечивающие эффективное междисциплинарное взаимодействие (юристы-IT-специалисты-представители бизнеса) в ходе реализации проектов цифровизации.

- Применять инновационное и креативное мышление – способность разрабатывать нестандартные сценарии разрешения правовых коллизий, возникающих при внедрении и применении новых технологий.

- Решить вопросы цифровой профессиональной этики.

Управление проектами используется практически во всех отраслях деятельности человека. Последнее время организации юридического профиля все чаще привлекают менеджеров проектов, понимая важность наличия у них профессиональных управленческих навыков. Юридические компании не хотят рисковать, а потому стремятся обеспечить гарантии в области успехов своих проектов. Для предварительной проработки возможных вариантов решения задачи часто применяются технологии цифрового моделирования, что объясняется следующими обстоятельствами: модель проще и доступнее для исследования, чем реальный объект, применение модели предоставляет возможность прогнозирования последствий реализации воздействий на объект [10].

Особое внимание уделяется разработке и соблюдению этических регламентов использования AI-ответственности за последствия алгоритмического правоприменения, обеспечению сохранности конституционно гарантированных прав при цифровой обработке данных [11].

На текущий момент преобладающее число российских высших учебных заведений преимущественно применяют классические педагогические подходы, эффективность которых в формировании профессиональных умений у юристов для взаимодействия с современными цифровыми технологиями остается низкой. В результате значительная доля выпускников юридических вузов демонстрирует ограниченный уровень компетенций, необходимых для функционирования в условиях цифровой трансформации. В определенной степени это является результатом отсутствия достаточных технологических ресурсов, не обеспечены соответствующей инфраструктурой для целесообразного внедрения цифровых инструментов в образовательный процесс [12].

В современных условиях в сфере высшего образования происходят значительные трансформации, что детерминирует важность исследования вопросов, связанных с обеспечением высокого уровня качества профессиональной подготовки специалистов-юристов.

Достижение необходимой профессиональной квалификации для будущих юристов рассматривается как реализуемое посредством применения современных инновационных методов к индивидуальной организации образовательного процесса студентов юридических вузов, ориентированных на применение принципов компетентностного подхода.

В ряде исследований подчеркивается целесообразность перехода от традиционной модели обучения к компетентностной парадигме, согласно которой основной задачей образовательной организации становится не только передача образовательной информации, но и развитие у студентов широкого спектра профессиональных и универсальных компетенций.

Основная задача подготовки юристов при использовании компетентностного подхода заключается в формировании условий, способствующих приобретению обучающимися практического опыта, необходимого для самостоятельного решения ряда профессиональных задач, таких как организация, познание, коммуникация, а также развитие этических и

других личностных качеств, интегрированных в содержание высшего юридического образования.

Оценка уровня качества сформированности компетенций выпускников юридических факультетов в современных условиях связана с необходимостью актуализации как общей, так и профессиональной культуры личности будущего юриста, а также с развитием их нравственной активности, что соответствует стандартам компетентностного подхода.

На сегодняшний день в научной литературе отмечается тенденция к снижению начального уровня образовательной подготовки у поступающих в высшие учебные заведения, являющихся выпускниками общеобразовательных организаций. Указанный феномен рассматривается как следствие действующих социально-экономических трансформаций, протекающих в структуре современного общества. В связи с этим отмечается возрастающая актуальность индивидуализации образовательного процесса с целью обеспечения перехода к современному образованию, характеризующемуся ориентацией на индивидуальные особенности каждого обучающегося [13].

Одним из ключевых направлений совершенствования высшего образования в РФ в сфере юриспруденции признано реформирование существующих образовательных программ: введение курсов, посвящённых цифровому праву, Big Data, технологии блокчейн и вопросам обеспечения информационной безопасности, что становится обязательным элементом карьерного развития будущих и действующих юристов.

Согласно проекту стратегии цифровой трансформации, в области науки и высшего образования, подготовленному Министерством образования и науки Российской Федерации, был предложен ряд мер, направленных на совершенствование образовательного процесса и профессионального развития кадров.

В частности, предусматривается включение в образовательные программы как теоретических, так и практико-ориентированных курсов, которые предполагают решение задач, основанных на реальных примерах из сферы цифрового правосудия.

Отмечена необходимость участия специалистов с практическим опытом из сектора информационных технологий, а также экспертов из соответствующих профессиональных объединений в образовательном процессе для повышения его актуальности и практической направленности.

Запланировано создание многоуровневой системы дополнительного профессионального образования и переподготовки сотрудников судебных и иных органов юстиции, нацеленной на формирование и развитие цифровых компетенций, необходимых для эффективной деятельности в условиях цифровизации.

Для расширения возможностей получения образования специалистами из различных регионов предполагается активное использование дистанционных обучающих платформ и инновационных образовательных технологий, что должно повысить доступность профессионального роста.

Стратегией предусмотрено внедрение программ стажировок, а также организацию обмена опытом с ведущими российскими и зарубежными IT-компаниями и специализированными исследовательскими институтами, что позволит усилить практическую составляющую обучения.

Особое внимание уделяется созданию условий для непрерывного профессионального образования сотрудников системы юстиции за счет предоставления им доступа к современным научным изданиям, специализированным онлайн-ресурсам и аналитическим информационным системам в области цифрового права.

Поддержка участия работников в профессиональных мероприятиях, таких как конференции, вебинары, форумы, касающиеся процессов цифровой трансформации, признана приоритетной для увеличения вовлеченности в современные тенденции отрасли.

Планируется внедрение института наставничества, в рамках которого опытные специалисты с сформированными цифровыми навыками будут направлять и консультировать менее опытных коллег, способствуя эффективному обмену знаниями и развитию кадрового потенциала.

Разрабатываются прозрачные и объективные процедуры сертификации цифровых умений сотрудников, которые предполагают использование результатов оценивания при продвижении по службе, а также ввод механизмов материального и нематериального поощрения за освоение и внедрение инновационных цифровых инструментов и технологий в профессиональную практику [14].

Анализ изменений в области внедрения инновационных технологий и трансформаций профессиональной деятельности у представителей так называемых «новых юристов» позволяет предполагать, что структура спроса и предложения специалистов в юридической отрасли на международных рынках труда будет подвергаться трансформациям. Согласно прогнозным оценкам, представленным Юридическим профессиональным сообществом Великобритании (Law Society) к концу 2025 г. ожидается уменьшение объема занятости в сфере юридических услуг приблизительно на 20% [15].

В «Концепции развития цифровой экономики Российской Федерации» предлагается реализовать ряд мер, направленных на обеспечение эффективного функционирования инновационной экосистемы [16]:

- Разработка и реализация целевых государственных программ, направленных на поддержку цифрового образования и повышение квалификации специалистов

- Создание профильных центров компетенций по цифровому праву и технологиям при крупных институтах юстиции.

- Поддержка научно-исследовательских и экспериментальных проектов, инициированных в сотрудничестве с образовательными организациями и бизнес-структурами.

- Мотивация и интенсификация международного обмена опытом в сфере цифровой трансформации, участие в специализированных рабочих группах и

сетевых проектах.

Внедрение процессов цифровой трансформации играет ключевую роль в формировании профессиональных компетенций юристов для функционирования в условиях современной среды. Эффективное продолжение данного направления требует устранения выявленных ранее барьеров, среди которых выделяется дефицит педагогических кадров, обладающих компетентностью в цифровых технологиях, а также ограниченный доступ студентов к соответствующим инструментам, обусловленный как объективными, так и субъективными факторами [17].

Выводы. Таким образом, развитие и поддержка системы профессиональных цифровых компетенций, адаптированной к вызовам цифровой эпохи, рассматриваются как необходимое условие эффективности деятельности органов юстиции в новом информационном контексте.

Интеграция усилий со стороны государства, профильных образовательных структур, юридического и IT-сообщества позволит ускорить процесс формирования устойчивой профессиональной среды, способной не только реагировать на современные вызовы, но и способствовать успешному развитию цифрового государства.

Молодые специалисты юридического профиля, обладающие комплексом современных знаний и практических навыков, имеют потенциал внести существенный вклад в формирование инновационной, эффективной и конкурентоспособной правовой системы на национальном и международном уровнях.

Список литературы

1. Искусственный интеллект – главная технология XXI века. Artificial Intelligence Journey (AI Journey 2020). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> – (дата обращения: 25.05.2025).
2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) 2023. – URL: <http://government.ru/departments/456/events/> – (дата обращения: 25.05.2025).
3. Аналитический отчет Цифровизация и кибербезопасность / Экспертно-Аналитический центр InfoWatch. 2021 /. – URL: <https://media.rbc.ru/media/reports/141101.pdf> – (дата обращения: 25.05.2025).
4. Иншакова, Е.Г. Юридическая защита прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений: проблемы понимания и основные черты / Е.Г. Иншакова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2. – С.164-175.
5. Кибербезопасность: организационно-правовые механизмы противодействия угрозам в цифровом пространстве. Материалы «Круглого стола» Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 24 декабря 2024 г. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/163981/> – (дата обращения: 25.05.2025).

6. Четвернина, Т.Я. Профессия юриста: основные векторы изменений в период цифровой трансформации / Т.Я. Четвернина, А.В. Четвернина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 120–129.
7. Искусственный интеллект может высвободить около 40% рабочего времени в разных отраслях. – URL: <https://ao-journal.ru/iskusstvenniy-intellekt-mozhet-visvobodit-okolo-40-rabochego-vremeni-v-raznikh-otraslyakh?ysclid=mb27qpy5au525817853>. – (дата обращения: 25.05.2025).
8. ГОСТ Р 7.0.103-2018. – URL: <https://meganorm.ru/Data/709/70909.pdf?ysclid=mb27zg72cf40559686> – (дата обращения: 25.05.2025).
9. Эксперты прокомментировали результаты опроса «Адвокатской газеты» об использовании юристами IT-технологий. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokommentirovali-rezultaty-oprosa-ag-ob-ispolzovanii-yuristami-it-tehnologiy/oprosa-ag-ob-ispolzovanii-yuristami-it-tehnologiy/> – (дата обращения: 25.05.2025).
10. Заремба, П.А. Менеджмент и право / П.А. Заремба // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: сборник научных трудов. – Донецк : ДЮА. – 2020. – № 15. – С. 67-74.
11. Тенденции развития ESG-образования в России. Экспертно-аналитический доклад. Выпуск второй (2023) – URL: https://mgimo.ru/upload/2023/10/xv-risa-esg-education-trends.pdf?utm_source=docviewer.yandex.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=docviewer.yandex.ru&utm_referrer=docviewer.yandex.ru – (дата обращения: 25.05.2025).
12. Максимова, И.М. Цифровизация юридического образования: теоретический аспект / И.М. Максимова // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – № 18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-yuridicheskogo-obrazovaniya-teoreticheskiy-aspekt> – (дата обращения: 20.03.2023).
13. Заремба, П.А. Компетентностный подход в высшем образовании по направлению подготовки «юриспруденция» / П.А. Заремба, С.И. Охременко // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : материалы V международной научно-практической конференции / ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия». – Донецк, 2021. – С. 144-152.
14. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (утв. Минобрнауки России, 2021 г.) – URL: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/12.pdf> – (дата обращения: 25.05.2025).
15. Key directions in legal education. National and international perspectives. – London : New York : Routledge, 2020. – P. 66. – URL: <https://www.routledge.com/Key-Directions-in-Legal-Education-National-and-International-Perspectives/Jones-Cownie/p/book/9781032175041> – (дата обращения: 25.05.2025).
16. Концепция развития цифровой экономики России (2017 г.) – URL: <http://fidp.ru/projects/concept?ysclid=mb2bg587wq159771225> – (дата

обращения: 25.05.2025).

17. Шашкова, И.А. Особенности цифровой трансформации юридического образования как одно из конституционных прав человека на образование / И.А. Шашкова // Материалы I Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов. Трансформация права в информационном обществе. Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (Екатеринбург). 2019 г. – С. 64-68.

УДК 342.553(075), 352.075

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК УРОВНЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ, НАИБОЛЕЕ ПРИБЛИЖЕННОГО К НАСЕЛЕНИЮ

Сиренко Б.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Донецк)

(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

Стрельцова Н.Л., кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Донецк)

(e-mail: dnkc22@gmail.com)

Авторами рассматривается роль и значение органов местного самоуправления в контексте построения демократического общества и эффективного управления на местах. Авторы также акцентируют внимание на том, что местное самоуправление является неотъемлемой частью публичной власти, обеспечивая связь между государством и гражданами. Проведен анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов местного самоуправления. Определено, что органы местного самоуправления находятся в непосредственной близости к гражданам, что позволяет более эффективно учитывать их потребности и интересы, что в свою очередь, делает местное самоуправление важным инструментом для реализации принципов демократического управления.

Ключевые слова: *публичная власть, народ, местное самоуправление, муниципальные образования, государство.*

THE LEGAL STATUS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AS THE LEVEL OF PUBLIC AUTHORITY CLOSEST TO THE POPULATION

Sirenko, B.N., Strelcova, N.L.

The author examines the role and importance of local governments in the context of building a democratic society and effective local governance. The author also emphasizes that local self-government is an integral part of public authority, providing a link between the state and citizens. The analysis of regulatory legal acts regulating the activities of local self-government bodies is carried out. It is determined that local governments are located in close proximity to citizens, which makes it possible to more effectively take into account their needs and interests, which in turn makes local

government an important tool for implementing the principles of democratic governance.

Keywords: *public authority, people, local government, municipalities, state.*

В настоящее время в Российской Федерации (далее – РФ, Россия, Российская Федерация) принципы построения унифицированной системы публичной власти нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция, Конституция РФ), в соответствии с которой Президент Российской Федерации (далее – Президент, Президент РФ) несет ответственность за обеспечение слаженной работы этой системы.

Однако, четкого определения института публичной власти в действующем законодательстве Российской Федерации, по состоянию на сегодня, нет. Тем не менее, указанное понятие широко используется в научных исследованиях и стало особенно актуальным после принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1].

Термин «публичная власть» не только фигурирует в названии закона, но и введен в текст Конституции РФ, что придает ему нормативную значимость (ч. 1 ст. 67; п. «г» ст. 71; ч. 2 ст. 80; п. «е.5» ст. 83; ч. 3 ст. 131; ч. 3 ст. 132 Конституции РФ) [2].

В то же время, Конституция также определяет, что в состав единой системы публичной власти входят не только органы государственной власти, но и органы местного самоуправления, а их совместные усилия непосредственно направлены на разрешение актуальных задач, связанных с надлежащим уровнем жизнеобеспечения общества в целом.

Местное самоуправление в Российской Федерации признается формой осуществления народом своей власти, обеспечивающей самостоятельное решение населением вопросов местного значения. При этом, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, однако осуществляют публичные функции, направленные на удовлетворение потребностей населения. Правовое положение органов местного самоуправления определяется Конституцией, федеральными законами, законами субъектов и уставами муниципальных образований. К таким органам относятся: представительные органы муниципальных образований, главы муниципальных образований и исполнительно-распорядительные органы (администрации).

Актуальность изучения темы настоящего исследования обусловлена несколькими факторами, среди которых:

– органы местного самоуправления находятся в непосредственной близости к населению, разрешая повседневные проблемы жителей государства, что, в свою очередь, представляет особую ответственность перед гражданами и необходимость четкого правового регулирования их полномочий и функций;

– от эффективности деятельности органов местного самоуправления зависит повышение качества жизни населения, усовершенствование инфраструктуры и социальной сферы, а обоснованное нормативное регулирование позволяет, в свою очередь, избежать дублирования функций, оптимизировать расходы государственного бюджета и повысить «прозрачность» принятия решений;

– местное самоуправление обеспечивает непосредственное участие граждан в управлении делами общества, что повышает уровень доверия к власти и укрепляет основы правового демократического государства.

Таким образом, рассмотрение правового положения органов местного самоуправления актуально не только с теоретической точки зрения, но и с практической стороны, поскольку с помощью указанного правового института совершенствуются механизмы реализации публичной власти на местном уровне и повышается качество жизни населения в целом.

Цель исследования заключается в комплексном анализе правового положения органов местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению.

Методы исследования. Методологической основой работы выступают в частности: формально-логический, обобщение, моделирование, методы сравнительного анализа отечественных источников по теме исследования и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде чем перейти непосредственно к раскрытию темы настоящего исследования, считаем необходимым проанализировать понятие «публичная власть» как таковое.

Так, термин «публичная власть», который введен Конституцией Российской Федерации не является чем-то новым для юридической науки, в свою очередь, сам термин «публичный» происходит от латинского «publicus» и означает «общественный» [3, С.170].

Отметим, что концепция публичной власти, которой принадлежит центральная роль в современной теории государства и права, развивалась постепенно, а не возникла мгновенно и ее истоки уходят вглубь истории, к тому времени, когда человеческое общество осознало необходимость в структурировании и руководстве.

Представим генезис публичной власти как конституционно-правовой категории в виде табл. 1.1.

Таблица 1

Генезис публичной власти как конституционно-правовой категории

Этап	Описание
Ранние проявления публичной власти	можно обнаружить в родовых и племенных общинах, где старейшины и вожди пользовались влиянием и полномочиями,

	опиравшимися на традиции, обычаи и религиозные убеждения
Древние цивилизации (Древний Египет, Месопотамия и Древняя Греция)	появились первые государства с централизованной властью, осуществляемой фараонами, царями и императорами и тем самым такая власть уже не была исключительно персональной, она опиралась на законы, установленные правителями и их аппаратом;
Средние века	публичная власть оказалась децентрализована и распределена между феодалами, церковью и городами, однако с развитием торговли и ростом городов начала формироваться идея суверенитета, которая впоследствии легла в основу современных государств;
Эпоха Ренессанса и Просвещения	ряд мыслителей, среди которых Жан-Жак Руссо, Джон Локк и Шарль Монтескье создали теории общественного договора и разделения властей, что оказало существенное влияние на формирование современных представлений о публичной власти. Они обосновали важность ограничения государственной власти и защиты прав и свобод граждан;
Настоящее время	Современное понимание публичной власти охватывает не только государственную власть, но и власть местного самоуправления, а также различные формы общественного контроля и участия граждан в управлении государственными делами. Публичная власть должна осуществляться в соответствии с законом, быть ответственной перед обществом и гарантировать защиту прав и свобод человека

Рассмотрев основные этапы становления публичной власти, далее считаем целесообразным представить ее определение, по существу.

Так, представители научного сообщества раскрывают понятие «публичная власть» посредством проявления совместной жизнедеятельности, а также через волевое отношение между людьми, выработку их коллективной воли.

Публичная власть как правовой институт, основывается в тех местах, где возникает необходимость нормативного регулирования отношений, установления общих правил проживания различных слоев населения на определенной территории.

Социальный аспект публичной власти, по мнению Л.Л. Попова: «обусловлен потребностью общества в совместной организации деятельности людей» [4, С. 68].

Исследователь Т.Н. Радько утверждает: «что только в масштабах общества власть публичная приобретает черты политической власти» [5, С. 72].

В свою очередь В.Е. Чиркин придерживался несколько с иной точки зрения и подходил к сути и содержанию понятия «публичная власть», с другой стороны и рассматривал ее: «как систему публично-правового образования. Выстраивая свою концепцию, Вениамин Евгеньевич выделял виды публично-правового образования: государство, субъект федерации, территориальная автономия, муниципальное образование, родовая община коренного малочисленного народа и др.» [6, С.19].

С.А. Авакьян же «раскрывал суть термина «публичная власть» через воплощение народовластия в России как политическую власть, представленную тремя ее институтами (разновидностями): государственная власть, власть местного самоуправления и общественную власть» [7].

По мнению С.И. Вершининой: «общественной или публичной властью является та власть в государстве, источником которой выступает население, народ, общество. Характер публичности ей придает «сама способность властвовать» как «результат консолидации отдельных полномочий каждого члена общества и передачи их новому публичному субъекту» [8, С.10].

Народ, общество или его часть, выражая свою волю, создает публичный субъект, наделяет его предметами ведения и передает ему часть своих полномочий на решение общественно значимых вопросов. Сам народ, население выступают составной частью публичной власти, субъектом, делегирующим свои полномочия. Он же выступает объектом, на который направлена публичная власть».

При этом, нельзя не отметить весьма противоречивый вывод С.И. Вершининой о том, что публичная власть «для человека – вынужденная необходимость, с которой он должен мириться. Поэтому, общество в лице каждого отдельного его члена всегда будет противостоять любому виду публичной власти и терпеть власть в той мере, в какой это необходимо для обеспечения реализации собственных, субъективных прав и интересов».

Между тем, ни Конституция Российской Федерации, ни Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных

вопросов организации и функционирования публичной власти» не раскрывают понятия «публичная власть».

Таким образом, представляется возможность сделать вывод, что с вступлением в силу вышеуказанного нормативного акта, сформировался новый социально-политический феномен – публичная власть.

Непосредственно под публичной властью в Российской Федерации понимается единая система органов (федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, а также вся совокупность органов местного самоуправления).

Кроме того, правовая категория «публичная власть» обладает рядом существенных признаков, позволяющих выявить ее особенности и на их основе выработать (предложить) меры, направленные на эффективность ее функционирования в современном обществе.

Так представим признаки публичной власти в виде табл. 2.

Таблица 2

Признаки публичной власти

Признак	Характеристика
Законность	Публичная власть в РФ основывается на конституции и законах. Все действия органов власти должны быть законными и соответствовать нормам права, что обеспечивает защиту прав и свобод граждан
Разделение власти	Власть в России делится на три ветви: – исполнительная (Правительство, министерства); – законодательная (Федеральное Собрание – Государственная Дума и Совет Федерации); – судебная (суды различной юрисдикции). Каждая ветвь власти имеет свои полномочия и независима в рамках своих функций, что позволяет избежать концентрации власти в одном центре
Публичность и открытость	Органы публичной власти обязаны быть «прозрачными» в своей деятельности, что предполагает доступ граждан к информации о

	решениях и действиях власти. Это признается важным условием для осуществления контроля со стороны общества
Ограниченность полномочий	Публичная власть ограничена в своих полномочиях правами граждан и законами, которые защищают интересы общества и отдельных лиц. Это предотвращает произвол со стороны власти
Представительность	Публичная власть должна отражать интересы и волю граждан. Выборы условно представительных органов (к примеру, Законодательных собраний, Государственной Думы) обеспечивают легитимность власти
Социальная направленность	Публичная власть в РФ должна стремиться к улучшению качества жизни граждан, обеспечивая социальные гарантии и защищая незащищенные слои населения

Таким образом, признаки публичной власти в Российской Федерации формируют основу для её функционирования и взаимодействия с гражданами.

Непосредственно правовое положение органов местного самоуправления в Российской Федерации определяется как уровень публичной власти, наиболее приближенный к населению, и регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [9], который утратит силу с 01.01.2027, в связи с принятием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», однако отдельные его положения действуют уже в настоящее время (далее – ФЗ № 33) [10] и другими нормативными правовыми актами.

Так, органы местного самоуправления занимают особое место в системе публичной власти России, поскольку они наиболее близки к населению и непосредственно вовлечены в процесс разрешения вопросов местного значения. Их правовое положение определяется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а также нормативными актами субъектов Федерации и муниципальными правовыми актами.

Отметим, что вопросы местного значения выступают компетенцией местного самоуправления как уровня осуществления публичной власти в Российской Федерации и они, в соответствии с Конституцией Российской Федерации и ФЗ № 131 [9], ФЗ № 33 [10], уставами муниципальных образований,

разрешаются населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно в пределах своих полномочий.

Стоит также учесть, что именно органы государственной власти установили не только механизм реализации социальных прав, но и осуществляют его регулирование, а также определяют стратегические приоритеты его развития.

В свою очередь, органы местного самоуправления лишь отчасти детализируют этот механизм в муниципальных правовых актах, однако при этом государственно-правовой механизм обеспечения деятельности органов местного самоуправления гарантирует право этих органов защищать интересы муниципального образования и его населения.

Деятельность органов местного самоуправления зиждется на основах конституционного строя России, законодательстве о местном самоуправлении, международных обязательствах России в сфере местного самоуправления.

Непосредственно к числу мер, принимаемых государством относительно обеспечения деятельности местного самоуправления, включая реализацию его социальной компетенции, *относятся*:

- «законодательное установление вопросов местного значения и полномочий органов местного самоуправления, в т.ч. в социальной сфере;
- установление ответственности за неисполнение муниципальных правовых актов, в т.ч. в социальной сфере, а также запрета на ограничение законных прав местного самоуправления;
- разработка государственных социальных стандартов;
- включение органов местного самоуправления в реализацию государственных планов и программ социального развития;
- организация подготовки и повышения квалификации кадров муниципальных образований, в том числе в социальной сфере;
- обязанность выплат компенсаций расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти, в т.ч. в социальной сфере;
- разработка методических материалов по порядку решения вопросов местного значения, в т.ч. в социальной сфере;
- ответственность органов местного самоуправления вплоть до досрочного прекращения полномочий и отзыва;
- право местного самоуправления на судебную защиту и иную государственную защиту, как и право обжалования в суд решений органов местного самоуправления» [11, С. 104].

Что касается специфики социальной роли местного самоуправления, – она обусловлена особенностями его конституционно-правового статуса.

Вместе с тем, местное самоуправление как часть публичной власти, не входит в систему органов государственной власти, о чем прямо свидетельствуют положения ФЗ № 33, однако указанный правовой институт одновременно и реализует решения государственных органов, и самостоятельно выполняет собственные социальные полномочия путем вовлечения в систему

разграничения социальной компетенции между уровнями осуществления публичной власти.

Непосредственно же деятельность органов местного самоуправления направлена не только на реализацию функций социального государства, но и на осуществление социальных обязательств публичной власти.

В этом случае важно также учесть, что, будучи самоуправлением, местный уровень предполагает широкое использование институтов представительной и прямой демократии, а социальная роль местного самоуправления как уровня осуществления публичной власти состоит в обеспечении достойной жизни и всестороннего развития человека по месту жительства.

Так, органы местного самоуправления не только создают для этого необходимую материальную базу, но и влияют на частную сферу муниципального образования в социально ориентированном ключе [12, С. 189].

Далее, на наш взгляд, будет уместным и аргументированным уделить внимание вопросу определения основных проблем правового положения органов местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению, с последующим изложением вероятных вариантов их разрешения:

– одной из наиболее острых проблем все еще остается вопрос недостаточной финансовой обеспеченности многих муниципальных образований, поскольку низкий уровень собственных доходов, «слабая» финансовая поддержка из вышестоящих бюджетов существенно ограничивают возможности органов местного самоуправления в реализации их полномочий.

Так, в целях эффективного разрешения вышеуказанной проблемы, считаем вполне аргументированным и необходимым предложить внедрение практики пересмотра системы межбюджетных отношений, предусмотреть увеличение доли местных налогов, остающихся в распоряжении муниципалитетов, а также разработать, возможно с привлечением специалистов кредитно-финансовых учреждений, с последующим внедрением действенных механизмов финансового учета и контроля;

– следующей, не менее важной, проблемой является отсутствие четкой дифференциации полномочий органов государственной власти и местного самоуправления. Во многих случаях, необоснованное дублирование функций и отсутствие четких критериев определения вопросов местного значения, выступают причиной возникновения конфликтных ситуаций и снижения качества управления.

С целью успешного разрешения отмеченной проблемы, требуется четкое законодательное закрепление исчерпывающего перечня полномочий органов местного самоуправления и разработки четких критериев отнесения вопросов до их разрешения на местный уровень.

Тем самым, принимая во внимание положение норм Конституции РФ, провозглашающих права и свободы человека и гражданина приоритетом содержания деятельности местного самоуправления, представляется возможным подытожить, что органы местного самоуправления, муниципальные учреждения

и общественные объединения, осуществляющие свою деятельность в муниципальных образованиях, признаются важной частью нормативного механизма реализации социальных прав, свобод и гарантий в России, но вместе с тем, именно органы местного самоуправления как уровень осуществления публичной власти в наибольшей степени обеспечивают эффективность функционирования механизма реализации социальных прав на местном уровне посредством осуществления принадлежащей им социальной компетенции.

Выводы. Таким образом, органы местного самоуправления представляют собой важный элемент публичной власти, который обеспечивает реализацию гражданских прав на местном уровне и содействует, в большей степени, непосредственному участию населения в управлении общественными делами.

Список источников

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // «Собрание законодательства РФ», 16.03.2020, № 11, ст. 1416.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15.
3. Безруков, А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2015. – 304 с.
4. Административное право : учеб. / под ред. Л.Л. Попова. – М.: Юрист, 2020. – 345 с.
5. Радько, Т.Н. Теория государства и права [Электронный ресурс] : учеб. для бакалавров. – М.: Проспект, 2015. – 496 с.
6. Чиркин, В.Е. Публичная власть на евразийском пространстве: основы юридической классификации / В.Е. Чиркин // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 18-24.
7. Авакьян, С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития / С.А. Авакьян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33).
8. Вершинина, С.И. Понятие публичной власти и её взаимодействие с государственным принуждением / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1. – С. 8-12.
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

10. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // «Собрание законодательства РФ», 24.03.2025, № 12, ст. 1200.
11. Стрекозов, В.Г. Конституционное право России. Учебник / В.Г. Стрекозов. – М.: Машиностроение, 2023. – 320 с.
12. Фадеев В.И. Конституционное право. Учебник для бакалавров / В.И. Фадеев. – М.: Проспект, 2022. – 384 с.

УДК 341.3

ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Штокалова А.А., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: alex_shoker@mail.ru)

Цопа О.А., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: veryhappyolga@gmail.com)

Абдурахимова М.Г., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: rita.abdurakhimova.92@mail.ru)

Права военнослужащих в международном праве представляют собой ключевой элемент системы защиты прав человека, особенно в условиях вооружённых конфликтов и миротворческих операций. Военнослужащие, исполняя свои обязанности, часто сталкиваются с нарушениями своих прав, ограничениями свобод и рисками для жизни. Основные правовые механизмы защиты, такие как Женевские конвенции и международные договоры о правах человека, направлены на обеспечение их безопасности и гуманитарных условий. Однако, несмотря на наличие международных норм, защита прав военнослужащих остаётся актуальной проблемой, требующей совершенствования правовых механизмов и их адаптации к современным вызовам.

Ключевые слова: права военнослужащих, международное право, Женевские конвенции, международные суды, защита прав человека.

MILITARY PERSONNEL'S RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW

Shtokalova, A.A., Tsopa, O.A., Abdurakhimova, M.G.

The rights of servicemen in international law are a crucial part of the human rights protection system, especially in the context of armed conflicts and peacekeeping operations. Servicemen, while fulfilling their duties, often face violations of their rights, restrictions on freedoms, and threats to their lives. Key legal mechanisms of protection, such as the Geneva Conventions and international human rights treaties, aim to ensure their safety and humanitarian conditions. However, despite the existence of international norms, the protection of servicemen's rights remains a current issue requiring improvement of legal mechanisms and adaptation to modern challenges.

Keywords: *servicemen's rights, international law, Geneva Conventions, international courts, human rights protection.*

Права военнослужащих в международном праве являются составляющей системы защиты прав человека, особенно в условиях вооружённых конфликтов и миротворческих операций. Военнослужащие, выполняя служебные обязанности, нередко оказываются в ситуациях, где их права могут быть ограничены или нарушены. Международное право регулирует этот вопрос через ряд правовых механизмов, включая Женевские конвенции, международные договоры о правах человека и решения международных судов.

Актуальность исследования связана с возрастающей ролью международного права в защите прав военнослужащих, особенно в условиях современных вооружённых конфликтов, миротворческих операций и гибридных войн. Военнослужащие, находясь на передовой выполнения государственных задач, подвержены как физическим, так и правовым рискам, включая ограничения основных свобод, дискриминацию, несоблюдение социальных гарантий и привлечение к ответственности за действия, совершённые в рамках служебных обязанностей. В условиях усиления международного сотрудничества и реформирования национальных систем военного права возникает необходимость в комплексном анализе существующих международно-правовых норм, регулирующих защиту военнослужащих, выявлении пробелов и направлений их совершенствования.

Анализ научных исследований. Проблематика защиты прав военнослужащих занимает отдельное место в научных исследованиях, так как данная категория граждан подвержена особым ограничениям и несет уникальные правовые обязанности. В российской правовой науке активно изучаются различные аспекты правового положения военнослужащих, включая их статус, гарантии защиты прав в мирное и военное время, международно-правовые механизмы и деятельность правозащитных институтов.

С.И. Андреева рассматривает правовой статус военнослужащих, делая акцент на его изменчивость в зависимости от обстоятельств, таких как участие в боевых действиях, выполнение миротворческих миссий или прохождение службы в обычных условиях. В работе отмечается, что правовое регулирование военного статуса должно учитывать баланс между защитой прав военнослужащих и необходимостью выполнения ими служебных обязанностей, что требует соблюдения принципа соразмерности ограничений [3, С. 69].

Ю.А. Иванов сосредотачивается на проблеме обеспечения прав военнослужащих в Российской Федерации. Он проводит детальный анализ национального законодательства, выявляя существующие механизмы защиты прав и указывая на их недостатки. В работе рассматриваются возможности правового регулирования таких вопросов, как предоставление социального обеспечения, защита от незаконных действий командования, судебная защита и механизмы правозащитной деятельности [5, С. 87].

С.С. Козыч исследует вопросы защиты прав военнослужащих в контексте международного права и анализирует принципы международного гуманитарного права и роль международных организаций, таких как ООН, Красный Крест и Европейский суд по правам человека, в защите прав военнослужащих. В работе подчеркивается необходимость соблюдения государствами Женевских конвенций и других международных договоров, направленных на защиту военных от жестокого обращения, незаконных репрессий и других правонарушений [6, С. 489].

А.С. Старосельцев исследует конституционно-правовой статус военнослужащих, акцентируя внимание на юридических гарантиях их прав и свобод. Он указывает, что военнослужащие, являясь особой категорией граждан, подвержены ряду правовых ограничений, что связано с военной дисциплиной и особыми условиями несения службы. Однако эти ограничения не должны нарушать фундаментальные права человека, закрепленные в Конституции и международных договорах [9, С. 151].

С.Ю. Мироненко подробно рассматривает особенности применения международного гуманитарного права в условиях вооруженных конфликтов. Он подчеркивает, что военнослужащие, находясь в зоне боевых действий, часто становятся объектами правонарушений, включая незаконные задержания, пытки и дискриминацию, акцентирует внимание на значении строгого соблюдения международных норм и механизмов их реализации на национальном уровне [7, С. 142].

Исследования российских ученых в области защиты прав военнослужащих охватывают широкий спектр вопросов, включая как международно-правовые аспекты, так и национальные механизмы регулирования. Необходимо продолжать работу по совершенствованию правового статуса военнослужащих, обеспечивая баланс между выполнением ими воинских обязанностей и защитой их основных прав.

Цель статьи состоит в определении и анализе международно-правовых гарантий защиты прав военнослужащих.

Изложение основного материала. Защита прав военнослужащих в международном праве представляет собой сложную и многогранную область, где основное внимание уделяется обеспечению гуманитарных условий их пребывания в условиях вооруженных конфликтов. Международные правовые нормы, регулирующие эту сферу, имеют долгую историю, начиная с первых попыток защиты прав военных еще в XIX веке. Сегодня основой для регулирования прав военнослужащих служат международные договоры, главным из которых являются Женевские конвенции 1949 года, Дополнительные протоколы, принятые позднее. Женевские конвенции закрепляют основные права военнослужащих, включая защиту их жизни и достоинства в условиях боевых действий, запрещение пыток и жестокого обращения, гарантируют защиту раненых и больных военных.

Роль международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), в защите прав военнослужащих невозможно переоценить. ООН, в

частности через свой Совет Безопасности, регулярно разрабатывает и принимает резолюции, направленные на защиту прав человека в ходе вооруженных конфликтов. Механизмами защиты служат международные суды, такие как Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и Международный уголовный суд. ЕСПЧ в своей практике рассматривает дела, связанные с нарушением прав военнослужащих, обеспечивая правосудие в случаях, когда внутренние механизмы защиты оказываются недостаточными.

Одной из категорий международно-правовой защиты является гуманитарная защита военнослужащих. Данное право, закрепленное в международных договорах, подразумевает предоставление военнослужащим определенных прав, даже если они находятся в плену или в условиях, где их жизнь и безопасность могут быть под угрозой. Международное гуманитарное право обязывает стороны конфликта соблюдать законы войны, что включает в себя запрет на использование определенных видов оружия, обеспечение безопасности гражданских лиц и помощь раненым, включая военнослужащих.

Не менее значимым аспектом является соблюдение законов войны, что означает обязанность всех участников конфликта вести боевые действия в рамках установленных норм международного гуманитарного права. Ключевым элементом здесь является принцип пропорциональности и избегания ненужных страданий. Международное право в данном контексте накладывает обязательства на государственные и частные силы, участвующие в военных действиях, соблюдать эти принципы на всех этапах конфликта. В частности, Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним устанавливают четкие требования к обращению с военнослужащими, их правам на защиту и обеспечению гуманитарных условий.

В рамках каждой страны существует своя система защиты прав военнослужащих. В России, например, правовой статус военнослужащих регулируется Федеральным законом от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [2], который устанавливает их права и обязанности в мирное время и в условиях военных действий. Закон регулирует вопросы социального обеспечения, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения и других аспектов жизни военнослужащих. В дополнение к этому, Трудовой кодекс Российской Федерации [1] и другие законодательные акты обеспечивают защиту трудовых прав военнослужащих, хотя и с учетом специфики их службы, которая может ограничивать некоторые трудовые права, такие как свобода заключения трудового договора и ограничения в политической активности.

В США права военнослужащих регулируются различными нормативными актами, среди которых выделяются Закон о национальной обороне (National Defense Authorization Act) и Закон о правах военнослужащих (Servicemembers Civil Relief Act, SCRA). Законы обеспечивают военнослужащих правами, связанными с защитой от неоправданного увольнения, гарантируют компенсации и социальное обеспечение, защищают их от гражданских долговых обязательств в период службы. Особое внимание уделяется защите прав военнослужащих при

их возвращении с военной службы, включая защиту от дискриминации при трудоустройстве и гарантии сохранения рабочего места.

В Великобритании правовой статус военнослужащих регулируется Законом о вооруженных силах (Armed Forces Act), который является основным нормативным актом, регулирующим отношения с военнослужащими. Закон охватывает все аспекты службы, включая права на участие в военных действиях, социальные и трудовые гарантии, ограничения на личные права военнослужащих, например, запрет на участие в политической деятельности и ограничения на свободу слова в военной службе. Помимо этого, в Великобритании действует система защиты прав военнослужащих через Министерство обороны, которое контролирует соблюдение прав военных, предоставляет различные социальные программы для их обеспечения.

Военнослужащие, как и все лица, подлежат уголовной ответственности за совершение военных преступлений, определяемых международным правом и национальными законодательствами. Международная ответственность военнослужащих включает в себя преследование за серьезные нарушения законов и обычаев войны, такие как убийства, пытки, незаконное обращение с военнопленными и разрушение объектов, не имеющих военной ценности. Преступления рассматриваются Международным уголовным судом (МУС), созданным для обеспечения ответственности за наиболее тяжкие преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества [4, С. 89].

Международная ответственность военнослужащих основывается на принципе индивидуальной ответственности за совершенные преступления, независимо от их положения или приказов командования и означает, что подчинение незаконным приказам не освобождает от ответственности. Принцип «неотвратимости наказания» требует, чтобы виновные в военных преступлениях лица были привлечены к ответственности и подвергнуты наказанию, соответствующему тяжести их деяний. Международные трибуналы, такие как Нюрнбергский и Токийский процессы после Второй мировой войны, установили прецедент привлечения лидеров к ответственности за военные преступления, заложив основу для современной практики международного правосудия.

При необоснованном обвинении в военных преступлениях военнослужащие имеют право на защиту, предусмотренную как международным, так и национальным правом. Механизмы защиты включают презумпцию невиновности, право на справедливое судебное разбирательство, доступ к квалифицированной юридической помощи и право на обжалование решения суда. Национальные законодательства, такие как Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривают уголовную ответственность за преступления против военной службы, однако содержат нормы, защищающие права обвиняемых, включая военнослужащих.

Судебная практика международных трибуналов играет ключевую роль в формировании и развитии норм международного гуманитарного права. Решения Международного уголовного суда и *ad hoc* трибуналов, таких как Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ),

устанавливают прецеденты в квалификации деяний как военных преступлений и определении степени ответственности. Например, в деле против Слободана Праляка, бывшего высокопоставленного военного должностного лица, МТБЮ признал его виновным в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, что подчеркнуло индивидуальную ответственность командиров за действия их подчиненных. Такие дела способствуют укреплению международного правосудия и предотвращению безнаказанности за тяжкие преступления.

Ответственность военнослужащих за военные преступления является комплексной и многогранной, охватывая как международные нормы, так и национальные законодательства. Эффективное функционирование правовых механизмов защиты и судебных институтов, включая международные трибуналы, способствует обеспечению справедливости и предотвращению безнаказанности за тяжкие нарушения гуманитарного права [8, С. 77].

Современные вызовы в области защиты прав военнослужащих в значительной степени связаны с изменяющимися условиями вооружённых конфликтов и развитием новых форм военной службы, таких как гибридные войны и участие в международных миротворческих операциях. В условиях этих изменений существующие международно-правовые механизмы не всегда способны адекватно реагировать на новые угрозы, такие как использование частных военных компаний, нарушение прав военнослужащих в ходе незаконных операций или проблемы с правами на гуманитарную защиту. Одной из главных проблем является недостаточная универсальность международных норм, которые применимы к различным конфликтам, сложности в их адаптации к быстро меняющимся условиям. Существующие инструменты, такие как Женевские конвенции, имеют определённые ограничения в обеспечении защиты прав военнослужащих в условиях нестандартных вооружённых конфликтов.

Перспективы улучшения защиты прав военнослужащих должны быть связаны с развитием международного гуманитарного права, его адаптацией к новым реалиям военных конфликтов и активным использованием механизмов международного правосудия. Для эффективной защиты прав военнослужащих необходимо усиление мониторинга их положения во время службы, включая обязательное соблюдение норм международных конвенций всеми участниками вооружённых конфликтов. Шагом вперёд является развитие правовых норм, которые бы обеспечивали более чёткие гарантии гуманитарной помощи военнослужащим в районах боевых действий, защиту от дискриминации и злоупотреблений со стороны командования.

Одной из ключевых проблем является отсутствие единого глобального стандарта для обеспечения прав военнослужащих в мирное время. В частности, различия в подходах к социальной защите военнослужащих в разных странах остаются актуальной проблемой. Многие страны не обеспечивают должной социальной защиты, что приводит к увеличению числа случаев дискриминации, нарушения прав, включая право на социальное обеспечение, медицинскую помощь и достойные условия труда.

Необходимые реформы и улучшения в международных механизмах защиты прав военнослужащих могут включать в себя, прежде всего, создание более чётких правовых норм, которые бы распространялись на частные военные компании, активно участвующие в современных вооружённых конфликтах. Учитывая, что эти компании не всегда подчиняются международным правовым стандартам, создание единых глобальных стандартов для их деятельности стало бы важным шагом вперёд. Элементом является повышение роли международных судов и трибуналов в расследовании и преследовании нарушений прав военнослужащих, что позволит усилить ответственность за военные преступления и злоупотребления со стороны высокопоставленных должностных лиц и командиров.

В перспективе требуется создание международных механизмов для оперативной защиты прав военнослужащих в случае возникновения ситуаций, которые могут угрожать их безопасности и правам. Укрепление международного контроля за соблюдением международных стандартов прав военнослужащих, создание системы поощрений для государств, активно соблюдающих эти нормы, поможет в создании более эффективных механизмов защиты и сдерживания нарушений.

Выводы. Защита прав военнослужащих является важным аспектом международного гуманитарного права, однако современная международно-правовая система сталкивается с рядом проблем, таких как недостаточная универсальность существующих норм и сложности в их применении к новым форматам конфликтов, включая участие частных военных компаний. Основными вызовами остаются нарушение прав военнослужащих в нестандартных конфликтах, отсутствие единого стандарта для социальной и трудовой защиты. Для улучшения защиты предлагается развивать международные правовые нормы, усилить мониторинг соблюдения прав военнослужащих, создать эффективные механизмы защиты от необоснованных обвинений и расширить роль международных судов в преследовании военных преступлений.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024).
2. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ (последняя редакция).
3. Андреева С.И. Правовой статус военнослужащего в условиях специальной военной операции / С.И. Андреева // Вестник магистратуры. – 2022. – № 11-2 (134). – С. 69-71.
4. Батырь, В.А. Право военного времени как подотрасль военного права / Батырь В.А. // Lex Russica. – 2022. – № 3. – С. 88-104.
5. Иванов, Ю.А. Содержание защиты прав и свобод военнослужащих в Российской Федерации / Ю.А. Иванов // Вестник науки. – 2021. – № 11 (44). – С. 86-94.
6. Козыч, С.С. Обеспечение прав человека в период вооруженных конфликтов /

С.С. Козыч // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 489-490.

7. Мироненко, С.Ю. Особенности применения международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов / С.Ю. Мироненко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – № 3. – С. 142-164.
8. Солдатова, А.В. Права и свободы военнослужащих: правозащитная деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / А.В. Солдатова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9 (225). – С. 77-80.
9. Старосельцев, А.С. Конституционно-правовой статус военнослужащих / А.С. Старосельцев // Форум молодых ученых. – 2023. – № 10 (86). – С. 151-164.

УДК 34, 378

ВЛИЯНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА УЧЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Шульга В.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: shulga55@rambler.ru)

Гром Е.А., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kac09@yandex.ru)

В статье рассмотрен феномен вторичной занятости студентов в период обучения, имеющий сложную структуру и оказывающий неоднозначное влияние на процесс получения высшего образования студентами. Установлено, что трудовая деятельность с одной стороны – помогает студенту решить материальные проблемы, с другой стороны – входит в серьёзное противоречие с учебным процессом очной формы обучения, предполагающим систематическую аудиторную работу.

Ключевые слова: студенчество, учебная деятельность, вторичная занятость.

THE IMPACT OF SECONDARY EMPLOYMENT ON LEGAL STUDENTS' EDUCATIONAL ACTIVITIES

Shulga, V.V., Grom, E.A.

The article examines the phenomenon of secondary employment among students during their studies, which has a complex structure and has an ambiguous impact on the process of higher education. It is established that, on the one hand, employment helps students to solve their financial problems, but on the other hand, it is in serious conflict with the full-time educational process, which requires systematic classroom work.

Keywords: students, educational activities, secondary employment.

Актуальность темы исследования. Молодость является особым этапом в жизни каждого человека, и стартовые позиции, занятые в самом начале профессионального пути, являются для молодых людей предпосылкой для дальнейшей самореализации и формирования жизненных стратегий.

Расширение свободы выбора в образовательной сфере и увеличение контингента обучающихся в вузах влияет на реалии современного рынка труда, где количество свободных рабочих мест для специалистов с высшим профессиональным образованием не снижает достаточно высоких требований к претендентам. Большинство фирм и учреждений предпочитают получать кадры с опытом работы, если не по специальности, то в близкой области или с навыками профессиональной деятельности, свидетельствующими о способности человека быстро осваивать новые знания и требования, развивать умения коммуникации и коллаборации.

По мнению М.М. Мусарского и Е.Д. Платоновой, ранняя занятость студентов выступает мировой тенденцией с некоторыми различиями в их мотивации. Для России характерны общемировые тенденции на молодёжном рынке труда и вторичная занятость студентов дневных отделений [1, С. 122]. Сегодня рекордно низкий уровень безработицы на фоне тенденции к сокращению населения моложе трудоспособного возраста актуализировал запрос работодателя на молодых специалистов, в том числе студентов бакалавриата. Рассматриваемая проблема с общим дефицитом кадров, усугублённая проводимой специальной военной операцией, мобилизацией мужчин трудоспособного возраста, затронула и сферу юриспруденции. Как отмечает Н.А. Нарыжный, результаты анализа кадровой ситуации в Донецкой Народной Республике показывают острую нехватку юристов, достигающую 80 % в целом по ДНР. Дефицит специалистов особенно ощутим во ФСИН (70 %), у приставов (54 %), в судах (около 60 %). В связи с этим университет вынужден составлять индивидуальные графики обучения для студентов без высшего образования [2, С. 8].

Таким образом, экономическая ситуация в стране и регионе, уровень заработной платы и стоимость жизни наряду с острым кадровым дефицитом привели к закономерному результату – созданию благоприятных условий для трудоустройства молодёжи. Студенты, обучающиеся в Донбасском государственном университете юстиции, стали востребованы как рабочая сила в учреждениях судебной системы, нотариальных и других правоохранительных органах, организациях с частной формой собственности [3]. Ключевыми объективными факторами для вторичной занятости будущих юристов выступили:

- 1) устойчивость и глобальность тенденции вторичной занятости студенчества, характерной не только для Донецкого региона, но и России в целом;
- 2) кадровый дефицит в государственном и частном секторе, в том числе в отдельных направлениях юридической сферы;
- 3) проблема формирования профессиональных компетенций выпускников, востребованных рынком труда [3].

Анализ научных исследований. Студенчество как социальная группа, её профессиональная ориентация, трудоустройство и вторичная занятость как научные проблемы нашли отражение в трудах отечественных исследователей,

таких как Е.С. Баразгова, В.А. Житенев, Е.Н. Заборова, Г.Е. Зборовский, Г.Б. Кораблева, Н.Б. Костина, В.Т. Лисовский, А.В. Меренков, Т. Петрова, В.Г. Попов, Л.Я. Рубина, Б.А. Ручкин, Ф.Э. Шереги, И.В. Шапко и др.

Теоретическая разработанность этой тематики находится на достаточно высоком уровне. Вторичная занятость студентов подробно изучена как в рамках отечественного, так и зарубежного социогуманитарного знания. Значительный вклад в разработку различных аспектов вторичной занятости студентов сделан Г. Балян, Ю.Р. Вишневским, Е.В. Вознесенской, В.И. Герчиковым, Ю. Комениковым, Д.Л. Константиновским, Т.В. Лисовским, П.Ф. Лисс, А.В. Меренковым, Л.Я. Рубиной, И.В. Холодняк, Г.А. Чередниченко, Р. Черновым, В.Т. Шапко, Е.В. Щепкиной и другими авторами.

Вместе с тем, результаты исследований показывают, что «мотивационные драйверы у разных поколений сильно отличаются. Для работодателей это сигнал: единая стратегия удержания больше не работает. Управление многообразием поколений становится ключевым фактором корпоративной устойчивости» [4], в связи с чем научные изыскания по проблемам вторичной занятости студентов не теряют актуальности, теоретической и практической значимости.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных учёных, анализирующих содержание и структуру профессиональных стратегий молодёжи.

Основными концептуальными положениями являются представления о студенчестве как специфической социально-демографической группе, находящейся на стадии профессионального и жизненного старта, в ходе которой закладываются предпосылки дальнейшей профессиональной карьеры.

Методологическую основу составляют принципы системного анализа, а также социально-психологический подход при анализе проблем вторичной занятости современной студенческой молодёжи.

Эмпирическую базу исследования представляют материалы, полученные в мае 2025 года в ходе социологического исследования, направленного на изучение степени удовлетворенности студенческой молодёжью выбором реального трудоустройства, совмещённого с их обучением в вузе.

Целью статьи является анализ влияния объективных и субъективных факторов вторичной занятости на учебную деятельность студентов ДГУЮ.

Изложение основного материала. Обеспечение профессиональными кадрами организаций и удовлетворение запросов рынка труда всегда являлось актуальной социально-экономической проблемой, решение которой, согласно теории самодетерминации, опосредуется влиянием целого ряда объективных факторов, среди которых для студенческой молодёжи детерминирующими оказываются факторы вторичной занятости (опыт работы) и особенности академической среды (системы высшего образования).

Система образования выступает не только как сфера реализации жизненных интересов молодых людей, не только как система размещения молодёжи по различным сферам профессиональной структуры общества, но и занимает своеобразное промежуточное положение между профессиональной

ориентацией и профессиональным выбором молодёжи, которое имеет социально-экономическую основу и обусловлен общественной потребностью в кадрах [5].

Хотя ценность высшего образования остаётся аксиомой, тем не менее оно не является абсолютным условием для успешной самореализации человека. При этом молодёжь рассчитывает, что наличие высшего образования значительно поможет им в дальнейшей жизни. В условиях повышенной конкуренции, существующей в современном мире, наибольшего успеха добивается выпускник, уже имеющий профессиональный опыт.

Заинтересованность образовательного учреждения в изучении опыта совмещения студентами обучения и реальной занятости заключается в поиске путей повышения эффективности формирования навыков профессиональной деятельности. Так, Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» установлены полномочия организаций в части формирования требований к результатам освоения программ бакалавриата в виде перечня универсальных, общепрофессиональных и открытого набора профессиональных компетенций выпускников [6]. Такая позиция обязывает разработчиков образовательных программ ориентироваться на запросы рынка труда, актуализируя использование компетентностного, практико-ориентированного или дуального подходов в обучении. При этом рядом авторов подымается проблема гармонизации фундаментальности, академичности высшего образования и его адаптивности применительно к изменчивости современного рынка труда [7; 8].

По мнению исследователей Н.Н. Ковальчук и Т.Г. Ставер, компетентностный подход, ориентированный на подготовку гибкого, конкурентоспособного, динамичного, инициативного специалиста, овладевшего различными компетенциями, является концептуальной основой обновления современной системы образования России [9].

С точки зрения Н.А. Юрина, «компетентностный подход позволяет подготовить специалиста, который успешно может действовать вне шаблонов той или иной образовательной программы» [8, С. 47]. При этом автор подчеркивает, что «...в своей прагматической направленности компетентностный подход не может быть противопоставлен знаниевому, поскольку усиливает роль опыта, умений, способности практически реализовывать знания» [8, С. 47]. В свою очередь, О.В. Федоров отмечает сложности использования компетентностного подхода при разработке программ высшего образования [7].

Сторонники практико-ориентированного обучения, определяемого как подход к образованию, в основе которого лежит активное взаимодействие студентов с реальными профессиональными ситуациями, задачами и проблемами [10, С. 189], «едины в том, что современная система высшего образования, не утрачивая своей фундаментальности, должна приобрести практико-ориентированное содержание и соответствующую направленность процесса подготовки будущих профессионалов» [11, С. 152]. Профессор

В.О. Зинченко считает, «что самым главным и сложным с точки зрения организации является именно формирование у будущих специалистов опыта профессиональной деятельности, требующего особого взаимодействия с работодателями, инновационных форм организации практического обучения» [11, С. 152].

Что касается дуального подхода в обучении (*duales studium*), то сегодня он находится на стадии переосмысления и изучения апробации внедрения в высшее образование России. Дуальный подход предполагает взаимодействие двух самостоятельных в организационном и правовом отношении сфер (сред) – образовательного учреждения и организации/предприятия, при котором прохождение теоретической части подготовки осуществляется на базе образовательной организации, а практической – на рабочем месте конкретного предприятия [12; 13]. Ряд исследователей признает дуальную форму обучения педагогической альтернативой и успешно адаптированным к условиям рыночной экономики образовательным феноменом, оказавшим влияние на развитие профессиональной педагогики разных стран, включая Россию [14, С. 41].

С целью усиления практической составляющей при формировании профессиональных компетенций студентов-юристов на базе ФГБОУ ВО «ДГУЮ Минюста России» создана и успешно функционирует юридическая клиника «Центр юридической практики». Вместе с тем, опыт профессиональной деятельности, получаемый в стенах образовательного учреждения и вне его, безусловно, отличается.

В связи с вышеизложенным, в мае 2025 года авторами проведено анкетирование среди студентов ДГУЮ, задействованных в реальной занятости, с целью выяснения влияния вторичной занятости на их основную деятельность – учебную, а также изучение их основных мотивов и установок в отношении своего раннего трудоустройства.

В анкетировании приняли участие 68 студентов (41 девушка и 27 юношей) 2-4 курсов ДГУЮ, при этом двое из них уже не работают, хотя ранее совмещали работу и обучение, а один из респондентов собирается вскоре совмещать эти два вида деятельности. Большая часть опрошенных – 45 человек, что составляет 66%, обучаются на очной форме обучения.

На вопрос № 3 анкеты «Вы работаете (работали) по своей будущей юридической специальности?» 24 респондента выбрали ответ «нет», и 28 человек ответили чётко «да», остальные респонденты отметили неопределённый вариант ответа «не совсем». Подобная уклончивость в определении своего профессионального статуса проясняется при расшифровке ответов на вопрос № 15 анкеты «Укажите ваше место работы, должность», где студенты перечисляют следующие должности: организационная структура ДГУЮ, общественная организация «Российские Студенческие Отряды» – которые, действительно, не позволяют им однозначно определить, относится ли занимаемая ими должность к юридическому профилю [3].

В целом, весь спектр различных видов трудовой деятельности студентов ДГУЮ можно объединить в две приблизительно равные по составу группы:

– деятельность юридического содержания, предполагающая должность, близкую будущей профессиональной деятельности, даже если она не совсем совпадает с профилем вузовской специализации (42,3%);

– неквалифицированная деятельность в сфере обслуживания: торговля, посредничество, общественное питание, делопроизводство и т.д. (57,7%).

Работа как способ обретения материальной независимости, как стремление заработать деньги стабильно остается на первом месте, что подтверждается комментариями студентов, сделанными при заполнении анкеты: *«Большинство студентов испытывают финансовые трудности в период обучения, в связи с чем им приходится работать, и чаще всего не по специальности»*. Однако, исследователи отмечают, что значимость этого мотива за последние годы трансформируется – ориентиром выступает высокий уровень оплаты труда, и этот мотив конкурирует с другими ценностями (свободы, гибкости, развития) [4]. Объяснить феномен можно тем, что в студенческой среде одновременно увеличилась роль следующих мотивов:

- стремление повысить свою конкурентоспособность на рынке труда;
- взять фальстарт в профессиональной деятельности;
- приобрести навыки коммуникации и сотрудничества в профессиональном сообществе;
- научиться умению позиционировать себя, в том числе перед руководством;
- приобрести навыки планирования профессиональной карьеры.

Можно говорить о тенденции изменения мотивации и отношения к работе в студенческой среде: от средства заработка к способу повышения конкурентоспособности, как залога получения в перспективе более высокооплачиваемой должности, мобильности и возможности для развития. Такая ситуация вполне объясняет высокие позиции в выборах студентов-респондентов профессиональных мотивов. Научные публикации также свидетельствуют о том, что стремление улучшить материальное благосостояние, хотя и играет определённую роль, не является главным мотивом европейской молодёжи [1].

Ответы на вопрос № 6 «Оцените, насколько вам оказали помощь и поддержку в получении необходимых умений на вашем месте работы?», респондентам предлагалось давать ответы в баллах (от 0 до 5). Следует отметить, что 70,6% студентов оценили помощь работодателей на «5» баллов, что свидетельствует о позитивном отношении к работающим студентам со стороны принимающей организации/структуры. Этот вывод подтверждается и результатами ответов на вопрос № 11 «Учитывает ли работодатель ваш статус студента (отпускает на сессию, оказывает другую помощь?)»: 91,2% всех опрошиваемых ответили однозначно утвердительно.

Примечательно, что для вопроса № 11 предусматривались ответы: «да», «зависит от его настроения», «зависит от моей исполнительности», «иногда», «никогда» – ни один из студентов не выбрал варианты ответа «никогда» и «это зависит от моей исполнительности». Отсутствие выбора варианта «никогда»

объяснимо: все-таки работодатели в той или иной мере с пониманием и лояльностью относятся к работнику, имеющему статус студента, и идут навстречу его учебным потребностям. Отсутствие у всех респондентов выбора ответа «это зависит от моей исполнительности» свидетельствует, скорее всего, о завышенной оценке собственных рабочих усилий и отсутствии критичного восприятия результатов собственных трудовых достижений.

Вопрос № 8 «Удовлетворены ли вы объемом и качеством тех умений и опыта, которые вы приобрели на работе?» был направлен на выявление степени удовлетворённости студентами теми компетенциями, которые они приобрели в ходе выполнения своих трудовых обязанностей и предлагал респондентам следующие варианты ответов: «да», «скорее да», «скорее нет», «нет», «умения, которыми я овладел на работе, не имеют отношения к моей будущей профессии».

Категорически отрицательную оценку своим приобретенным умениям и навыкам не дал ни один студент (выбор варианта ответа «нет» отсутствует во всей выборке), тем не менее определенная степень неудовлетворенности по этому вопросу наблюдается у 13,2% студентов (выбор варианта ответа «скорее нет»), причем эти выборы осуществили респонденты, занятые на неквалифицированных видах работы.

Более 20% опрошенных выбрали вариант ответа на вопрос № 8 – «умения, которыми я овладел на работе, не имеют отношения к моей будущей профессии», и, если учесть, что такой выбор осуществили студенты, работающие не по юридической специальности, то такой ответ представляется вполне объяснимым и закономерным. Группа студентов, работающих по специальности, полностью удовлетворена теми практическими навыками, которые они приобрели в процессе выполнения профессиональных обязанностей: сумма ответов «да» и «скорее да» составляет 100%. Тем не менее, на вопрос анкеты № 5 «Вы планируете продолжать работать в организации, в которой работаете (работали) после окончания ВУЗа?» ответы студентов распределились следующим образом:

- да, останусь здесь работать – 20 человек (71,4%);
- зависит от возможных перспектив – 5 человек (17,9%);
- нет, буду менять работу по окончании ВУЗа – 3 человека (10,7%).

Ответы студентов, неработающих в сфере юриспруденции, на вопрос №5, представлены следующим образом:

- да, останусь здесь работать – 2 человека (8,3%);
- зависит от возможных перспектив – 6 человек (25%);
- нет, буду менять работу по окончании ВУЗа – 12 человек (50%);
- затрудняюсь ответить – 4 человека (16,7%).

То, что половина студентов, трудоустроившихся не по специальности, будет менять работу после окончания обучения в юридическом вузе, не вызывает удивления, учитывая, что, согласно данным анкеты, многие из студентов работают в сфере услуг из-за отсутствия у них завершённого высшего образования. Однако половина респондентов этой группы ставит под сомнение изменение сферы приложения своих сил после получения диплома. Если же

учесть, что по всей выборке только 35,3% студентов останутся трудиться на прежних рабочих местах, то это даёт основание для нескольких важных выводов:

– современные реалии требуют пересмотра традиционной организации учебно-воспитательного процесса с учётом существующей тенденции вторичной занятости студентов по избранной юридической специальности;

– находит подтверждение общая тенденция поколения Z в отношении условий профессиональной деятельности: комфортный режим работы, больше свободы, меньше контроля, возможность уделять внимание своим увлечениям и развитию. Сохранение баланса между работой и личным временем – один из решающих факторов при выборе места работы молодыми людьми, поэтому менять работу, искать предложения лучше, пробовать себя в разном – норма для современной молодёжи [3].

Последний вывод находит подтверждение в комментариях студентов: *«Стремиться работать в разных сферах, чтобы в дальнейшем получить опыт работы и знать, куда ты хочешь идти и главное не сидеть на одном месте».*

Если учесть существующую у молодого поколения тенденцию к комфорту, логичным представляется вопрос № 12 «Какой из вариантов совмещения работы и обучения Вам кажется оптимальным и комфортным?» Ответы респондентов представлены на рисунке 1.

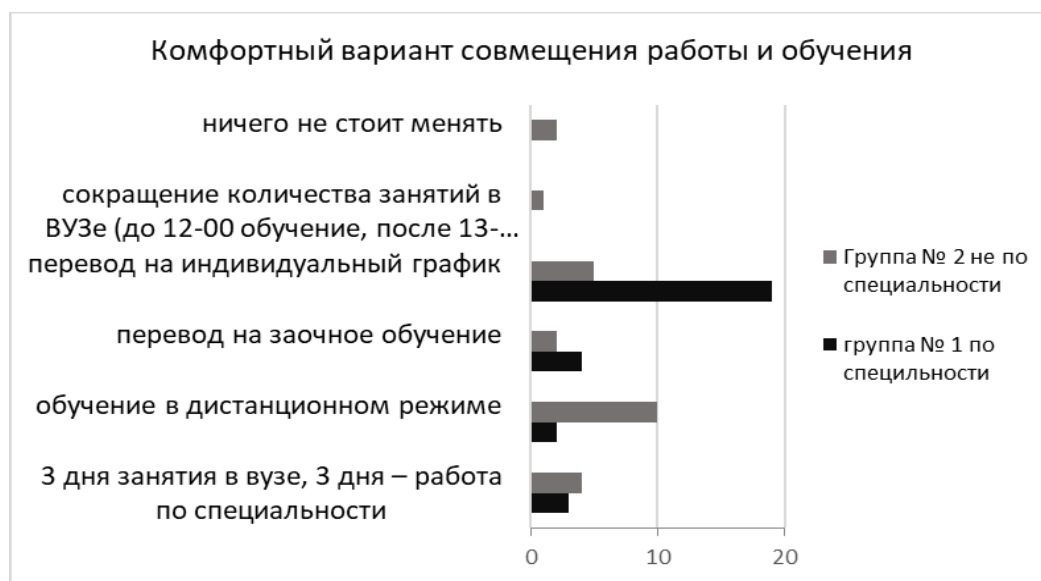

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какой из вариантов совмещения работы и обучения Вам кажется оптимальным и комфортным?»

Согласно опросу компании Changellenge, в рейтинге критериев при выборе работы студентами лидирующие позиции по значимости занимает гибкий график [15]. При этом анкетированием установлено, что будущие юристы, уже работающие по специальности, предпочитают индивидуальный график обучения (67,9%), который им, собственно, вуз уже предоставляет [2], а студенты, которые работают не по своей будущей специальности, склоняются в пользу дистанционного формата (41,7%).

Очевидно, индивидуальный график выбрали студенты, которые вынуждены соблюдать внутренний трудовой распорядок организации и соблюдать режим рабочего времени. Такой формат вторичной занятости предоставляет возможность практически не посещать занятия, выполнять в свободное от работы время задания учебного плана, фокусируясь в большей степени на должностных обязанностях с минимальным отвлечением на учебный процесс. Приоритет выбора дистанционной формы обучения, вероятно, обусловлен возможностью эпизодического подключения к онлайн-занятиям, что, по-видимому, согласуется с рабочими возможностями студентов, чья работа характеризуется гибким графиком, позволяющим совмещать трудовые обязанности с учебным расписанием [3].

Поскольку основным видом деятельности студентов является учебная деятельность, вопрос № 9 «Как Ваше трудоустройство повлияло на успеваемость в ВУЗе?» представляется релевантным проводимому опросу.

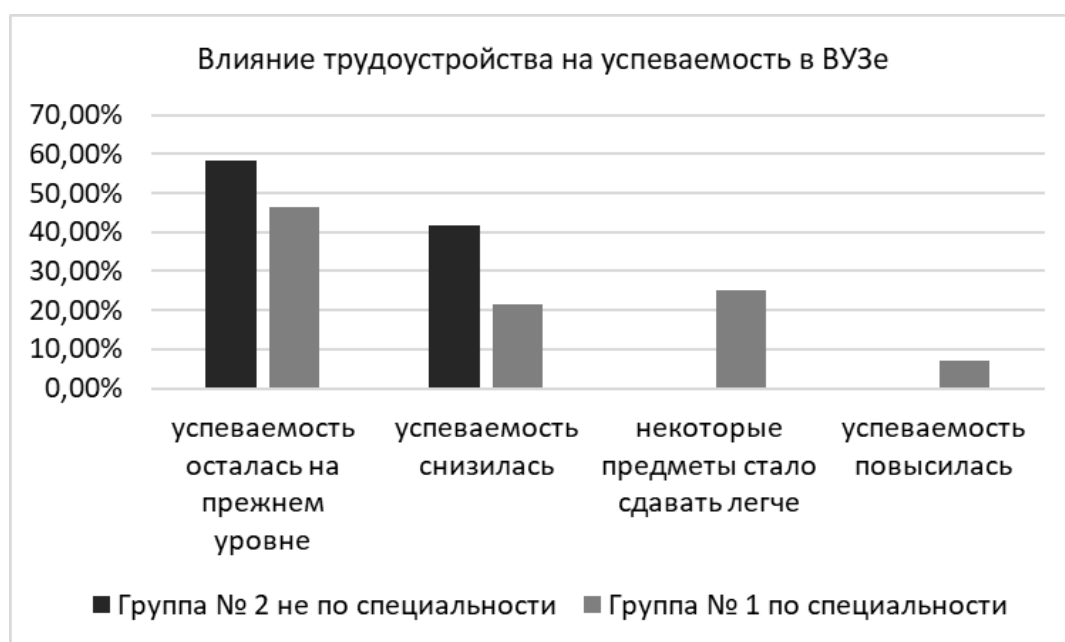

Рис. 2. Ответы на вопрос № 9 «Как Ваше трудоустройство повлияло на успеваемость в ВУЗе?»

Анализ диаграммы на рис. 2 показывает существенные различия в выборе ответов между двумя выделенными группами респондентов: работающих по специальности и трудящихся вне сферы юридического профиля. Успеваемость студентов, занятых на низкоквалифицированной работе, удивительным образом четко разделилась: у 58,3% она повысилась, а у 41,7% снизилась, и никаких других предложенных вариантов ответов респонденты не выбрали. Трудно предположить, чем вызвано такое дихотомическое разделение: возможностью на рабочем месте выполнять учебные задания, совершенствованием умений распределять и организовывать свое время, изменениями в оценке своих учебных достижений. В тоже время группа студентов, работающая на должностях, связанных с будущей специальностью, продемонстрировала более взвешенные и

осторожные выборы ответов: большая часть из них считает, «успеваемость осталась на прежнем уровне» (46,4%). А некоторые выбрали тактичный ответ «некоторые предметы стало сдавать легче» (25%). При этом только у 7,1% этой группы успеваемость повысилась.

При анализе вопроса № 7 «Насколько вы удовлетворены опытом совмещения работы с обучением в ВУЗе?» получен ответ, что почти 60% всех респондентов удовлетворены личным опытом совмещения работы и учёбы, при этом доля студентов, работающих по будущей специальности и позитивно оценивающих свою вторичную занятость несколько выше, чем у студентов, занятых неквалифицированным трудом (68% против 50%).

Вопрос № 8 «Удовлетворены ли Вы объемом и качеством тех умений и опыта, которые Вы приобрели на работе?» в определенной степени коррелировал с вопросом № 7 «Насколько вы удовлетворены опытом совмещения работы с обучением в ВУЗе?». Обращаясь к результатам ответов на вопрос «Удовлетворены ли вы объемом и качеством тех умений и опыта, которые вы приобрели на работе», можно отметить значительно более высокий процент удовлетворенности (87% всей выборки) приобретёнными умениями. Причины очевидного несоответствия между ответами на вопрос №8 («удовлетворённость полученным опытом») и вопрос №7 («удовлетворённостью совмещения работы и учёбы») следует искать в комментариях студентов, которые они высказали в пункте № 17 анкеты: *«Работать нужно в свободное время от учебы»; «Работа сильно отвлекает в период обучения»; «...анкета позволит определить с какими сложностями и проблемами сталкиваются студенты в момент совмещения учебы и работы, ведь трудности и проблемы в данных ситуациях стабильно случаются».*

Неудивительно, что ответы студентов на вопрос № 13 «Исходя из личного опыта, Вы бы рекомендовали трудоустраиваться в период обучения в ВУЗе своим друзьям?», при всей общей положительной тенденции удовлетворённости своим трудоустройством и совмещением работы и обучения, прозвучали весьма сдержанно (по всей выборке):

- «да» – 18 человек (28,2%);
- «затрудняюсь ответить» – 7 человек (10,3%);
- «нет» – 4 (5,9%);
- «смотря на какую работу» – 39 (57,4%).

За выборами респондентами ответов «смотря на какую работу» и «затрудняюсь ответить» скрыты, скорее всего, всё те же доминирующие установки: реализация возможности карьерного роста, достойная зарплата вне зависимости от сферы деятельности, сохранение баланса между работой и личными интересами [3].

Выводы.

1. За последние несколько десятилетий совмещение трудовой деятельности и учёбы студентами из разряда необходимости перешло в особую форму использования возможностей карьерного роста, что отразилось на изменении сфер занятости, времени и способов трудоустройства, представлений

о путях восходящей мобильности. Тенденция увеличения в процентном отношении количества студентов со вторичной занятостью, в целом, характеризуется исследователями как необратимый глобальный процесс.

Проведенным исследованием среди студентов ДГУЮ подтверждена наблюдаемая тенденция в среде современного студенчества о существовании изменений в стратегической модели достижения профессиональных и жизненных перспектив обучающейся молодёжи: студенты сокращают усилия, затрачиваемые на учёбу, и выбирают приоритет получения профессионального опыта в сфере вторичной занятости.

2. Объективные факторы, выраженные в остром дефиците кадров юридического профиля в ДНР, выступили детерминантой для проведения стохастического эксперимента по организации вторичной занятости студентов-бакалавров путём предоставления им индивидуальных графиков обучения. Будущие юристы получили возможность фальстартом реализовывать свой трудовой потенциал в учреждениях, относящихся к сфере юстиции, в судебной системе и других правоохранительных органах.

Учитывая, что нестабильность на рынке труда и дефицит кадров в сферах, связанных с юриспруденцией, продолжится в ближайшей перспективе, а со стороны государственных учреждений ДНР существует острый запрос на молодых работников, требуется пересмотр традиционной организации учебно-воспитательного процесса с учётом существующей тенденции вторичной занятости студентов по избранной юридической специальности, что делает проблему разумного совмещения работы и обучения студентов-юристов перспективной для дальнейших исследований.

3. Акцент на практическом применении знаний, предоставление возможностей для карьерного роста и самоактуализации будущих специалистов детерминируют организацию адекватной образовательной среды для молодых юристов, которая бы способствовала увеличению профессиональной заинтересованности, мотивационному росту и компетентному вхождению студентов в выбранную юридическую профессию с учётом запросов рынка труда.

Список литературы

1. Мусарский, М.М. Раннее трудоустройство современных студентов как укоренившаяся тенденция на молодежном рынке труда / М.М. Мусарский, Е.Д. Платонова // Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и общество : Материалы VII конференции с международным участием, посвященной 150-летию МПГУ, Москва, 21-22 апреля 2022 года / Под общей редакцией М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 120-125. – DOI 10.37492/ETNO.2022.39.39.016.
2. Университетская хроника // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 3 (5). – С. 7-13.

3. Шульга, В.В. Социальные установки, влияющие на вторичную занятость студентов ДГУЮ Минюста России / В.В. Шульга, Е.А. Гром // Вестник ДонНУ. Сер. В. Экономика и право. – № 3 – 2025. – С. 119-129.
4. Румянцева, А. Названы причины, по которым чаще всего увольняются сотрудники разных поколений. – Текст : электронный. – URL : <https://russian.rt.com/russia/news/1547267-rossiyane-uvolnenie-opros-prichiny> – (дата обращения: 19.10.2025).
5. Константинова, Е.Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий : специальность 22.00.06 : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук / Константинова Елена Борисовна. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
6. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 : [ред. от 27.02.2023 года]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361746/ (дата обращения: 21.10.2025).
7. Федоров, О.В. Компетентностно-ориентированный подход к формированию образовательных программ высшего образования – перспектива или тупик? / О.В. Федоров // Современное состояние и пути совершенствования образовательного процесса : Материалы X Республиканской научно-методической конференции, Донецк, 06 февраля 2025 года. – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2025. – С. 199-202. – EDN WRQANQ.
8. Юрин, Н.А. Компетентностный подход в современном образовании: проблемы и перспективы реализации в высших учебных заведениях / Н.А. Юрин // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 10 (115). – С. 47-49. – EDN WSCCKB.
9. Ковальчук, Н.Н. Реализация компетентностного подхода в системе высшего образования (теоретический аспект) / Н.Н. Ковальчук, Т.Г. Ставер // МНКО. – 2018. – № 2 (69). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kompetentnostnogo-podhoda-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-teoreticheskiy-aspekt> – (дата обращения: 10.05.2025).
10. Исаев, А.Р. Действующие системы практико-ориентированного обучения в высшем образовании в странах Европейского союза (на примере Германии и Австрии) / А.Р. Исаев, К.В. Баймакова // Инновации в науке и практике : Сборник научных статей по материалам XV Международной научно-практической конференции, Уфа, 11 июня 2024 года. – Уфа : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. – С. 187-197. – EDN GHYRHR.
11. Зинченко, В.О. Методологическая основа практико-ориентированного обучения в вузе / В.О. Зинченко, О.М. Россомахина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология.

- Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 151-156. – DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-1-151-156. – EDN BMFUVI.
12. Ковалевич, М.С. Модель профессионально-карьерного развития студенческой молодежи в условиях дуального высшего образования: синергетический подход / М.С. Ковалевич, Н.А. Леонюк // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2021. – № 4 (144). – С. 37-41. – EDN NSPPVM.
 13. Семенова, Л.М. Дуальный подход к обучению в высшей школе как ответ на социальный заказ / Л.М. Семенова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 2. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN222.pdf> – (дата обращения: 06.08.2025).
 14. Гайнова, К.В. Исторические аспекты и современные подходы к понятию «дуальное обучение» / К.В. Гайнова, А.А. Темербекова // Психология в образовании : материалы IV Международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 26-27 сентября 2024 года. – Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ: Горно-Алтайский государственный университет, 2024. – С. 40-44. – EDN APGFOU.
 15. Гибкий график и стабильность: как меняются приоритеты молодых сотрудников [Электронный ресурс] / Сайт «Forbes.ru». Forbes Education. Исследования. – URL: <https://www.forbes.ru/education/529048-gibkij-grafik-i-stabil-nost-kak-menautsa-prioritety-molodyh-sotrudnikov> – (дата обращения: 03.09.2025).

История правовой науки

1 ноября 2025 года в России отмечалось 160-летие со дня основания института судебных приставов. Именно в этот день в 1865 году император Александр II определил правовой статус этой категории государственных служащих. 8 сентября 2009 года президент России Владимир Путин подписал Указ № 1019 «Об установлении Дня судебного пристава».

Реформа и зарождение института

Появление приставов в Российской империи стало частью судебной реформы 1864–1865 годов, закреплённой рядом нормативных актов: «Учреждением судебных установлений», «Уставом гражданского судопроизводства», «Уставом уголовного судопроизводства» и других. Реформа предоставляла судебной власти реальные инструменты для исполнения решений, а не их формального провозглашения.

В уставах подробно определялся круг обязанностей приставов: вручение повесток и судебных бумаг, арест и опись имущества должников, организация торгов по продаже имущества, задержание должников, сопровождение присяжных заседателей и обеспечение порядка в судебном заседании. Приставы состояли при мировых и окружных судах, судебных палатах и в кассационных департаментах Сената, их полномочия и уровень ответственности зависели от судебной инстанции.

Требования к кандидатам и служебные ограничения

Законодательство 1864–1865 годов содержало жесткие требования к будущим приставам. Кандидат должен был быть не моложе 21 года, не иностранцем, не несостоятельным должником, не священнослужителем и не находиться под следствием. Формально образовательный ценз не устанавливался, но грамотность и аккуратность в обращении с документами были обязательными.

При назначении требовалось внесение денежного залога, который обеспечивал возмещение убытков в случае неправомерных действий. По указу 1866 года для Петербурга и Москвы он составлял 600 рублей; в провинции сумма могла быть меньше. Эти условия осложняли набор кадров и нередко приводили к нехватке исполнителей.

Закон также запрещал совмещение должности с другими видами государственной или общественной службы, а также ведение личных дел в суде. Эти меры должны были гарантировать независимость и беспристрастность приставов.

Административная практика и служебный быт

Приставы вели формулярные списки, учетную документацию, приходно-расходные книги и были обязаны хранить копии всех действий. После принесения присяги пристав получал удостоверение и специальный знак – изображение герба судебного ведомства на серебряной цепи. Присяга имела торжественную форму и символизировала личную ответственность перед государством и законом.

Оплата труда складывалась из жалованья, столовых и квартирных надбавок, а также вознаграждения за отдельные исполнительные действия. В среднем пристав в столице получал около 600 рублей в год. Служба считалась тяжелой, а ответственность – высокой.

За нарушения приставы несли дисциплинарную, гражданскую и уголовную ответственность. Среди типичных проступков – затягивание сроков, неправильное хранение арестованного имущества, превышение полномочий.

Масштабы и региональные особенности

По данным конца XIX – начала XX века, численность приставов в России колебалась. В 1886 году их было 1858, в 1896 году – 1455, а к 1914 году – около 1900 человек. Приставы распределялись по судебным участкам в зависимости от количества населения: в уездах обычно служили один-два пристава, в губерниях – десятки.

В некоторых регионах, например в Прикамье и Вятской губернии, формирование института сопровождало создание окружных судов. Именно развитие местной судебной инфраструктуры определяло эффективность исполнения решений.

Перелом 1917 года и исчезновение института

Начало XX века принесло новые вызовы. Государственные реформы, рост общественного напряжения и война обострили ситуацию. После революции 1917 года институт судебных приставов был ликвидирован как элемент старой системы.

Декрет Совета народных комиссаров от 24 ноября 1917 года упразднил должности приставов. Для реализации исполнений судебных решений был учрежден институт судебных исполнителей. Функции по поддержанию порядка в зале суда и принудительной доставки в суд участников были возложены на сотрудников милиции. Судебные исполнители состояли в штате суда и в своей деятельности подчинялись непосредственно суду.

Возрождение института в постсоветской России

После распада СССР потребовалось восстановить механизм принудительного исполнения судебных решений. В 1997 году были приняты федеральные законы № 118-ФЗ «О судебных приставах» и № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве». Они вступили в силу 6 ноября 1997 года и положили начало современной службе.

Следующий шаг – Указ Президента РФ № 1316 от 13 октября 2004 года, которым Служба судебных приставов была признана федеральным органом исполнительной власти. Так был восстановлен самостоятельный институт исполнения судебных актов, существовавший еще в XIX веке.

Преемственность и значение сегодня

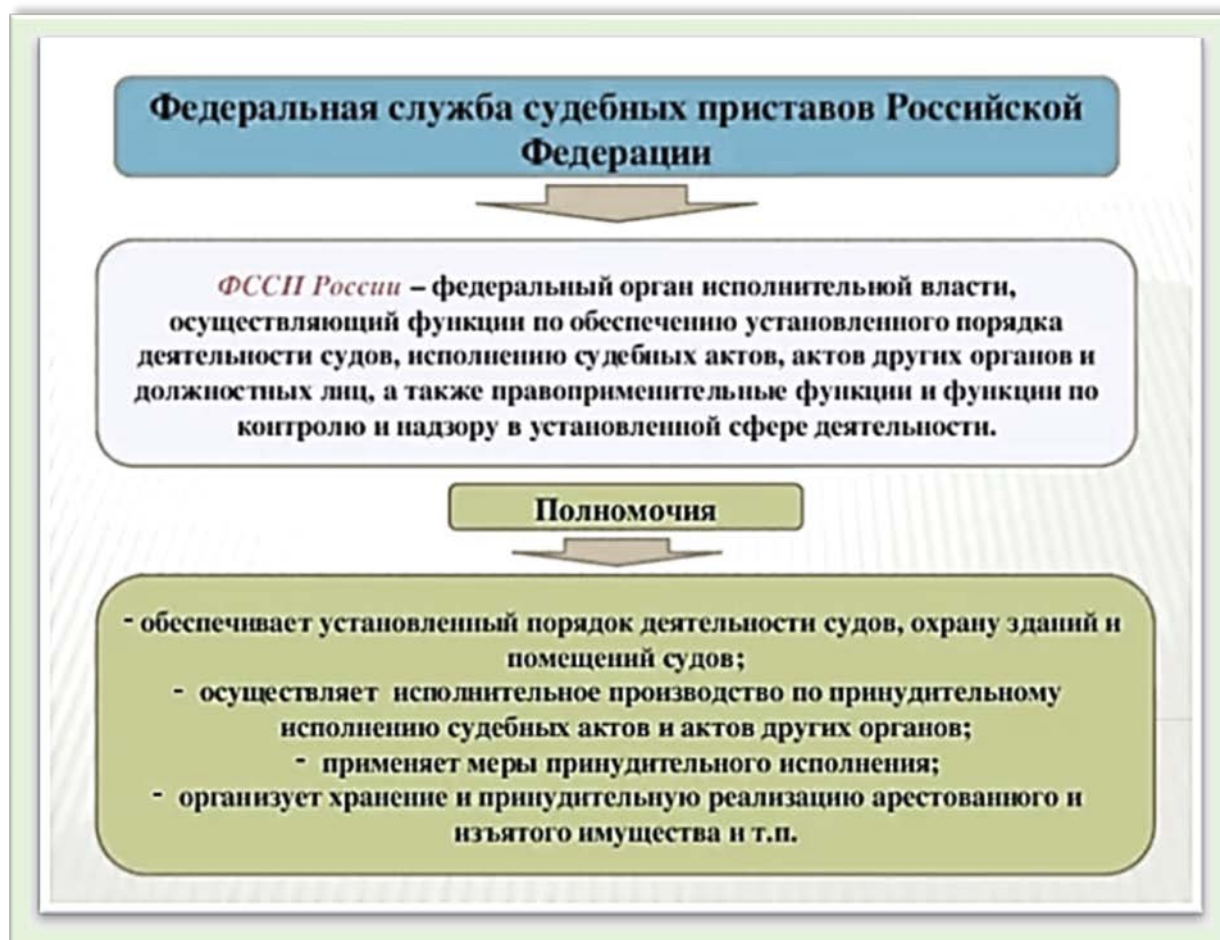
За 160 лет институт судебных приставов претерпел несколько кардинальных изменений: создание при реформе 1864 года, ликвидация в 1917-м, возрождение в 1997-м. Формы и инструменты менялись, но цель оставалась прежней – обеспечение исполнения решений суда и поддержание правопорядка.

Цифровизация и модернизация в 2010–2020 годах

ФССП активно внедряла новые технологии и автоматизированные системы для повышения эффективности своей работы. Были разработаны

и внедрены электронные системы для отслеживания исполнительных производств, что позволило значительно ускорить процесс исполнения судебных решений.

С 1 января 2020 года в соответствии с Федеральным законом №328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», судебные приставы превратились в полноценный силовой орган.

Сегодня приставы работают в иной технологической среде, опираясь на электронные базы и цифровое взаимодействие с ведомствами. Однако сама идея службы, стоящей на границе закона и его практического применения, остается неизменной. Эта преемственность отражает постоянную потребность государства в реальном исполнении судебных актов.*

*При подготовке публикации использованы материалы сайта <https://rvzrus.ru/>

